Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Гутенева Алиса Владимировна

Эволюция концепции коммерческих договоров в мусульманских странах: сравнительно-правовое исследование

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Ершова Инна Владимировна

Москва – 2026

Оглавление:

Введение 3
Глава I. Основы учения об эволюции концепции коммерческих договоров в мусульманских странах 22
1.1. Религиозно-правовые основы хозяйственной деятельности в мусульманских странах 22
1.2. Эволюция исламского коммерческого права под влиянием международной коммерческой практики: к проблеме конвергенции правопорядков 43
Глава II. Современные концепции коммерческих договоров в мусульманских правопорядках 62
2.1. Правовое значение шариата и его влияние на регулирование коммерческих договоров в современных мусульманских правопорядках 62
2.2. Система коммерческих договоров в современных мусульманских странах 78
2.2.1. Система коммерческих договоров в мусульманских странах с (квази)западной моделью правовой системы (на примере ОАЭ) 80
2.2.2. Система коммерческих договоров в мусульманских странах с фундаменталистской моделью правовой системы (на примере Саудовской Аравии) 104
Глава III. Проблемы и перспективы использования исламских коммерческих договоров в российском правопорядке 121
3.1. Возможности использования исламских коммерческих договоров в отечественном правопорядке 121
3.2. Электронные сделки и цифровизация коммерческого права в мусульманских странах: возможности применения зарубежного опыта в России 162
Заключение 187
Список использованных источников и литературы 196

Введение

Актуальность выбранной для исследования темы. В современных условиях, сопряженных с масштабными внешнеторговыми ограничениями, введенными в отношении России и российского бизнеса со стороны недружественных стран, вопрос дополнительной проработки теории коммерческих договоров приобретает особую значимость.

Наибольший интерес здесь представляют мусульманские договорные конструкции. После открытия и начала разработки нефтяных месторождений мусульманские страны Персидского залива оказались резко включены в международную коммерческую практику. При этом принципы запрета ставки процента (риба), спекулятивного поведения (мейсир), намеренного риска (гарар), а также иные принципы халяльной (правоверной) коммерческой деятельности столкнулись с международной коммерческой практикой, полностью основанной на ставках процентов, спекулятивном поведении и намеренном риске.

Однако, соответствующее противоречие не привело к исключению стран Персидского залива из мировой торговли, а, напротив, повлекло за собой развитие особых договорных конструкций в коммерческой сфере, которые, с одной стороны, соответствуют религиозно-правовым требованиям Шариата, а, с другой стороны, обеспечивают достижение нужных коммерческих эффектов.

Исследование процесса формирования подобных мусульманских коммерческих договоров, а также их специфических характеристик представляет сегодня особую актуальность для российской науки.

Она, прежде всего, обусловлена интенсификацией экономических отношений с арабскими странами в условиях санкций со стороны недружественных стран, введенных в отношении России. Беспрецедентное санкционное давление стало фактором, который привел к вынужденной форсированной смене вектора международного торгово-экономического взаимодействия: вместо традиционных европейских партнеров на первые места во взаимной торговле и инвестиционном сотрудничестве с Россией стали

выходить азиатские и ближневосточные государства (включая такие мусульманские страны, как ОАЭ, Саудовская Аравия и Иран).

Кроме того, теоретическая проработка концепции исламских коммерческих договоров имеет для России и внутринациональное измерение. Количество мусульман-граждан России в 2022 г. составляло около 20 млн человек[1] (или около 14% от всего российского населения). При этом мусульманское население России демонстрирует тенденцию к устойчивому росту (за счет высокой рождаемости в регионах Северного Кавказа). Запрет ставки процента, спекулятивного поведения и намеренного риска, являясь универсальными религиозными нормами ислама, естественно, касаются и мусульман-граждан России. В то же время, современная отечественная коммерческая практика преимущественно не учитывает их интересы.

Интересы мусульманского населения России и зарубежных торговых партнеров из мусульманских стран могли бы быть обеспечены за счет внедрения в России концепции исламских коммерческих договоров.

Соответствующие попытки активно предпринимались с середины 2010-х гг., но законодательное оформление нашли лишь в 2023 г. с принятием Федерального закона от 04.08.2023 № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2]. На основании данного закона в отдельных регионах Российской Федерации был запущен эксперимент по предоставлению услуг исламского банкинга (партнерского финансирования) с использованием конструкций исламских коммерческих договоров.

В настоящее время правовой эксперимент по партнерскому финансированию продлен до 2028 г., что свидетельствует, с одной стороны, о востребованности исламского банкинга и исламских договорных конструкций (по

---

[1] Мусульманское население по странам. [Электронный ресурс]. URL: https://az.sputniknews.ru/20220404/musulmanskoe-naselenie-po-stranam-440701302.html (дата обращения: 30.03.2026).
[2] СЗ РФ. 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6149.

крайней мере в регионах проведения эксперимента), а, с другой стороны, о продолжающемся процессе формирования концепции исламских коммерческих договоров в российском правопорядке.

Соответственно, можно сделать вывод о том, что выбранная для исследования тема представляется актуальной как для теории, так и для практики. Анализ выбранной тематики может быть полезен для отечественной правовой науки с точки зрения дополнительного освещения мировых альтернатив светских коммерческих договоров. Кроме того, исследование мусульманских коммерческих договоров соответствует текущим внешнеторговым реалиям, а также представляет значимость для правоверного мусульманского населения России.

Степень научной разработанности выбранной для исследования темы недостаточна. В настоящее время наиболее широко освещены лишь общие вопросы, связанные с теорией коммерческого договора в российском правопорядке, а также в зарубежных правопорядках континентальной и англосаксонской правовой системы.

Так, в советской доктрине вопросам правового регулирования хозяйственных договоров были посвящены исследования таких авторов, как: М.М. Агарков, М.И. Брагинский, М.М. Богуславский, М.В. Гордон, В.П. Звеков, О.С. Иоффе, О.А. Красавчиков, Л.А. Лунц, Д.В. Овчинников, И.С. Перетерский, М.Г. Розенберг и др. Среди дореволюционных авторов, исследовавших вопросы теории торгового договора, стоит выделить Е.В. Васьковского, Ю.С. Гамбарова, А.И. Каминку, В.А. Удинцева, П.П. Цитовича, Г.Ф. Шершеневича и др.

На современном этапе теория (концепция) коммерческих, (а также предпринимательских) договоров наиболее активно разрабатывается представителями науки коммерческого и предпринимательского права, среди которых, в частности, можно отметить следующих ученых: Е.А. Абросимова, Л.В. Андреева, Г.Е. Авилов, В.А. Белов, В.С. Белых, Ю.Е. Булатецкий, Е.А. Васильев, М.А. Егорова, Л.Г. Ефимова, С.С. Занковский, Е.М. Кондратьева, Н.Ю. Круглова,

В.В. Лаптев, А.Н. Левушкин, О.А. Макарова, В.А. Маслова, Б.И. Пугинский, В.Ф. Яковлев и др.

Анализ особенностей эволюции и современного состояния теории коммерческих договоров в зарубежных странах континентальной и англосаксонской правовых систем достаточно подробно исследован в трудах таких ученых, как: Е.В. Вершинина, И.А. Зенин, О.Н. Зименкова, А.С. Комаров, А.А. Костин и др. Отдельно можно отметить докторскую диссертацию Д.П. Стригуновой, посвященную исследованию системы правовых регуляторов международных коммерческих договоров в праве России, стран ЕАЭС и ЕС.

В целом, проблематика коммерческих договоров в современных отечественных исследованиях проанализирована достаточно подробно.

Однако, проблематика исламского коммерческого права в отечественной юридической науке получила заметное развитие лишь в последние полтора десятилетия (преимущественно в контексте обсуждения перспектив интеграции исламских финансовых механизмов в российскую правовую систему).

Наиболее системный вклад в данное направление внес Р.И. Беккин, исследовавший особенности исламских финансовых институтов и инструментов в мусульманских и немусульманских странах. Впоследствии совместно с М.С. Алискеровым он обратился к анализу состояния исламского финансового сектора в России. Экономико-правовые аспекты исламских финансов рассматривались также Б. Чокаевым, Е.А. Токмаковым и Е.А. Исаевой. Правовые проблемы имплементации исламского банкинга и партнерского финансирования изучались Д.Г. Алексеевой, И.Е. Михеевой, О.М. Ивановым.

А.Н. Кузнецова и И. Тенберга исследовали институт купли-продажи и запрет гарар в исламской традиции, М. Мирмохаммади – исламский взгляд на международное коммерческое право. Особого внимания заслуживает сравнительно-правовой анализ договора мурабаха, проведенный Х.В. Идрисовым и А.С. Тазбаевым, представляющий собой одну из немногих работ, посвященных догматическому анализу конкретного исламского коммерческого договора в контексте российского права.

Соотношение исламских правовых традиций с современными технологиями рассматривалось Р.М. Ахмедовым, Н.Д. Эриашвили, Ю.А. Ивановой, а современные институты исламского права в целом – Н.А. Медушевским и А.С. Громовой.

Вместе с тем комплексное юридическое исследование системы исламских коммерческих договоров в российской науке до настоящего времени не проводилось, что свидетельствует о наличии существенного пробела в данной области.

Англоязычная литература по исламскому коммерческому праву значительно более обширна.

Фундаментальные основы исламской правовой системы, определяющие нормативную базу коммерческих отношений, исследованы в трудах В. Халлака, М.Х. Камали, Г. Либсона. Непосредственно исламскому коммерческому праву посвящены работы Ч. Маллата (осуществившего комплексный анализ коммерческого права Ближнего Востока от классических сделок до современной практики), Н. Фостера, М.Т. Мансури, Х. Хасана. Проблемы взаимодействия исламского права с международным коммерческим правом рассматривались Т.С. Твибеллом, Дж. Чуа, У.М. Баллантайном, М. Макнузи. Методологические основания исламского экономического права разрабатывались М.У. Чапрой, А. Абузейдом, М.А. Заркa.

Значительный массив англоязычных исследований посвящен отдельным исламским финансовым инструментам. Здесь следует отметить работы Дж. Эрканбрэка, М. Аюба, Т. Усмани, М.Н. Сиддики, У. Хегази. Активно развивается направление, связанное с цифровизацией исламских коммерческих отношений: легитимность электронной коммерции и смарт-контрактов с позиции шариата анализировалась А. Алуфи, М. А. Ханом, Б. Хуссейном, Д. Хиджази, Г. А. Атийя, А. Ризваном, С. Курейши, М.А.И. Хашми, В. Уриаваном.

Впрочем, несмотря на широкий спектр зарубежных исследований, комплексное сравнительно-правовое исследование системы исламских

коммерческих договоров с позиции российской правовой доктрины в англоязычной литературе отсутствует.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в связи и по поводу коммерческих договоров.

Предметом исследования являются правовые нормы отечественного и мусульманских правопорядков, международные правовые нормы, *lex mercatoria* (включая стандарты международных мусульманских организаций), правоприменительная практика, а также отечественные и исламские теории, концепции и подходы, связанные с коммерческими договорами, взятые в их исторической динамике и в правовом контексте.

Цель исследования состоит в формировании нового научного знания об исламской концепции коммерческих договоров, системе таких договоров в мусульманских странах с различными типами правовых систем, а также о потенциале применения указанной концепции в российском правопорядке.

Для достижения данной цели в исследовании предполагается решить следующий ряд **задач:**

- выявить ключевые религиозно-правовые основы хозяйственной деятельности в мусульманских странах;

- исследовать эволюцию исламского коммерческого права под влиянием международной коммерческой практики, оценить конвергенцию светского и религиозного коммерческого права;

- выявить правовое значение шариата и оценить его влияние на регулирование коммерческих договоров в современных мусульманских правопорядках;

- проанализировать систему коммерческих договоров в современных мусульманских странах с (квази)западной и фундаменталистской моделями правовых систем (на примере ОАЭ и Саудовской Аравии);

- оценить возможности для применения концепции исламских коммерческих договоров в российском правопорядке;

- установить перспективные направления правового регулирования цифровых исламских коммерческих договоров и исламских цифровых прав.

Теоретические основы исследования находятся на пересечении двух крупных правовых традиций, каждая из которых выработала собственный понятийный аппарат и систему концепций применительно к коммерческим договорам.

В российской цивилистической доктрине теория торгового договора опирается на концепцию дуализма частного права, восходящую к трудам Г.Ф. Шершеневича и П.П. Цитовича, которые обосновывали выделение торговых сделок по субъектному и функциональному критериям. На современном этапе данная проблематика развивается в рамках науки коммерческого права, прежде всего, в работах Б.И. Пугинского, сформулировавшего концепцию коммерческого договора как инструмента управления хозяйственными связями, а также в трудах Л.В. Андреевой, Е.А. Абросимовой, В.А. Белова и других исследователей, анализирующих систему коммерческих договоров в условиях монистической модели частноправового регулирования, закрепленной в Гражданском кодексе Российской Федерации.

В свою очередь, исламская правовая традиция базируется на доктрине единства шариата как нормативной системы, не допускающей разграничения публичного и частного, гражданского и торгового права. Ключевое значение для исследования здесь имеет концепция «муамалат» – обособленного раздела шариата, регулирующего договоры и деловые сделки на основе интерпретации религиозных текстов правовой доктриной (фикхом). Основой муамалата в исламском праве выступает система императивных ограничений, включающая запрет процента (риба), чрезмерной неопределенности (гарар) и спекулятивного риска (майсир), а также подчинение коммерческой деятельности общим целям шариата (макасид аль-шариа). Данные ограничения определяют специфику формирования договорных конструкций в мусульманских правопорядках.

Синтез указанных правовых традиций составляет ключевую методологическую задачу настоящего исследования. Именно в рамках точек

соприкосновения и принципиальных расхождений между российской и исламской теориями коммерческого договора и проявляются теоретические основы настоящего исследования.

Методология и методы диссертационного исследования. Методологической основой исследования выступает диалектическая логика, позволяющая рассматривать эволюцию концепции исламских коммерческих договоров как закономерный процесс, обусловленный взаимодействием экономических, политических и религиозных факторов. В частности, именно диалектика единства и борьбы противоположностей позволяет осмыслить феномен конвергенции исламского и светского коммерческого права – процесс, в котором религиозные императивы шариата одновременно ограничивают и стимулируют формирование оригинальных договорных конструкций, способных функционировать в условиях глобализированного коммерческого оборота.

Методы исследования представлены как общенаучными, так и специально-юридическими.

К общенаучным методам относятся анализ и синтез, позволяющие деконструировать сложные правовые явления и воссоздавать целостную картину: так, анализ применяется при исследовании отдельных элементов системы шариатских ограничений (запрет риба, гарар, майсир), тогда как синтез обеспечивает их последующее объединение в целостную концепцию исламского коммерческого договора.

Индуктивно-дедуктивный метод обеспечивает переход от частных наблюдений к обобщениям и обратно – например, от анализа конкретных договорных конструкций мурабаха, мудараба и вакала к формулированию общих закономерностей построения исламских коммерческих договоров.

Системный метод необходим для исследования коммерческих договоров как элемента более широких правовых систем, что особенно значимо применительно к шариату, в котором отсутствует характерное для европейской традиции разграничение публичного и частного, гражданского и торгового права.

Метод аналогии применяется при сопоставлении функционально схожих институтов различных правопорядков – в частности, при соотнесении муамалата как обособленного раздела шариата с европейским феноменом *lex mercatoria*.

Среди специально-юридических методов ведущую роль играют сравнительно-правовой и историко-правовой методы.

Сравнительно-правовой метод позволяет выявить общее и особенное в концепциях коммерческих договоров, сложившихся в российском правопорядке, в мусульманских странах, а также в светских государствах континентальной и англосаксонской правовых систем.

Историко-правовой метод обеспечивает исследование генезиса и трансформации договорных конструкций в их хронологической последовательности. В частности, данный метод был применен в рамках исследования рецепции французского торгового законодательства в Османской империи середины XIX века и ее последствий для формирования современных правопорядков ОАЭ и Саудовской Аравии.

Формально-юридический метод используется при анализе нормативных текстов (как светского законодательства, так и источников шариата и фикха) с целью установления их юридического содержания и системных взаимосвязей, включая выявление соотношения императивных религиозных предписаний и диспозитивных норм национальных торговых кодексов мусульманских государств.

Наряду с указанными методами в исследовании применяется метод правового моделирования, который используется для конструирования теоретических схем интеграции исламских договорных конструкций в российский правопорядок. В частности, метод правового моделирования применяется при разработке подходов к структурированию исламских договорных конструкций средствами действующего гражданского права Российской Федерации.

Нормативная база исследования представлена законодательством о коммерческих договорах России, ОАЭ, Саудовской Аравии, а также ряда других мусульманских стран. Отдельно можно выделить международные акты «мягкого

права»: типовые законы, рекомендации и стандарты, а также тексты исламской правовой доктрины (фикха), являющиеся составной частью шариата.

Эмпирическая база исследования включает в себя материалы правоприменительной практики отечественных судов, решения государственных судов зарубежных стран, решения международных коммерческих арбитражей, а также статистические данные о структуре и динамике внешней торговли.

Научная новизна диссертации состоит в том, что она представляет собой комплексное сравнительно-правовое исследование системы исламских коммерческих договоров, осуществленное с позиций российской доктрины коммерческого права. В исследовании предпринята попытка разработать концепцию мусульманских коммерческих договоров с привлечением как транснационального (муамалат в качестве исламского lex mercatoria), так и национального регулирования (коммерческое законодательство ОАЭ и Саудовской Аравии). Осуществлена категоризация мусульманских правопорядков по критерию правового значения шариата с обоснованием дуалистической и монистической моделей построения систем коммерческих договоров. Отдельно обоснована концепция цифрового сукук.

Положения, выносимые на защиту:

1. Доказано, что исламский коммерческий договор представляет собой соглашение, опосредующее обмен товаров и услуг с целью извлечения прибыли, заключаемое и исполняемое в соответствии с системой религиозно-правовых запретов и дозволений шариата.

Исламский коммерческий договор характеризуется существенно модифицированными субъектным, целевым, предметным и функциональным квалифицирующими признаками (критериями):

- субъектный критерий расширен за счет включения исламских финансовых организаций, которые в силу запрета ставки процента (рибы) вынуждены участвовать в реальном товарообороте.

- целевой и предметный критерии подчинены дополнительным ограничениям: требованиям халяльности, запрету чрезмерной неопределенности

(гарара) и запрету спекулятивного дохода, не обеспеченного реальной хозяйственной деятельностью.

- функциональный критерий обогащен принципом распределения прибыли пропорционально принимаемым рискам и ответственности за убытки.

Совокупность указанных особенностей формирует более узкие пределы договорной свободы по сравнению с российским коммерческим правом, одновременно порождая специфические договорные конструкции (мурабаха, мушарака, мудараба и др.), не имеющие прямых аналогов в отечественном правопорядке.

2. Аргументировано, что в рамках муамалата (условно обособленный комплекс норм шариата о договорах и деловых сделках), который представляет собой исламское *lex mercatoria*, запрет получения безусловного дохода от использования капитала в отсутствие реальной деятельности (запрет долговой рибы) и запрет получения дохода от перепродажи (запрет торговой рибы)[3] преодолевается двумя основными способами:

- за счет использования правовой фикции, в соответствии с которой «коммерческая работа» признается реальной деятельностью[4] (по такой модели построены исламские коммерческие договоры мурабаха и истисна);

- за счет использования организационных коммерческих договоров с условиями о распределении прибыли между сторонами (по такой модели построены исламские коммерческие договоры мушарака и мудараба).

---

[3] Запрет рибы (ставки процента) предполагает недопустимость образования дохода, не зависящего от совершения реальной деятельности. Запрещенная риба может состоять либо в получении добавленной стоимости за счет обмена или (пере)продажи одинаковых товаров при условии, что реальная цена товаров не изменилась (запрещенная торговая риба); либо в предоставлении денежных средств или материальных ценностей в кредит под проценты без связи кредитного договора с реальной (хозяйственной) деятельностью (запрещенная долговая риба). Долговая риба запрещена всегда. Торговая риба не является безусловно запрещенной и может квалифицироваться как правомерная (халяльная), если добавленная стоимость образуется в результате обмена различных (не одинаковых) товаров и если обмен производится между двумя сторонами («из рук в руки»).

[4] Закрепление за коммерческой деятельностью правового статуса «работы» формально-юридически придает ей статус реальной (хозяйственной) деятельности, что позволяет как осуществлять перепродажу товаров с извлечением прибыли (т.к. в данном случае увеличение стоимости товаров обуславливается совершением «работы» коммерсантами), так и устанавливать ставку процента во взаимосвязи с коммерческой «работой» (в форме фиксированной надбавки за коммерческую работу или в форме вознаграждения в виде доли от полученной прибыли).

Характер и степень гибкости применения отмеченных правовых средств в рамках конкретных правопорядков зависит от правового значения шариата в рамках национальной правовой системы (который неодинаково влияет на конструирование системы гражданских и торговых договоров).

3. По критерию правового значения шариата в рамках национальной правовой системы выделены два типа мусульманских стран: страны с (квази)западной моделью правовой системы и страны с фундаменталистской моделью правовой системы. В зависимости от модели правовой системы в мусульманских странах выстраиваются две принципиально разные системы коммерческого права.

3.1. Мусульманские страны с (квази)западной моделью правовой системы признают за шариатом характер конституционно-правовой нормы-принципа. Религиозно-правовые запреты и дозволения шариата как конституционной нормы-принципа подлежат обязательному учету при разработке национального коммерческого законодательства, однако, не являются определяющим фактором для законотворческой работы.

В мусульманских странах с (квази)западной моделью система коммерческих договоров носит дуалистический характер: 1) общие коммерческие договоры обособлены от гражданских договоров, носят светский характер и выведены из-под действия запретов и дозволений шариата; 2) специальные исламские коммерческие договоры опираются на муамалат и прямо поименованы в соответствующем качестве в коммерческом законодательстве.

Нормы об исламских коммерческих договорах носят специальный характер и применяются в рамках строго ограниченного круга субъектов (исламские финансовые организации) и общественных отношений.

Применение шариата (муамалата) к общим коммерческим договорам осуществляется субсидиарно, только в случаях отсутствия: 1) положений законодательства, прямо и косвенно регулирующих коммерческие отношения; 2) правовых традиций (правовых обычаев), сформировавшихся в национальной и

международной исламской коммерческой практике; 3) договорного регулирования конкретных коммерческих отношений.

3.2. Мусульманские страны с фундаменталистской моделью правовой системы признают за шариатом (включая исламскую правовую доктрину – фикх) характер закона, обладающего высшей юридической силой и прямым действием.

В мусульманских странах с фундаменталистской моделью система гражданских и коммерческих договоров носит монистический характер (следуя единству шариата) и опирается на муамалат. Вся система коммерческих договоров выстраивается с учетом запретов и дозволения шариата посредством законодательного закрепления конкретных подходов, разработанных в рамках отдельных шариатских школ (мазхабов).

Прямое применение норм шариата (муамалата) в странах с фундаменталистской моделью носит не только субсидиарный (в случае отсутствия специальной нормы в национальном коммерческом законодательстве), но и пресекательный характер (в случае противоречия положений национального коммерческого законодательства религиозно-правовым ограничениям и запретам шариата).

4. Выявлено, что вследствие неодинакового влияния шариата на конструирование национальных систем гражданских и коммерческих договоров, система коммерческих договоров в ОАЭ как мусульманской стране с (квази)западной моделью правовой системы носит дуалистический характер и включает в себя два обособленных правовых режима: светский (секуляризованный) и исламский (религиозно-правовой).

4.1. Светский правовой режим коммерческих договоров выступает в качестве специального обособленного режима по отношению к общегражданскому регулированию. Он распространяется только на коммерческую деятельность, которая должна соответствовать любому из следующих альтернативных критериев: субъектный критерий, легальный критерий, функциональный критерий. В качестве дополнительных критериев для

разграничения коммерческой и общегражданской деятельности также выступают структурный (организационно-правовой) критерий и ресурсный критерий.

В рамках светского правового режима могут свободно заключаться и исполняться традиционные светские коммерческие договоры (с определенными национальными особенностями, не связанными напрямую с мусульманской правовой системой).

4.2. Исламский религиозно-правовой режим осуществления коммерческой деятельности в правопорядке ОАЭ является обязательным только для исламских финансовых организаций. Иные участники коммерческой деятельности не обязаны использовать исламский религиозно-правовой режим, однако могут им руководствоваться в рамках реализации принципа свободы договора.

Исламский религиозно-правовой режим включает в себя специальные исламские коммерческие договоры, к которым относятся: мурабаха (купля-продажа по запросу о финансировании); истисна (поставка/производство по запросу о финансировании); салям (форвардная продажа); иджара (часть договорной конструкции финансовой аренды); продажа в рассрочку (как основное расчетное обязательство); а также мушарака (деловое партнерство/простое товарищество) и мудараба (спекулятивное партнерство/инвестиционное товарищество).

5. Установлено, что фундаменталистская модель правовой системы Саудовской Аравии, порожденная особо сильным влиянием шариата, нашла отражение в единой (монистической) трехзвенной системе коммерческих договоров:

- коммерческие договоры, правовое регулирование которых осуществляется положениями общего гражданского законодательства (Закона Саудовской Аравии «О гражданских сделках», Гражданского кодекса Саудовской Аравии): мушарака, мудараба и «договор о разделе продукции»[5] (договор финансовой аренды);

[5] Несмотря на сходство в названии с отечественными соглашениями о разделе продукции соответствующая категория договоров призвана оформлять в соответствии с требованиями шариата именно договоры лизинга.

- коммерческие договоры, правовое регулирование которых осуществляется в рамках общего коммерческого законодательства (в Законе Саудовской Аравии «О коммерческих сделках», Торгового кодекса Саудовской Аравии): купля-продажа между коммерсантами (в т.ч. форвардная продажа салям); открытый аукцион; поставка; посреднические коммерческие договоры (поручительство, агентский договор, договор комиссии); а также договоры с коммерческими ценными бумагами (чеком, простым и переводным векселем);

- коммерческие договоры, правовое регулирование которых осуществляется в специальном коммерческом законодательстве (в специальных законах об отдельных категориях договоров): коммерческая концессия, коммерческий агентский договор, коммерческое (ответственное) хранение, коммерческий залог, договоры с ценными бумагами, договоры в сфере электронной коммерции, залог движимого имущества.

Приведенные три группы коммерческих договоров расположены в соответствии с принципом: от общего закона – к специальному. Приоритет отдается специальному законодательству. Каждая группа коммерческих договоров опирается на муамалат в его толковании саудовскими мазхабами.

6. Доказано, что в условиях, когда договорная форма переходит в программный код, среди исламских цифровых финансовых активов центральное место начинает занимать смарт-сукук, который как категория исламского коммерческого права должен соответствовать требованиям и ограничениям шариата.

Смарт-сукук (исламская облигация в форме цифрового финансового актива) – это цифровое право, удостоверяющее долю владельца в праве собственности или ином имущественном праве на определенный актив либо совокупность активов, выпуск, учет и обращение которого (права) осуществляются посредством внесения записей в распределенный реестр, а исполнение обязательств по которому обеспечивается автоматически на основании смарт-контракта.

Ключевыми квалифицирующими признаками смарт-сукук, подчеркивающими его исламскую религиозно-правовую природу, являются:

- обязательная привязка к реальному базовому активу (недвижимое имущество, оборудование, права требования из договоров аренды или поставки и т.д.);

- запрет на включение в структуру инструмента элементов рибы, гарара и мейсира;

- распределение доходов между владельцами пропорционально их долям в базовом активе, а не в форме фиксированного процентного дохода;

- наличие заключения (фетвы) шариатского совета о соответствии условий выпуска принципам исламского права.

Предложения по совершенствованию правоприменительной практики:

В рамках диспозитивности регулирования гражданских отношений, предполагающей право на заключение непоименованных договоров, для договорного структурирования исламских коммерческих договоров по российскому праву без внесения изменений в действующее законодательство представляется возможным использование следующих конструкций смешанных непоименованных договоров:

1. Договор мудараба (общий договор спекулятивного партнерства) – это договор инвестиционного товарищества, по которому одна сторона (товарищ-инвестор) обязуется предоставить капитал (сделать имущественный вклад), а другая сторона (управляющий товарищ) – собственные усилия и «коммерческую работу», направленные на получение прибыли из предоставленного капитала, после чего полученная прибыль распределяется между сторонами в соответствии с согласованными в договоре условиями.

2. Договор банковской мударабы (договор партнерского инвестирования) – это непоименованный смешанный договор, по которому исламская финансовая организация (участник соответствующего экспериментального правового режима) обязуется принимать денежные средства клиента на определенный срок без гарантии их возврата в номинальном выражении, выплачивать по ним доход в зависимости от результатов использования переданных денежных средств с запретом на установление вознаграждения клиента в виде процентной ставки.

Договор банковской мударабы может применяться пока только в рамках экспериментального правового режима по партнерскому финансированию.

3. Договор иджара (договор партнерского лизинга) – это договор финансовой аренды (лизинга), по которому одна сторона (лизингодатель) передает во владение и пользование (но не в собственность) другой стороне (лизингополучателю) определенное имущество (предмет лизинга), а лизингополучатель обязуется выплачивать лизингодателю вознаграждение в виде фиксированной суммы или в виде переменной суммы, поставленной в зависимость от определенных показателей или критериев (включая долю в прибыли от использования предмета лизинга), без взимания процентов за просрочку и иных штрафных процентов.

4. Договор мурабаха (договор инвестирования под покупку, договор партнерской купли-продажи) – это непоименованный смешанный договор, по которому одна сторона (инвестор) в интересах и по требованию другой стороны (покупателя) заключает от своего имени договор купли-продажи с третьим лицом (поставщиком), на которого указал покупатель, после чего инвестор передает полученное по сделке с третьим лицом имущество покупателю, а покупатель обязуется в течение определенного времени (в рассрочку) возместить понесенные инвестором затраты на приобретение имущества и оплатить его коммерческую работу по заключению договора купли-продажи с поставщиком.

Существенными условиями договора мурабаха являются следующие: 1) условия приобретения предмета договора продавцом у третьего лица (стоимость, характеристики, сроки приобретения); 2) условие о рассрочке (отсрочке) платежей по договору; 3) условие о фиксированном размере вознаграждения продавца за предоставление финансирования и приобретение указанного покупателем актива; 4) условия, исключающие применение штрафных или иных процентов к договорным отношениям.

5. Договор истисна (договор инвестирования под поставку/производство) – это непоименованный смешанный договор, по которому одна сторона (инвестор) в интересах и по требованию другой стороны (заказчика) заключает от своего

имени с третьим лицом (поставщиком, исполнителем, подрядчиком) договор подряда, договор строительного подряда, договор поставки или иной договор, предполагающий выполнение работы, оказание услуг или отгрузку партий товара, после чего инвестор уступает возникшее по сделке с третьим лицом право требования заказчику, а заказчик обязуется в течение определенного времени (в рассрочку) возместить понесенные инвестором затраты на приобретение имущества и оплатить его коммерческую работу по заключению договора с поставщиком (исполнителем, подрядчиком).

Важно отметить, что все отмеченные выше конструкции перед их возможным законодательным закреплением должны пройти апробацию либо в рамках экспериментального правового режима по партнерскому финансированию, продленному до 2028 г., либо в ходе судебного оспаривания.

Теоретическая значимость. Выводы, полученные автором, могут быть использованы для развития отечественной концепции коммерческих договоров в мусульманских странах, правовой квалификации исламских правовых институтов и их систематизации. Отдельный интерес для исследовательского сообщества могут представлять выводы автора о моделях правовых систем в современных мусульманских странах и о соответствующих данным моделям подходах к конструированию концепции и системы коммерческих договоров.

Практическая значимость. Результаты исследования могут представлять интерес для практикующих юристов и участников трансграничной торговли с представителями мусульманских стран (прежде всего, ОАЭ и Саудовской Аравии). Полученные результаты о новейшем гражданском и торговом регулировании ОАЭ и Саудовской Аравии могут использоваться при заключении коммерческих договоров с контрагентами из данных стран, а также в рамках признания и приведения в исполнения судебных и арбитражных решений на их территории. Также выводы и результаты, полученные автором, могут использоваться в рамках учебного процесса (например, в рамках дисциплин «Предпринимательское право», «Коммерческое право», «Зарубежное торговое право» и др.). Кроме того, актуальность выбранной для исследования темы, а

также полученные результаты свидетельствуют о необходимости подготовки специалистов, разбирающихся в архитектуре исламских финансовых инструментов и способных осуществлять банковский надзор за выполнением норм шариата.

Достоверность результатов подтверждается использованием релевантной теоретико-методологической базы, применением общенаучных и специальных методов исследования, а также опорой на актуальный эмпирический материал.

Апробация результатов исследования. Выводы и положения, сформулированные автором по итогам проведенного исследования, были обсуждены на кафедре предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Ключевые положения диссертационного исследования были апробированы в четырех статьях, опубликованных в журналах из перечня рецензируемых научных изданий ВАК, а также на следующих научно-практических мероприятиях: научно-практическая конференция «Право и реальный сектор экономики России», 5 марта 2024 года, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) г. Москва; панельная дискуссия «Технологии женского наставничества: тренды XXI века», 27 ноября 2024 года, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) г. Москва; VI Всероссийская научно-практическая конференция «Лаптевские чтения» на тему «Право и реальный сектор экономики», 25 апреля 2025 года, Институт государства и права РАН г. Москва; XIV Международная научно-практическая конференция «Право и бизнес: роль права в достижении национальных целей развития Российской Федерации» 29 мая 2025 года, Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого г. Великий Новгород.

По **структуре** исследование состоит из введения, трех глав, разделенных на шесть параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы.

Глава I. Основы учения об эволюции концепции коммерческих договоров в мусульманских странах

1.1. Религиозно-правовые основы хозяйственной деятельности в мусульманских странах

Большинство стран мира сегодня придерживаются одной из двух основных правовых традиций: общего или гражданского права. В целом, это соответствует дифференциации правопорядков на две правовые семьи: англосаксонскую и романо-германскую (континентальную).

Термин «гражданское право» происходит от латинского понятия *ius civile* – законодательства, применимого ко всем римским гражданам (в отличие от *ius gentium* – права народов, т.е. права иностранцев). Истоки современных континентальных систем гражданского права можно найти в римском праве – в особенности, в его крупной кодификации, составленной по указу императора Юстиниана в VI веке н.э.[6] Несмотря на то, что Кодекс был утрачен уже в течение нескольких десятилетий после его создания, он снова увидел свет в XI-XII веках – сначала в Италии, а затем и в других странах Европы (получив название *Corpus iuris civilis*). Несколько поколений европейских юристов адаптировали принципы римского частного права, изложенные в Кодексе Юстиниана, к потребностям конкретно-исторического момента: широкое распространение получили комментарии, сделанные в рамках юридических школ глоссаторов и постглоссаторов[7].

В результате, к окончанию периода Средневековья, гражданское право, равно как и право каноническое, преподавались в большинстве университетов Европы, заложив основу современной юриспруденции. Ключевая ценность *Corpus iuris civilis* состояла в том, что он представлял собой набор правовых принципов и норм, апробированных многолетним опытом и подтвержденных авторитетом Древнего Рима, которые, к тому же, могли быть адаптированы под текущие нужды гражданского оборота.

---

[6] Покровский И. А. История римского права. М.: Юрист, 2004. С. 26.

[7] Буркова Д. А. Роль средневековых университетов в рецепции римского права // Russian Journal of Economics and Law. 2022. №4. С. 73.

С течением времени в условиях политической фрагментации в Европе перед государствами встала задача унифицировать и упорядочить их национальные правовые системы. В результате, на протяжении всего периода раннего Нового времени это стремление приводило к появлению кодифицированных источников гражданского права, в которых объединялись как местные обычаи и традиции, так и римские правовые нормы. Первым ярким примером на этом пути стала работа голландского юриста Г. Гроция «Введение в голландскую юриспруденцию», опубликованная в 1631 г.[8] Здесь римское частное право и голландское обычное право были синтезированы в единое целое. Первыми полноценными кодификациями, окончательно оформившими завершение процесса становления континентальной правовой семьи, стали Гражданский кодекс Франции (известный как Кодекс Наполеона) 1804 г.[9], а также Германское гражданское уложение 1896 г.[10]

Несмотря на то что в Средние века, когда происходило становление ключевых институтов гражданского и торгового права, Англия имела множество глубоких культурных и торгово-экономических связей с остальной Европой, однако ее правовая традиция развивалась иначе, чем на континенте. Этому существует ряд объяснений исторического характера, и ключевое из них – становление на территории Великобритании прецедентного права; основными источниками регулирования гражданско-правовых отношений становились судебные решения. Римское писаное право, в свою очередь, не получило здесь столь же широкого распространения, как в странах континентальной Европы.

Традиция общего права *(common law)* возникла в Англии в Средние века и впоследствии также развивалась на территории британских колоний. В свою очередь, традиция гражданского права развивалась в континентальной Европе (а также получила распространение в колониях имперских держав, таких как Франция, Испания и Португалия). Примечательно, что континентальная модель

[8] Гроций Г. Введение в голландскую юриспруденцию. Киев: Центр навчальної літератури, 2019.
[9] Le Code civil des Français (1804) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/legitext000006070721/ (дата обращения: 5.01.2024)
[10] Bürgerliches Gesetzbuch (1896) [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/ (дата обращения: 5.01.2024)

несколько позже (в XIX-XX вв.) была воспринята и странами с самобытными гражданско-правовыми традициями (Япония, Россия). Здесь рецепция опыта западноевропейских стран воспринималась как шаг в направлении суверенного развития своих экономик.

Общее право, как правило, не кодифицировано. Это означает, что в Великобритании не существует всеобъемлющего сборника правовых норм и статутов. Безусловно, общее право часто опирается на некоторые законодательные акты, принимаемые зачастую по образцу континентальных правопорядков, но в основном оно основано на прецедентах, то есть на судебных решениях, которые уже были приняты по аналогичным делам. Эти прецеденты сохраняются на протяжении времени в архивах британских судов, а также периодически документируются в сборниках прецедентного права (ежегодники и отчеты)[11]. Прецеденты, которые должны применяться при рассмотрении каждого нового дела, определяются председательствующим судьей.

В свою очередь, правовая традиция в мусульманских правопорядках существенно отличается от традиции, свойственной для стран континентальной и англосаксонской правовых семей.

Торговое право (и в т.ч. теория торговых договоров) в европейских странах развивалась практически без влияния со стороны религии. Господствовавшее в Европе христианство не предполагало установления априорных правил и ограничений для всех без исключения хозяйственных операций (запреты распространялись лишь на отдельные аморальные, греховные, сферы). Параллельно европейское право, наследуя римским традициям, носило светский (а не религиозный) характер. Как следствие, становление протоформ современных коммерческих институтов осуществлялось на территории Европы относительно свободно.

В то же время, правовая традиция мусульманских стран прямо основана на религиозных положениях ислама, которые достаточно детально регламентируют

[11] Pejovic C. Civil Law and Common Law: Two Different Paths Leading to the Same Goal // Poredbeno pomorsko pravo. 2001. №40. P. 35.

разнообразные сферы общественной жизни (включая хозяйственную сферу). Как следствие, в мусульманских странах сформировалась собственная уникальная система исламского права, основанного на религиозных нормах.

Впрочем, сразу стоит отметить, что категория исламское право является обобщающей абстрактной категорией (по аналогии с континентальной и англосаксонской правовыми семьями). На практике исламское право представляет собой органичную совокупность достаточно большого количества элементов, которые могут достаточно сильно различаться от страны к стране.

Общим критерием для выделения данной категории является только опора на общие религиозные нормы ислама в виде шариата и фикха. Если попытаться разграничить данные две категории, то можно сделать вывод о том, что шариат представляет собой собрание «законных» положений Корана, сунны и хадисов, а фикх – это интерпретация норм шариата религиозным и юридическим сообществом. В рамках фикх изучается и интерпретируется шариат. Как отмечают сами мусульманские правоведу, шариат воплощает в себе божественную природу права, а фикх – его земной, человеческий, аспект[12]. Иными словами, в узком значении шариат представляет собой (квази)нормы права, а фикх – правовую доктрину (имеющую статус источника права).

Тем не менее, строгого разделения между данными двумя категориями нет. Более того, в широком понимании шариат рассматривается как включающий в себя не только текст Корана, сунны и хадисов, но и их доктринальные интерпретации (т.е. фикх)[13]. Таким образом, шариат фактически приравнивается к религиозному праву в целом (а не только к религиозному «законодательству»). Именно подобное широкое понимание шариата будет использоваться нами в дальнейшем.

Важнейшим источником шариата является текст Корана. В отличие от христианских религиозных книг, Коран носит более детализированный характер и содержит в себе правила поведения, подлежащие применению как в обычной

[12] Bedir M. Fikh to Law: Secularization through Curriculum // Islamic Law and Society. 2004. № 11. P. 379-380.
[13] Foster N. Islamic Commercial Law: An Overview. Barcelona: School of Law and School of Oriental and African Studies University of London, 2006. P. 3.

жизни, так и в рамках хозяйственной деятельности. В том числе, в Коране содержится значительное количество аятов, которые имеют юридическое значение. Однако, несмотря на свою детализацию Коран не обеспечивает полного религиозно-правового регулирования общественной жизни, в связи с чем его нормы дополняются сунной (примеры жизни, слова и поступки пророка Мухаммеда) и хадисами (преданиями о жизни Пророка, формирующими традиции).

Тексты Корана, сунны и хадисов весьма конкретизированы, но на полную регламентацию общественной жизни они претендовать не могут (по причине невозможности на уровне текстов полным образом урегулировать различные вариации реальных общественных отношений, находящихся в эволюционной динамике).

Для восполнения пробелов религиозных текстов потребовалась правовая интерпретация их норм, которая стала носить совокупное название фикх. При этом сам процесс интерпретации воли Аллаха, выраженной в тексте священных мусульманских книг, получил название иджтихад (усилие) и стал пониматься в исламе как независимое суждение по правовому или богословскому вопросу, вынесенное с использованием определенных религиозно-юридических методов. Такими методами стали принцип аналогии (кияс), принцип консенсуса всего общества или юридического сообщества (иджма), а также опора на обычаи (урф). Соответствующие методы используются и в настоящее время в рамках адаптации отдельных положений шариата к требованиям современного коммерческого оборота[14].

Совершать иджтихад мог человек с глубокими знаниями шариата (муджтахид). При этом в исламе отсутствовала строгая регламентация круга субъектов, уполномоченных интерпретировать священные тексты, создавая тем самым новые источники права. Как следствие, правовое содержание фикха дифференцировалось в зависимости от того, к какой правовой школе (мазхаб)

[14] Hallaq W. Was the Gate of Ijtihad Closed? // International Journal of Middle East Studies. 1984. № 16. P. 3.

принадлежали толкующие священные тексты муджтахиды. Фикх никогда не носил единого характера и представлял собой консенсус определенной правовой школы в части интерпретации священных текстов.

Ввиду религиозно-правового характера их деятельности муджтахиды во многом были независимы от светских органов государственной власти. Они подчинялись напрямую божественному закону. Правящая элита отдельных государств крайне ограничено могла влиять на процесс формирования права[15]. Она считалась коррумпированной, а религиозное исламское право как лучшее из религии противопоставлялось государству как худшему из мирских искушений[16]. Таким образом, фикх как составной элемент исламского права (или шариата в широком понимании) формировался в качестве «закона политического организма»[17] с существенным преобладанием религиозных начал. При этом сам шариат занимал независимое и доминирующее положение в мусульманских обществах, а светская власть была ему подчинена.

Опора на религиозно-правовую деятельность юристов-интерпретаторов, а не на волю суверена обеспечила экстерриториальный характер действия шариата. Фактически дифференциация правопорядков долгое время обеспечивалась не действием правовых норм различных государств, а применением подходов различных правовых школ. При этом соответствующая дифференциация всегда основывалась на общих религиозных принципах и нормах священных текстов.

Возможность гибкого (насколько это было возможно) толкования положений священных текстов предоставляла исламским правоведам сравнительно широкий простор для формирования уникальных институтов и концепций. Конструкции *de facto* экстерриториального исламского права использовались для обеспечения трансграничной торговли, правового оформления сделок купли-продажи, создания партнерств, распределения рисков между контрагентами и т.д. При этом в основу соответствующих конструкций

---

[15] Hallaq W. Op. cit. P. 204; Mardin E. Development of the Shari'a under the Ottoman Empire // in: Khadduri M., Liebesny H. Law in the Middle East. Vol 1. The Middle East Institute, 1955.
[16] Hallaq W. «Muslim Rage» and Islamic Law // Hastings Law Journalю 2003. № 54. P. 1707.
[17] Hallaq W. The Origins and Evolution of Islamic Law. Cambridge University Press, 2004. P. 195.

были положены торговые обычаи, использованные муджтахидами в качестве инструмента для интерпретации религиозных текстов[18].

На этих основах и было сформировано исламское торговое право как разноаспектный правовой феномен, обладающий достаточным набором инструментов для обеспечения коммерческой деятельности, предполагающих «определенность, гибкость и прагматизм»[19].

Впрочем, сразу стоит отметить, что торговое право (или коммерческое право) не вполне корректный термин для обозначения того комплекса институтов и правовых концепций, которые сформировались в рамках шариата применительно к хозяйственной сфере общественной жизни.

Гражданское право в странах западной Европы (в особенности – в континентальных правопорядках) в условиях феодализма и абсолютных монархий не было адаптировано к регулированию торговых отношений, в результате чего в купеческом (торговом) сословии отношения регулировались особым сводом правил, которые и были к моменту победы буржуазии кодифицированы на уровне торговых кодексов или иных актов государственной власти (законов) и обеспечены принудительной силой буржуазных государств[20]. До этого момента торговое право не являлось «правом» с точки зрения формально-догматического подхода, поскольку государство не являлось источником легитимации соответствующих норм. Речь здесь, скорее, шла о феномене *lex mercatoria* – права торговцев, коммерсантов[21].

Отечественный цивилист дореволюционного периода П.П. Цитович указывал, что и в российском правопорядке можно выделить по субъектному критерию те частноправовые нормы, которые применяются исключительно к коммерсантам (лицам, имеющим специальную правосубъектность), однако при

---

[18] Sarakhsi. The Book of Sale (11th century) // cited in: Mallat C. Commercial Law in the Middle East: Between Classical Transactions and Modern Business // American Journal of Comparative Law. 2000. № 48; Libson G. On the Development of Custom as a Source of Law in Islamic Law // Islamic Law and Society. 1997. № 4. P. 146.

[19] Mallat C. Commercial Law in the Middle East: Between Classical Transactions and Modern Business // American Journal of Comparative Law. 2000. № 48. P. 94.

[20] Кулагин М.И. Избранные труды по акционерному и торговому праву. М.: Статут, 2004. С. 83.

[21] Канашевский В. А. Внешнеэкономические сделки: основные регуляторы, их соотношение и взаимодействие: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2009. 421 с.

этом он постулирует тесное взаимодействие между коммерческим и гражданским правом. Полагая ситуацию дуализма частного права ошибочной, он пишет, что торговое право, во-первых, берет из гражданского готовые конструкции (сделки, договоры) и адаптирует их под нужды товарного обмена, а во-вторых, создает собственные институты, которые долгое время развиваются независимо, но затем «сдаются гражданскому праву уже в готовом виде»[22]. Отметим, что подобное взаимодействие характерно не только для дореволюционного российского правопорядка, но и для многих европейских государств, где указанный дуализм был успешно преодолен: так, Швейцария и Италия упразднили свои торговые кодексы, в Голландии была упразднена система торговых судов. Кодификации же гражданского законодательства стали включать и нормы, регулирующие отношения между субъектами коммерческой деятельности[23].

Профессор Л.Б. Регистр в начале XX века задавался вопросом: почему в одних странах дуализм гражданского и торгового права получил распространение, а в других нет? Почему такие успешные в международной торговле страны, как Великобритания и США, одинаково регулируют отношения с участием как коммерсантов, так и рядовых граждан, а менее заметные участники мирового торгового оборота (Италия, Франция, Испания) реализовали на практике идею дуализма частного права?[24]

Проведенный для ответа на данный вопрос анализ конкретных правопорядков показывает, что линия разлома между странами с дуализмом частного права и его отсутствием проходит примерно там же, где и лежат корни разделения на страны общего и гражданского права. Объяснение кроется в исторических предпосылках. В Средневековье континентальные страны, осуществив рецепцию римского права с присущим ему формализмом, оставили формирование торговых обычаев на откуп самим коммерсантам. Выработанные в ходе постоянной практики коммерческой деятельности нормы впоследствии были

---

[22] Цитович П. П. Очерк основных понятий торгового права. М.: ЮрИнфоР, 2001. С. 50.
[23] Кулагин М.И. Указ. соч. С. 84.
[24] Register L.B. The Dual System of Civil and Commercial Law // University of Pennsylvania Law Review. 1913. №3. P. 342.

признаны государством и систематизированы в виде торговых кодексов. В этот же период в Англии, где доминировала система общего права (основанная на местных обычаях и прецедентах) государство не идеализировало римский правопорядок, в результате чего государственное право (включая писаные законы) опиралось на реальные отношения в экономическом обороте, давая легитимацию устоявшимся обычаям – вне зависимости от того, были ли они выработаны в рамках торговой деятельности или же вне ее. Таким образом, предпосылки для дуализма частноправовых норм здесь отсутствовали.

Аналогичным образом в исламском праве, в отличие от континентальной европейской правовой традиции, где можно проследить формальное или неформальное разделение гражданского и торгового права[25], одни и те же религиозные нормы подлежат применению ко всем сферам общественной жизни. Требования шариата должны соблюдаться как в рамках бытового взаимодействия, так и в рамках хозяйственной деятельности.

В основе подобного единства исламского права лежит общий религиозно-правовой принцип разделения всех форм и видов деятельности (или поведения) на разрешенные (халяль) и запрещенные (харам), т.е. в рамках шариата – на законные и незаконные. Халяльными (правоверными) являются любые хозяйственные операции, которые допускаются шариатом (включая фикх). В свою очередь, запрещенная шариатом деятельность (или поведение) – это харам. Ее осуществление недопустимо в рамках любых общественных отношений.

Система дозволений и запретов, сформированная в рамках категорий «халяль» и «харам», распространяется на бытовое поведение всех мусульман, а также касается вопросов обеспечения социальной справедливости и стабильности общества в целом[26]. Для соответствующей системы религиозно-правового регулирования не имеет значения сфера, в рамках которой складываются и осуществляются общественные отношения. Так, в частности, в рамках

---

[25] Рузанова В.Д. Дуализм частного права как проявление дифференциации правового регулирования // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2017. №2 (51). С. 62.

[26] Usmani T. Principles of Shari'ah Governing Islamic Investment Funds // International Journal of Islamic Financial Services. 1999. Vol. 1. № 2. P. 45-58.

мусульманской правовой доктрины целью осуществления экономической деятельности предпринимателей, а равно целью экономического поведения потребителей является обеспечение реального благосостояния не только при жизни, но и после смерти[27].

При этом соответствующий подход в рамках исламской правовой доктрины рассматривается как рациональное поведение (в то время как действия исходя сугубо из личной «земной» выгоды квалифицируются как нерациональные)[28]. Участники гражданско-правовых и деловых (коммерческих) отношений должны заботиться не только о собственной текущей выгоде, но и о высшей божественной справедливости (частной формой которой является социальная справедливость). Ключевой целью деятельности правоверных экономических агентов в рамках шариата является стремление угодить Всевышнему Аллаху как главному источнику мудрости, справедливости и удовлетворения[29].

Указанное единство гражданско-правового (общего) и торгового (коммерческого, предпринимательского) регулирования является отличительной чертой исламского права. Торговое право в странах исламского права не обособляется, не является самостоятельной отраслью права. В рамках единого поля шариата лишь выделяются особые правовые институты, комплексы правовых норм, посредством которых регулируются общественные отношения, связанные с обменом товарами и услугами в целях извлечения прибыли.

В современных условиях соответствующие правовые комплексы условно можно рассматривать как отрасль исламского законодательства (поскольку в современных мусульманских странах достаточно часто можно встретить существование специальных коммерческих законов или даже кодексов). Однако, в любом случае, правовое регулирование исламских коммерческих операций будет подчинено общей системе запретов и дозволений, сформированных в текстах священных книг и в исламской правовой доктрине.

---

[27] Khan M. S. Islamic Interest-Free Banking. IMF Staff Papers, 1986. P. 1–27.
[28] Derigs U., Marzban S. Review and Analysis of Current Shari'ah-Compliant Equity Screening Practices // International Journal of Islamic and Middle Eastern Finance and Management. 2008. Vol. 1. № 4. P. 285-303.
[29] Ibid.

В целом, выделение отраслей права в шариате строится на принципиально иных основах, чем в странах англосаксонской и континентальной правовых семей. Так, исламские правоведы в рамках единого поля шариата выделяют три основных составляющих: ахлак (комплекс правовых норм, касающийся морали и нравственности); ибада (комплекс норм о религиозных обрядах); и муамалат (комплекс правовых норм о договорах и деловых сделках)[30].

Именно муамалат ближе всего расположен к европейскому торговому праву. Муамалат включает в себя общие принципы заключения и исполнения договоров, критерии заключения договоров и сделок, общие положения об условиях и о предмете договоров и сделок, требования к порядку распределения прибыли пропорционально распределению рисков, положения о действительности, недействительности и ничтожности договоров[31].

Таким образом, исламское торговое право более корректно именовать исламским правом договоров и деловых сделок. Соответствующая позиция является доминирующей и в исламской правовой доктрине[32].

Однако, важно отметить, что приведенные выше составляющие шариата строго не разграничены по предмету регулирования. Одни и те же общественные отношения могут одновременно регулироваться всеми тремя составляющими шариата. Частным проявлением данной особенности является активное применение норм о морали и нравственности (ахлак) в рамках регулирования торговых договоров (муамалат). Так, например, запрещено (харам) совершать деловые операции (включая инвестиции) в сферах, связанных с азартными играми, алкоголем, проституцией и др.

Кроме того, в рамках ахлак, ибада и муамалат единым является и метод регулирования. Традиционное для континентальной правовой доктрины разделение отраслей права на частные и публичные по критерию императивности/диспозитивности в рамках шариата не применяется. Система

---

[30] Hassan H. Contracts in Islamic Law: The Principles of Commutative Justice and Liberality // Journal of Islamic Studies. 200. № 13. P. 260.

[31] Shah S., Rashid A. Governing Principals of Shari'ah: A Study of Islamic Business Transactions for Contemporary Practices // Al-Azhāar. Special Edition. 2015. № 1(2). P. 158-170.

[32] Ibid.

дозволений и запретов в исламском праве носит универсальный характер и распространяется на все сферы общественной жизни.

Непосредственным проявлением подобного смешения различных сфер регулирования в рамках единого правового поля шариата является распространение действия религиозных запретов на сферу предпринимательской (коммерческой, торговой) деятельности. В рамках законной (халяльной) коммерческой деятельности является недопустимым установление ставки процента (риба), включение в договоры неопределенных условий (гарар), а также закрепление несправедливых для любой из стороны договорных условий (зулам)[33]. Кроме того, запреты распространяются не только на сами договорные отношения, но и на преддоговорный этап (на мотивы заключения сделок, на основания их заключения)[34].

В наиболее общем виде запреты и дозволения, подлежащие применению в рамках исламского права договоров и деловых сделок, были классифицированы М.Т. Мансури, который выделил следующие основополагающие принципы коммерческих операций[35]:

- правомерность (халяльность) торговых договоров и сделок;
- соответствие торговых договоров и сделок целям исламского права (макасид аль-шари'а)[36];
- заключение договоров и сделок на основе свободного и добровольного согласия сторон;
- запрет неопределенности (гарара) торговых договоров и сделок;
- запрет ставки процента (рибы);
- принцип корреляции прибыли, полученной по сделке, с уровнем риска и ответственности за убытки, принятыми на себе сторонами сделки;

[33] Ercanbrack J. The Transformation of Islamic Law in Global Financial Markets. Cambridge University Press, 2015. P. 50-86.
[34] Shah S., Rashid A. Op. cit. P. 159.
[35] Mansoori M. T. Islamic Law of Business Transaction. Sharia Academy, Islamic International University Islamabad, 2004. P. 12-15.
[36] Гутенева А.В. Эволюция исламского торгового права под влиянием международной торговой практики: к проблеме конвергенции правопорядков // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. №8 (120). С. 224-234.

- запрет объединения двух сделок (двух продаж) в рамках одной (баятайн фи байя)[37];
- запрет спекулятивного поведения, чрезмерного риска (майсир);
- запрет любого участия в деятельности, связанной с азартными играми (кимар);
- запрет мошенничества (халаба) и обмана (гишш).

Правомерность (халяльность) представляет собой общее требование шариата, которое распространяется на все сферы общественной жизни (включая сферу торговых отношений). При этом непосредственно в сфере заключения торговых договоров и деловых сделок в шариате сложился ряд специфических требований и правил, напрямую основанных на текстах священных книг.

Торговля (коммерция, предпринимательская деятельность) как таковая в шариате не запрещена. Правомерность совершения торговых операций обусловлена зафиксированными в текстах священных книг свидетельствами того, что пророк Мухаммед лично занимался торговлей. Однако, шариат содержит в себе достаточно подробный набор дозволений и запретов, определяющих пределы осуществления торговой деятельности и, шире, законные и незаконные способы создания богатства.

Законным (халяльным) способом извлечения прибыли является получения дохода в результате личного физического или интеллектуального труда. Данный способ является наиболее правоверной формой заработка ввиду прямого указания пророка Мухаммеда (Бухари: 2432)[38]. Кроме того, халяльными являются получение имущества по наследства, получение дохода в виде подарков, премий и законных вознаграждений. Соответствующие способы получения дохода напрямую не отвечают потребностям коммерческого оборота, однако за счет интерпретации текстов священных книг в исламской правовой доктрине (в т.ч. на

[37] Данный принцип не имеет однозначного понимания в рамках исламской правовой доктрины (фикха). Представители различных правовых школ (мазхабов) понимают его как: запрет двойных продаж, запрет объединения двух несовместимых договоров в одном (купля-продажа и заем), запрет установления двух разных цен на один товар и др. Подробнее см.: Abozaid A. Combining Contracts Together: An Analysis from Maqasid Perspective // Journal of Islamic Economics. 2022. № 2. P. 87-98.

[38] Al-Bukhari M. Sahih Bukhari. Al-Saadawi Publications. 2010

основе обычаев ведения коммерческой деятельности) они достаточно гибко трансформируются и могут принимать эффективные коммерческие формы.

В то же время, ряд сфер деловой (коммерческой, торговой) деятельности прямо запрещен. Незаконным (харамными) способом получения дохода является извлечение прибыли от производства, содействия, покупки или продажи любых запрещенных вещей (алкоголя, наркотиков, свинины и др.), а также от азартных игр (кимар). Не допускается заключение торговых договоров, связанных с контрабандой, воровством, шантажом и другими преступлениями против собственности. Отдельная группа запретов связана с недопустимостью нарушения нравственности в рамках коммерческих операций. Запрещена коммерческая деятельность, связанная с пошлостью, танцами и изготовлением порнографии.

Кроме того, запрещено извлекать доход от коммерческих операций, связанных с чрезмерным риском или спекуляцией (майсир). Под данный запрет попадают, например, фьючерсы. Также запрещено осуществлять оптовые закупки товаров в целях создания искусственного дефицита на рынке с целью последующей перепродажи при повышении цены (ихтикар). Прямо запрещены монополистическая эксплуатация, оказание неправомерного влияния в рамках осуществления коммерческой деятельности. Харамными являются торговые операции, в результате которых реализуются низкокачественные товары и услуги по высоким ценам (табхи). Противоправны сделки, совершенные по принуждению (мукра), в результате мошенничества (халаба) и обмана (гишш).

При этом, если халяльные способы извлечения прибыли отличаются достаточно высокой степенью гибкости и могут с определенными условиями подстраиваться под потребности коммерческого оборота, то харамные сферы коммерческой деятельности полностью запрещены и не допускаются ни при каких условиях.

Впрочем, для соответствия принципам шариата коммерческие операции не только должны быть халяльными, но и должны соответствовать *общим целям исламского права (макасид аль-шари'а)*.

Макасид аль-шари’а представляет собой особую концепцию в рамках шариата, которая последовательно развивалась на протяжении длительного периода времени. Как отмечают сами исламские правоведы, доктрина целей исламского права в шариате является сопоставимой с доктриной прав человека в европейском праве. Она является фундаментальной основой для построения всей правовой системы[39] (и в т.ч. системы договоров и деловых сделок).

В наиболее общем виде, общие цели исламского права состоят в достижении благ (джалб аль-масалех) и в устранении негативных/унижающих факторов (даф аль-мафасид). Обобщенно в исламской правовой доктрине данные цели обозначаются принципом «вред отталкиваем, пользу приносим» (араб. جلب المصلحة أو دفع المضرة)[40]. Данный принцип находит свою конкретизацию в интерпретационной деятельности правоведов (муджтахидов).

Каноничное понимание общих целей исламского права было сформулировано муджтахидом Шатиби[41], который выделил три ключевые группы целей: 1) основные цели исламского права (дарурийят) в виде мусульманской веры, жизни, интеллекта, заботы о потомстве и заботы о богатстве людей; 2) дополнительные цели исламского права (хаджият), состоящие в достижении интересов общества, в обеспечении надлежащего функционирования общества (несоблюдение дополнительных целей не влечет за собой краха общественного порядка, но без них общество не будет должных образом функционировать[42]); 3) желательные цели (тахсинийят), направленные на достижение совершенства в обычаях и поведении людей на всех уровнях общественной жизни[43].

Впрочем, перечень целей исламского права, разработанный Шатиби, не является исчерпывающим. С течением времени в рамках деятельности муджтахидов он расширялся и дополнялся. Так, Ибн-э-Таймийа дополнил соответствующий перечень на основе принципа предоставления пользы и защиты

[39] Shah S., Rashid A. Op. cit. P. 171.
[40] Salman Syed A., Hasan H. Towards a Maqasid al-Shariah based Development Index. IRTI Working Paper 1435-18. Islamic Research and Training Institute (Kingdom of Saudi Arabia), 2014.
[41] Sha’tibi M. (1388 d). Al-Mowafiqat, Dar al-Da’wah. Istanbul, 2013.
[42] Ibn-e-Ashur. Ibn Ashur Treatise on Maqasid al-SharĬ¢ah. The International Institute of Islamic Thought (IIIT), Herndon, VA 20172. USA, 2006.
[43] Kamali M.H. An Introduction to Shari’ah. Oxford: One world Publications, 2008.

от вредных вещей[44]. Уже на современном этапе общие цели исламского права были дополнены принципом защиты окружающей среды[45], а также принципов «хорошего управления и контроля»[46]. Данные принципы напрямую соответствуют положениям международного права прав человека.

Кроме того, цели исламского права были дополнены и непосредственно экономическими аспектами. Так, Ибн-э-Ашур отнес к ним: обеспечение экономического развития и экономической стабильности, снижение уровня бедности, справедливое извлечение прибыли, справедливое распределение доходов, расширение прозрачности и подотчетности бизнеса, гарантированность прав собственности и др.[47]

В целом, макасид аль-шари'а представляет собой достаточно широкую религиозную, политическую и правовую концепцию, в рамках которой на основе интерпретации священных текстов в соответствии с реалиями общественной жизни фиксируются базовые правовые принципы, составляющие основу исламской системы права. Непосредственно в сфере правового регулирования коммерческой деятельности значение макасид аль-шари'а состоит в том, что цели исламского права могут быть использованы для признания законными (халяльными) или незаконными (харамными) отдельных коммерческих практик, договорных конструкций, условий и иных элементов общественных отношений, связанных с осуществлением коммерческой деятельности.

Халяльность и макасид аль-шари'а представляют собой наиболее универсальные правила, подлежащие применению в рамках исламского права договоров и деловых сделок. Они устанавливают общие пределы и принципы осуществления правомерной (правоверной) коммерческой деятельности.

---

[44] Ibn-Taymiyyah, Taqi-ud-Din, (1328d). Majmu' al-Fatawa: Arabic (20 Vol Set). Dar al Wafa and Dar Ibn-Hazm. Egypt, 2007.

[45] Siddiqi M. Nejatullah. Islamic Banking and Finance in Theory and Practice: A Survey of the State of the Art // Islamic Economic Studies. 2006. № 13(2). P. 1-48.

[46] Chapra M. The Islamic Vision of Development in the Light of the Maq id al-Shar ah. Islamic Research and Training Institute (IRTI), Islamic Development Bank. 2008.

[47] Ibn-e-Ashur. Ibn Ashur Treatise on Maqasid al-SharÏ¢ah. The International Institute of Islamic Thought (IIIT), Herndon, VA 20172, USA. 2006.

Более детальные требования содержатся в рамках запрета неопределенности (гарара) и запрета ставки процента (рибы). Именно два отмеченных запрета наиболее часто рассматриваются в качестве той основы, которая определяет непосредственное содержание исламских торговых договоров и деловых сделок[48].

Запрет неопределенности (гарара) представляет собой прямой запрет, нарушение которого в рамках торговых договоров влечет их недействительность. В наиболее общем виде, гарар понимается как риск, опасность или даже возможность (шанс)[49].

Впрочем, запрет неопределенности (гарара) в рамках коммерческой деятельности представляет собой чрезмерно строгий ограничитель, который фактически влечет за собой невозможность совершения любых сделок, связанных с риском. В то же время, предпринимательская деятельность по своему содержанию всегда связана с определенной долей риска. Как следствие, строгое толкование запрета гарара означает, что неправомерными являются практически все коммерческие договоры и соглашения. Тем не менее, коммерческая деятельность в целом исламским правом не запрещается (и, более того, осуществлялась самим пророком Мухаммедом).

Устранение отмеченной коллизии было осуществлено исламскими правоведами (муджтахидами) в рамках толкования текстов священных книг (иджтихада). Исламская правовая доктрина (фикх) сформулировала более распределенное понимание неопределенности: гарар присутствует в тех случаях, когда правовые последствия сделки до конца не определены или заранее неизвестны[50].

Подобная запрещенная неопределенность может проявляться в том, что ответственность одной из сторон договора не определена или поставлена под условие (не)наступления определенных внешних обстоятельств. Гараром будет являться и отсутствие условий об оплате (или встречном предоставлении) в

---

[48] См., например: Shah S., Rashid A. Op. cit. P. 162-169; Ercanbrack J. Op. cit. P. 62-77; Kasri N.S. Islamic Commercial Law // in: Trakic, A., Haydar Ali Tajuddin, H. (eds) Islamic Law in Malaysia. Singapore: Springer, 2021. P. 75-97 и др.
[49] Ayub M. Understanding Islamic Finance. Wiley Finance Series. John Wiley & Sons Ltd, 2007.
[50] Imam Sakhasi (1090). Al-Mabsoot, Darun Nashr, 2009.

договоре. Иными словами, запрет гарара напрямую исключает из сферы исламского права любые алеаторные сделки, а также сделки, в которых не определена цена и порядок оплаты.

Также запрет распространяется на продажу будущего имущества, продажу вещи, которая на момент заключения договора отсутствует у продавца, а также на продажу, связанную с потенциальной опасностью. Канонически соответствующие запреты состояли в том, что не допускалась продажа «рыбы в воде» или «птицы в воздухе»[51].

Позднее, по мере усложнения коммерческой практики и развития коммерческого оборота положения исламской правовой доктрины претерпели дополнительные изменения. Муджтахиды в рамках деятельности по толкованию текста священных книг разделили гарар на две категории: Гарар-е-Касир (толстая неопределенность) и Гарар-е-Калил (тонкая неопределенность)[52]. Безусловно запрещенным был назван только Гарар-е-Касир. В то же время, некоторая доля неопределенности (Гарар-е-Калил) стала прямо допускаться в торговых (и иных) договорах.

При этом в процессе иджтихада исламские правоведы могут корректировать «толстую неопределенность» и сводить ее к «тонкой». Как правило, условием для квалификации гарара в качестве допустимого выступает отражение в договорных отношениях принципа распределения прибыли пропорционально распределению рисков и ответственности. Принятие на себя рисков (неопределенности) позволяет контрагентам претендовать на получение прибыли и, наоборот, пропорциональное распределение прибыли позволяет включать в договоры некоторую степень неопределенности (риска).

Таким образом, безусловно запрещенными в рамках исламского права договоров и деловых сделок являются только три случая неопределенности (гарара): 1) использование в качестве предмета сделки вещи, которой не

[51] Al-Bukhari M. (523). Sahih Bukhari. Al-Saadawi Publications. 2010.
[52] At-Tirmidhi M. (892). Sunan At-Tirmidhi. Dar ul Fikar Beruit. 2007; Ibn-e-Majah M. (778). Sunan Ibn-e-Majah. Dar al-Da'wah, Istanbul. 2013; Al-Bukhari M. (813). Sahih Bukhari. Al-Saadawi Publications. 2010; Al-Ayni B. (1453). Umda-tul-Qari Sharh-e-Bukhari. Dar al-Kitab al-Arab. Beirut, 2009.

существует; 2) сделки с вещами, которые существуют, но не находятся в собственности у продавца, либо их наличие в его собственности сомнительно; 3) сделки с неопределенными условиями доставки (передачи) товара или неопределенными условиями его оплаты[53]. Данные типы сделок интерпретируются в фикхе как связанные с мошенничеством, с несправедливостью или с иными возможными спорами.

Сложный состав характерен и для *запрета ставки процента (рибы)*. Риба как категория не находит однозначного толкования в исламской правовой доктрине и может пониматься различным образом в разных правовых школах (мазхабах).

Однозначно запрещенной является риба, предполагающая взимание процентов в договорах кредитования и займа. Данный запрет напрямую содержится в Коране. Запрещена любая ставка процента, которая зависит только от размера предоставляемых в долг (кредит) денежных средств и от срока погашения долга, но не зависит от реализации того или иного проекта, эффективности хозяйственной (или иной реальной) деятельности. При этом запрещен не только высокий, спекулятивный процент, но и вообще любые процентные ставки, не связанные с реальной деятельностью.

Однако, помимо долговой (кредитной) рибы в исламской доктрине также была разработана концепция торговой рибы. Торговая риба представляет собой добавленную стоимость (излишек), который образуется в результате обмена или купли-продажи товаров. Торговая риба не является безусловно запрещенной и может квалифицироваться как правомерная (халяльная), если добавленная стоимость образуется в результате обмена различных (не одинаковых) товаров и если обмен производится между двумя сторонами («из рук в руки»). Соответствующие положения прямо вытекают из сунны и хадисов[54].

Таким образом, запрет рибы обеспечивает недопустимость образования дохода, не зависящего от совершения реальной деятельности. Запрещенная риба

[53] Al-Kasani A. (1191). Badai al-Sanai fi Tarteeb al-Sharai. Darun Nashr Islamic World Lenasia, 2004.
[54] Al-Hajjaj M. (821). Sahih Muslim. Islamic Book Service, 2011; Al-Bukhari M. (813). Sahih Bukhari. Al-Saadawi Publications, 2010.

может состоять либо в получении добавленной стоимости за счет обмена или (пере)продажи одинаковых товаров при условии, что реальная цена товаров не изменилась; либо в предоставлении денежных средств или материальных ценностей в кредит под проценты без связи кредитного договора с реальной (хозяйственной) деятельностью.

В целом, система дозволений и запретов, сформированная в рамках шариата, достаточно сильно ограничивает количество доступных коммерческих инструментов (договоров), но, впрочем, не исключает самой возможности ведения коммерческой деятельности.

Религиозно-правовые основы доминируют над сферой договоров и деловых сделок в мусульманских странах. Однако, признание правовой доктрины (фикха) в качестве источника права обеспечивает достаточную гибкость для адаптации религиозных запретов и дозволений к коммерческой практике. Безусловно, подобная адаптация осуществляется на базе строгих императивных требований шариата (халяльности, соответствия целям шариата, запрета ставки процента, запрета неопределенности, а также запрета совершения коммерческих операций в целом ряде сфер общественной жизни). Тем не менее, активная внешняя торговля (вначале между мусульманскими странами, а в XIX-XX вв. с участием европейцев) способствовала зарождению целого ряда торговых обычаев, которые впоследствии были использованы исламской правовой доктриной (фикхом) для формирования эффективных правовых механизмов, опосредующих совершение коммерческих операций и коммерческий оборот в целом.

Результатом влияния потребностей торгового оборота на шариат стало выделение в его составе условно обособленного правового комплекса – муамалат – исламского права договоров и деловых сделок. Муамалат наиболее приближен к европейскому торговому праву и, соответственно, договоры и деловые сделки, регулируемые в рамках муамалата, могут квалифицироваться как исламские торговые договоры.

Впрочем, строгое разделение гражданского и торгового, общего и торгового права, не характерно для шариата. Шариат представляет собой единую правовую

систему, в рамках которой для всех сфер общественной жизни действуют универсальные принципы и правила. Система запретов и дозволений, сформированная в шариате, одинаково применима как к потребителям, заключающим бытовые сделки, так и к профессиональным предпринимателям, осуществляющим между собой коммерческие операции. Именно это единство шариата как системы права является отличительной особенностью исламской теории торгового договора.

Из него следует, прежде всего, действие универсальных запретов (запрет харамной деятельности; запрет ставки процента; запрет высокой, «толстой», неопределенности; запрет преднамеренного риска), а также подчинение правового регулирования коммерческой деятельности общим целям исламского права (макасид аль-шари'а). Соответствующая система запретов и дозволений создает более узкие пределы заключения и исполнения торговых договоров в мусульманских странах.

При этом следствием действия указанных выше запретов является применение к исламским договорам особого рода принципов.

В частности, запрет неопределенности (а точнее, правомерность «тонкой» неопределенности) влечет за собой применение к торговым договорам требования о распределении прибыли пропорционально распределению рисков и ответственности за убытки.

В свою очередь, запрет ставки процента, не зависящей от реальной деятельности, обуславливает включение в теорию исламского торгового договора правовых норм о создании совместных предприятий, совместном осуществлении определенных коммерческих проектов. Привязка к реальной деятельности в виде определенных проектов позволяет мусульманским экономическим агентам использовать специфические конструкции кредитования, займа, финансирования, инвестирования, без которых не может существовать коммерческий оборот (особенно, в условиях активного взаимодействия с европейскими контрагентами).

1.2. Эволюция исламского коммерческого права под влиянием международной коммерческой практики: к проблеме конвергенции правопорядков

Несмотря на то, что проблематика соотнесения правовых принципов шариата с классическими для европейской цивилизации принципами коммерческого права стала актуальной лишь в условиях экономической глобализации, т.е. примерно со второй половины XX века, мусульманские страны еще на стадии первичного распространения ислама активно торговали с зарубежными (в том числе, европейскими) купцами. Именно длительная история взаимной торговли и мирного сосуществования стали своего рода фундаментом для наблюдаемой сегодня частичной рецепции институтов международной торговли в практику хозяйственной деятельности ближневосточных государств и, как следствие, конвергенции правопорядков, которая с разной степенью успешности осуществляется в этих государствах[55].

Тезис о том, что мусульмане и немусульмане имеют полное право торговать друг с другом, не оспаривается среди авторитетных специалистов в области исламского права. В целом, в Коране и Сунне можно встретить свидетельства, что основатель ислама пророк Мухаммед поощрял торговлю и даже лично был нанят для сопровождения торгового каравана в Сирию своей будущей женой Хадиджей[56]. В более поздних политических и правовых текстах исламской традиции подтверждался высокий статус иностранных купцов, которым должна была предоставляться защита как в военное, так и в мирное время[57]. Например, имам Али ибн Абу Талиб в письменных наставлениях своему наместнику в Египте указывал, что именно широкая торговля способствует экономическому процветанию государства, а сами торговцы являются людьми, которые обычно «миролюбивы, далеки от волнений, беспорядков и мятежных настроений» - и

[55] Гутенева А.В. Эволюция исламского торгового права под влиянием международной торговой практики: к проблеме конвергенции правопорядков // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. №8 (120). С. 224-234; Мирмохаммади М. Исламский взгляд на международное коммерческое право (сравнительное исследование) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. №4. С. 92.
[56] Mallat C. Commercial Law in the Middle East: Between Classical Transactions and Modern Business // The American Journal of Comparative Law. 2000. №1 (48). P. 102.
[57] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 225.

потому должны пользоваться всемерной защитой от потенциальных рисков и опасностей[58].

Авторитетный ливанский правовед С. Махмассани, комментируя ранние этапы развития норм, регулирующих коммерческие отношения с участием иностранной торговли, пишет, что с Востока на Запад и в обратном направлении уже в первые века существования ислама циркулировали «не только отличные товары, но и правовые идеи», в силу чего правопорядки ближневосточных и европейских государств взаимно обогащались[59].

При этом, средневековые купцы, торговавшие с мусульманскими странами, при возникновении спорных ситуаций нередко руководствовались именно нормами *lex mercatoria*. Соответствующие подтверждения можно найти в исторических документах той эпохи. Так, согласно заключенному в 1488 г. соглашению между флорентийскими купцами и султаном Египта, споры, возникающие по поводу торговых операций, должны были рассматриваться сторонами исходя из их собственных «установлений», а на суд султана такие дела могли передаваться только по взаимному согласию сторон. Соответственно, исламский правитель признавал, что внешнеэкономические сделки подчиняются особому правопорядку, «деловым обыкновениям», которые и составляют *lex mercatoria*[60].

Далее рецепция европейских институтов гражданского и торгового права происходила уже на уровне государственных законодательных актов. Отправной точкой здесь некоторые исследователи считают завоевание Египта французами в 1798 г., а также широкие договоренности между Великобританией и Османской Империей в первой трети XIX века[61]. В результате, западноевропейские страны стали доминировать на Ближнем Востоке сначала в торговом, а затем и в политическом отношении. Одним из последствий этого стало стремление элит «модернизироваться», т.е. подражать наиболее влиятельным странам и

[58] Цит. по: Nahj al-Balaghah: Peak of Eloquence. 3rd ed. Trans, Sayed 'Ali Reza, Elmhurst, Tahrike Tarsile, 1984, Letter 53. P. 256.
[59] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 225.
[60] Там же.
[61] Hourani A. Arabic Thought in the Liberal Age 1798-1939. Cambridge University Press, 1983. P. 350.

перенимать от них те идеи и институты, которые, как считалось, и давали Европе преимущество. Движение за модернизацию привело к тому, что во многих странах от шариата, как пишет А. Хурани, «отказались с поразительной быстротой и полнотой во всех областях, кроме семейного права»[62]. Религиозные нормы перестали регулировать коммерческие отношения за исключением отдельных государств Аравии. Вместо них было введено едва адаптированное к национальным особенностям коммерческое право западных стран[63].

Т. Асад указывает, что основным источником для идей правовой рецепции стала французская модель коммерческого права. Еще в начале XIX века Наполеон способствовал распространению в Египте идеи разделения частного права на коммерческое и некоммерческое (гражданское), причем для рассмотрения споров из торговых договоров были созданы специальные суды. Ключевым шагом в указанном процессе стала рецепция Османской империей в 1850 г. значительной части норм французского Торгового кодекса[64].

Обоснование, данное редакционным комитетом Маджаллы (османской кодификации ханафитского мазхаба) при принятии Торгового кодекса 1850 г., заключалось в том, что только западноевропейское право может справиться со сложностями современной торговли[65]. Разработчики Маджаллы указывали, что «торговые отношения…приобрели столь сложный характер, что турецкое право не может разрешить проблемы, касающиеся таких вопросов, как векселя или банкротство», и поэтому существует острая необходимость принятия специального акта – Торгового кодекса, в котором будут учтены лучшие нормы и практики[66].

Таким образом, в числе основных факторов, способствовавших проникновению западноевропейских норм торгового права в правопорядки мусульманских стран можно выделить: стремление европейских купцов избежать

---

[62] Ibid. P. 351.
[63] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 226.
[64] Asad T. Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity. Stanford University Press, 2003. P 212; Гутенева А.В. Указ. соч. С. 226.
[65] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 226.
[66] Цит. по: Onar S. The Majall / in: Khadduri M., Liebesny H. (eds). Law in the Middle East: Origin and Development of Islamic Law. The Middle East Institute, 1955. P. 298.

рассмотрения их споров в местных судах по местному законодательству; местные коммерсанты, используя менее адаптированный под потребности развитой торговли шариат, оказывались в менее выгодном положении по сравнению с европейскими партнерами; существовавшая в XIX веке практика торговцев из Европы использовать Французский торговый кодекс в качестве своего рода «обычного права» при разрешении споров; политическая заинтересованность местных элит в модернизации по европейскому образцу; идея о том, что коммерческие отношения – сфера, в которой религиозные нормы имеют меньшее значение, чем, например, брачно-семейные отношения[67].

В результате, в ряде стран (Египет, Ирак, Ливия и Кувейт) была воспринята нетипичная для ближневосточных стран идея дифференциации гражданского и торгового права. При этом, некоторые из авторитетных исламских правоведов прямо заявляли, что в силу исторических причин «шариат не может быть восстановлен во всей его полноте», т.е. в той степени, чтобы эффективно регулировать сложные отношения международной торговли[68]. Однако в ряде ближневосточных стран (в первую очередь – в монархиях Залива) тенденция к «возрождению» собственных правовых институтов в настоящее время становится все более заметной. Различие между светским и религиозным правом здесь постепенно стирается, и использование западных институтов торгового и договорного права становится возможным лишь при условии их предварительной адаптации под принципы, требования и ограничения шариата[69].

Действительно, с началом современного этапа глобализации мусульманские страны приступили к комплексной переоценке своих правовых систем, исходя из соображений прагматизма и принятия объективной экономической реальности, в которой западный мир был безусловным лидером. Ответ на вызовы этой реальности был найден в синтезе традиционных принципов шариата и современного коммерческого права (скорее, в его англосаксонской интерпретации), который, в свою очередь, осуществлялся по мере

[67] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 227.
[68] См.: Mallat C. Op. cit. P. 104.
[69] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 227-228.

интенсификации внешней торговли и социально-технологической модернизации как более широкого процесса. В результате, в течение нескольких десятилетий мусульманские государства дополняли и перенастраивали собственные правопорядки, чтобы адаптировать их к сложным вопросам современной внешнеторговой деятельности. Несмотря на то, что в разных странах данный процесс происходил по-разному, общим оставался фундамент любых реформ – нормы и принципы шариата[70].

В итоге, «вестернизация» права мусульманских государств ничуть не отменила их национальные и религиозные традиции. Напротив, если в 1980-е гг. британский исследователь У. Баллантайн в русле присущего для того времени «исторического оптимизма» прогнозировал практически полную рецепцию западных правовых институтов в ближневосточных странах[71], то в настоящее время заметен, скорее, обратный процесс.[72] Понятие «правового суверенитета» все чаще встречается в трудах арабских юристов, полагающих, что автоматическая рецепция западных институтов в местные правопорядки приведет к разрушительным последствиям для мусульманского общества. Эти настроения подогреваются также и домодернистски (либо антимодернистски) настроенными социальными группами, которые имеют наибольший политический вес в беднейших странах Ближнего Востока и Северной Африки[73].

Таким образом, именно со второй половины XX века наблюдается стремительный рост коммерческого взаимодействия между западными компаниями и их ближневосточными партнерами[74]. Учитывая это взаимодействие, а также растущее геополитическое и экономическое влияние Ближнего Востока крайне важно, чтобы внешнеторговые сделки обеспечивали для обеих сторон высокую степень оперативности и безопасности в их заключении и исполнении. В этой связи в европейской и американской

---

[70] Там же.
[71] См.: Ballantyne W.M. Commercial Law in the Arab Middle East: The Gulf States. London: Springer, 1986. P. 84.
[72] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 228.
[73] Zarqa M. Islamization of Economics: The Concept and Methodology // Islamic Economies. 2003. №16. P. 51.
[74] Domboli J., Kashefi F. Doing Business in the Middle East: A Primer for U.S. Companies // Cornell International Law Journal. 2005. №38 (P. 31).

литературе все чаще можно встретить рекомендации для компаний, в которых предлагается узнать хотя бы общие принципы исламского делового этикета – в том числе, основы исламского коммерческого права[75].

На протяжении всего исторического развития торговые операции с иностранцами на Ближнем Востоке не прерывались, однако их современная интенсификация стала возможной лишь благодаря открытию богатейших месторождений углеводородов в монархиях Персидского залива и последующему бурному экономическому роста этих стран[76]. Помимо контрактов, связанных с поставкой самих энергоресурсов или же оборудования для их добычи, переработки или транспортировки, сегодня в трансграничных коммерческих отношениях серьезную роль играют финансовые операции, которые все менее привязаны к реальным активам.

Несмотря на то, что подавляющее большинство деловых связей иностранцев с коммерсантами из мусульманских стран сегодня касается добычи полезных ископаемых, правительства пытаются уменьшить свою экономическую зависимость от нефти. В результате, привлеченные инвестиции направляются в сектор услуг, повышая степень диверсификации экономики. Это, в свою очередь, способствует созданию еще более разнообразных коммерческих связей – в особенности с учетом того, что по мере снижения зависимости от экспорта углеводородов, мусульманские государства Ближнего Востока постепенно приватизируют свою экономику: доля государственных компаний в международной торговле уменьшается[77].

Наконец, еще один фактор, стимулирующий конвергенцию западных правопорядков с исламской правовой системой – это демографические причины. Последние десятилетия «исламский мир» становится все более влиятельным за счет постоянного роста населения. Сегодня миллионы мусульман вступают в

---

[75] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 228; Chuah J. Impact of Islamic Law on Commercial Sale Contracts – A Private International Law Dimension in Europe // European Journal of Commercial Contract Law. 2010. №4. P. 200.

[76] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 229; McHugo J.The Legal Structure for Investment in Oman in the 1990s: A Case Study of an Arabian Gulf Oil Exporting Economya case Study of an Arabian Gulf Oil Exporting Economy // The International Lawyer. 1990. №3. P. 113.

[77] См.: Гукасян Г. Л. Проблемы управления экономической реформой в странах ССАГПЗ // Вестник МГИМО. 2020. №5. С. 51.

экономически активный возраст, что расширяет возможности более развитых стран в части сбыта собственной продукции на рынках ближневосточных государств. Как следствие, растет и количество внешнеторговых сделок, увеличивается число вовлеченных в них лиц.

Параллельно с этими процессами увеличивается и политическое влияние государств Ближнего Востока, вследствие чего они начинают более жестко отстаивать собственные интересы в отношении с зарубежными торговыми партнерами. Если в 1970-1980-е гг. влияние шариата на правовое оформление коммерческих отношений по поводу нефти и газа было относительно небольшим, то сегодня наблюдается более внимательное отношение к соблюдению религиозных требований и ограничений – в особенности, в области финансов, где рассмотренные в п. 1.2 настоящей работы правовые конструкции переживают настоящий ренессанс[78].

В 1975 году был основан Исламский банк развития - первый международный банк, взявший на себя обязательство работать в регионе Персидского залива. В том же году Исламский банк Дубая стал первым частным исламским банком (кредитной организацией, предоставляющей финансовые услуги в соответствии с принципами шариата), за ним последовали Кувейтский финансовый дом (1977 г.) и Исламский банк Фейсал. В результате, сегодня на Ближнем Востоке чаще всего сосуществуют две банковские системы, «исламская» и «светская/западная». Исключение здесь составляют такие страны, как Иран, Судан и Пакистан, где на законодательном уровне прямо установлено, что банковские учреждения должны функционировать исключительно в соответствии с требованиями ислама[79].

Процветанию транснациональных коммерческих отношений в «исламском мире» способствует тот факт, что практически все они – это страны с рыночной экономикой. Наиболее богатые из них (монархии Залива) занимают высокие

---

[78] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 229; Ercanbrack J.G. The Transformation of Islamic Law in Global Financial Markets. Cambridge, UK, Cambridge University Press, 2015. P. 332.

[79] Беккин Р.И. Исламские финансовые институты и инструменты в мусульманских и немусульманских странах: особенности и перспективы развития. Дисс. кандидата экон. наук. М., 2009. С. 52.

места в рейтингах Всемирного банка по легкости ведения бизнеса. Налогообложение в таких странах минимально, таможенные пошлины тоже довольно низкие; при этом некоторые из них (Оман, Бахрейн, Катар и другие) активно участвуют в региональных и мегарегиональных интеграционных процессах, формируя зоны свободной торговли. Религиозные особенности не сильно сдерживают потенциал для торговли, поскольку ограничения на продажу товаров в ближневосточных экономиках минимальны (в частности, к реализации запрещены свинина или алкоголь). Государства Персидского залива также модернизировали свои законы и экономические институты для привлечения частных инвестиций - как внутренних, так и иностранных (в первую очередь – из развитых стран). Сегодня иностранный инвестор может владеть 100% уставного капитала предприятий, учрежденных в большинстве стран Персидского залива. Он может свободно репатриировать полученную прибыль, продавать активы по своему усмотрению и платить относительно низкие корпоративные налоги[80].

Отметим, что «исламское право» и «правопорядок мусульманских государств» – разумеется, разные понятия. Это связано с двумя аспектами. Во-первых, правовые системы стран Ближнего Востока развивались в условиях тесного политического, экономического и культурного взаимодействия с другими странами – в том числе, европейскими. Это не могло не сказываться на рецепции правовых институтов. Во-вторых, шариат в принципе не является нормативной системой, призванной урегулировать все те аспекты отношений, которые обычно подлежат воздействию со стороны социальных регуляторов (как в частной, так и в публичной сфере)[81].

В результате, нормы коммерческого права государств Ближнего Востока во многом носили и продолжают носить светский характер. В определенном смысле рецепция западных институтов была вынужденной мерой, необходимым шагом на пути к модернизации. Сегодня же с политико-правовой точки зрения

[80] Al-Gahtani S. Las transacciones internacionales de comercio e inversiones en los países del Golfo: entre la Sharia y la Lex mercatoria. Madrid, 2017. P. 317.
[81] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 232.

осуществляется процесс синтеза собственных и иностранных правовых конструкций.

В попытках совместить современную практику заключения и исполнения торговых договоров с нормами и принципами шариата практика выработала несколько вариантов учета религиозных ограничений. Первый – это попытка включить в текст договора отсылку к шариату как к применимому праву. Подобная ситуация имела место в деле *Beximco*, рассмотренном английским судом[82]. Предметом спора было нарушение обязательств по контракту *мурабаха;* в качестве применимого права стороны указали как английское право, так и нормы шариата[83].

Однако Суд установил, что Римская конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам, разрешала выбор права какой-либо конкретной страны, тогда как шариат не отвечает признакам национального правопорядка. Более того, в одном контракте нельзя выбрать сразу две правовые системы. Наконец, недопустимой была признана ситуация, когда светский английский суд должен будет разрешать вопросы, связанные с религиозными разногласиями. Более эффективно было бы включить в текст контракта оговорку, которая подчиняет определенные его части, например, законам Саудовской Аравии, а другие части - английскому праву[84].

Второй вариант возможного взаимодействия правовых систем – когда к торговому договору вполне может быть применимо «западное» право – например, в нем может содержаться ссылка на какой-либо правопорядок Евросоюза, но при этом в тексте договора может содержаться оговорка о том, что его *исполнение* должно соответствовать (или, как минимум, не противоречить) принципам и нормам шариата. В отличие от рассмотренной выше модели, шариат не становится правовой системой, которую стороны выбирают для регулирования их отношений в соответствии с принципом автономии воли, однако в рамках своих

[82] Shamil Bank of Bahrain EC v Beximco and others [2004] EWCA Civ 19, English Court of Appeal [Electronic source]. URL: https://zulkiflihasan.files.wordpress.com/2008/11/microsoft-word-shamil-v-bemcico.pdf (accessed: 5.02.2024)
[83] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 232.
[84] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 232.

действий, вытекающих из договора, они обязаны соблюдать предписанные шариатом ограничения и требования[85].

В последнее время подобные оговорки встречаются во внешнеторговых контрактах довольно часто, и в арбитражной практике уже можно найти примеры спорных ситуаций, возникающих по данному поводу. Так, В Англии в 2010-м году было рассмотрено дело The Investment Dar Company против Blom Developments Bank[86]. В этом деле компании заключили между собой контракт *вакала*, по которому Дар в качестве вакила (представителя или агента) инвестировал деньги, предоставленные Бломом в различные халяльные сектора экономики. Дар обязался платить Блому фиксированную норму прибыли независимо от эффективности инвестиций. Стороны подчинили контракт английскому праву, однако в п. 5 прямо предусмотрели, что исполнение вакала будет соответствовать шариату в его интерпретации особым экспертным органом - Наблюдательным советом по шариату. По сути, в спорных ситуациях арбитраж или суд при интерпретации договора должен был решить, действовали ли стороны в соответствии с исламскими нормами. В итоге, Наблюдательный совет решил, что инвестиции по данному договору были тесно связаны с выплатой процентов (риба), а, следовательно, продолжение действия договора означало бы нарушение п. 5 о соответствии шариату. Иными словами, была дана интерпретация, признающая исламское право не только как применимое право, но и как набор правил, определяющих применение применимого права[87].

Подобных примеров в современной судебной и арбитражной практике довольно много. Это свидетельствует о конвергенции правопорядков, попытке согласовать западные правовые конструкции с правовыми системами мусульманских стран[88]. В результате, исследователи по-разному подходят к описанию состояния и структуры современного коммерческого права в таких государствах.

---

[85] Там же.
[86] The Investment DAR Company K.S.C.C. v Blom Development Banmk S.A.L (2009) [Электронный ресурс]. URL: https://vlex.co.uk/vid/the-investment-dar-company-794071981 (дата обращения: 5.02.2024)
[87] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 233.
[88] Там же.

Так, следует отметить, что для исламского правопорядка используемый в христианских цивилизациях термин «коммерческое право» является неточным, не имеющим собственного смыслового наполнения. Если в рамках общего права данным термином обозначаются, как правило, торговые сделки, а не институты (которые, в свою очередь, регулируются корпоративным правом), то в странах континентальной правовой семьи «коммерческое право» помимо торговых договоров также имеет своим предметом «право компаний»[89]. Более того, как было показано в п. 1.1 настоящей работы, в отдельных европейских странах в принципе не сложилось разделения права на гражданское и коммерческое.

Исламское же право находится вне этих дихотомий. Различие между сделками и институтами здесь отсутствует; при этом, несмотря на наличие договоров, на основании которых возникают объединения лиц и капиталов (например, товарищества или партнерства), шариату незнакома концепция правосубъектности. Аналогично для данной правовой системы иррелевантна разница между «коммерческими» и «некоммерческими» отношениями. Несмотря на то, что в рамках такого раздела шариата, как *муамалат* (сделки), в некоторой степени проводится разница между коммерческими операциями и сделками «бытового» характера, эти различия далеко не являются столь же определяющими, как для европейских правопорядков[90].

Комментируя эту особенность, испанский исследователь Н. Фостер находит объяснение в том, что в шариате одни и те же принципы морально-религиозного характера применимы ко всем ситуациям, в которые попадает мусульманин: он не может вести себя дома одним образом, а в рамках деловых, рабочих отношений - другим. Он указывает, что пророк Мухаммед, будучи тесно связанным на ранних этапах своей жизни с торговлей, не предусматривал различий в религиозных и этических требованиях в зависимости от того, в какой сфере действует человек[91]. В этом можно усмотреть существенное различие между шариатом и знакомым

[89] Попондопуло В.Ф., Макарова О.А. Коммерческое (торговое) право зарубежных стран. М.: Юрайт, 2014. С. 45.
[90] Hassan H Contracts in Islamic Law: The Principles of Commutative Justice and Liberality //Journal of Islamic Studies. 2002. №2. P. 257.
[91] Foster M. Islamic Commercial Law: An Overview (I) // InDret. 2006. №4. P. 7.

нам коммерческим правом. Обособление последнего в качестве отдельной отрасли права базируется, в том числе, на предположении, что коммерческие и некоммерческие сделки требуют разного подхода, поскольку коммерсанты нуждаются в меньшей защите, чем обычные люди (в отношении которых действуют более патерналистские нормы), и потому к коммерсантам применимы иные правовые стандарты[92]. В шариате же подобного разделения, как уже подчеркивалось, попросту не существует.

С учетом этих замечаний концепция торговых договоров в исламских странах может развиваться на основе довольно широкого понимания таких договоров – как сделок, опосредующих различные этапы обмена товаров и услуг с целью получения прибыли и соответствующих предписаниям, ограничениям и запретам шариата.

Из всех видов торговых договоров, известных мусульманским странам, договор купли-продажи является самым важным. Все остальные договоры строятся по его образцу. В текстах авторитетных исламских юристов купля-продажа понимается как базовый институт экономики, в ходе которого осуществляется обмен товарами (как «на словах» - т.е. на уровне договоренности, так и «на деле», т.е. в виде реальных сделок)[93]. Примечательно, что один из ключевых международных актов, применяемых в международной коммерческой практике для оформления отношений купли-продажи – Венская конвенция 1980 г. – успешно применяется в мусульманских странах, и, по мнению цивилистов, ее положения за редким исключением не противоречат религии. Аналогично и национальное законодательство, регулирующее куплю-продажу, в целом схоже с западными аналогичными институтами. Коммерсанты из ближневосточных стран активно используют автономию воли при определении права, применимого к их

[92] См.: Комиссарова Е.Г., Кузнецова О.А. К вопросу о внутреннем строении современного частного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. №42. С. 64.

[93] Twibell T.S. Implementation of the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG) Under Shari"a (Islamic Law): Will Article 78 of the CISG Be Enforced When the Forum is an Islamic State? // International Legal Perspectives. 1997. №3. P. 16.

отношениям с западными партнерами, делая выбор в пользу английского права или же актов *new lex mercatoria*[94].

Несмотря на то, что концепция *lex mercatoria* в ее протоформах существовала еще в Средние века, лишь во второй половине XX века она стала привлекать внимание все большего числа исследователей, анализирующих существо и структуру договорных отношений субъектов из разных стран в условиях глобализации. Этому способствовало и обобщение в виде актов писаного права ключевых обычаев торговли. Яркими примерами здесь могут выступать Принципы УНИДРУА[95], Принципы европейского договорного права (PECL)[96], ИНКОТЕРМС[97] и др. В совокупности эти акты сегодня образовывают корпус «*new lex mercatoria*». Профессор Б. Голдмен понимает под этим термином «совокупность общих принципов и деловых обычаев, спонтанно используемых коммерсантами или же специально разрабатываемых для целей регулирования международной торговли, без обращения к конкретным национальным правовым системам»[98].

По мнению профессора Р. Гуда, «транснациональное коммерческое право» (именно этот термин используется данным исследователем в качестве синонима *lex mercatoria*) понимается как правопорядок, который не является продуктом какой-либо одной национальной правовой системы, но представляет собой наиболее удобную для регулирования коммерческих отношений конвергенцию норм и институтов, содержащихся в нескольких таких системах. Он указывает, что в более строгом смысле данный «третий правопорядок» является полностью анациональным: его легитимность исходит не от какого-либо государства или договоренности государств, но в силу сложившейся практики – постольку, поскольку соответствующие нормы длительное время и на устойчивой основе

---

[94] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 233.

[95] UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts (2016) [Electronic source]. URL: https://www.unidroit.org/english/principles/contracts/principles2016/principles2016-e.pdf (accessed: 14.01.2024)

[96] Principles of European Contract Law – PECL [Electronic source]. URL: https://www.trans-lex.org/400200/_/pecl/ (accessed: 14.02.2024)

[97] Incoterms 2020 [Electronic source]. URL: https://www.tws.by/tws/references/supply-conditions/incoterms (accessed: 14.02.2024)

[98] Goldman B. The Applicable Law: General Principles of Law: the Lex Mercatoria / in: Lew J.D. Contemporary Problems in International Arbitration. Springer, 1986. P. 316.

применяются коммерсантами, вне зависимости от страны их происхождения[99]. В этом смысле *new lex mercatoria* по своей природе может быть квалифицировано как обычное право.

В последние годы различные международные институты – в первую очередь, Международная торговая палата (ICC) стремится разработать или кодифицировать уже существующие нормы договорного права настолько полно, насколько это необходимо для того, чтобы стороны внешнеторговых отношений могли выбирать *lex mercatoria* в качестве «нейтрального» (независимого от национальных правопорядков) права, и оно могло бы исчерпывающим образом регулировать такие отношения[100].

Примечательно, что в понятие «нового *lex mercatoria*» включаются не только негосударственные по источнику их принятия своды правил (*set of rules*), но и международные соглашения – в первую очередь, Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.[101] Тем самым происходит своего рода гармонизация межгосударственных и частных норм, что диктуется соображениями практической необходимости (несмотря на то, что с позиций формально-догматического подхода сама категория «право» не существует вне государства).

В результате, как справедливо указывает М.В. Мажорина, в настоящее время почти все национальные суды признают за арбитрами МКА право принимать решения на основе вненациональных норм *lex mercatoria*, а значит, выбор этих норм в качестве применимого права – это «законная и эффективная опция, по крайней мере тогда, когда спор передается в МКА»[102].

---

[99] Goode R. Usage and Its Reception in Transnational Commercial Law // International and Comparative Law Quarterly. 1997. №2. P. 28.

[100] A-national rules as the applicable law in international commercial contracts with particular reference to the ICC Model Contracts [Electronic source]. URL: https://iccwbo.be/shop/developing-neutral-legal-standards-for-international-contracts-free-ebook/ (accessed: 15.01.2024)

[101] Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров. Вена, 1980 [Электронный ресурс]. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.pdf (дата обращения: 15.01.2024)

[102] Мажорина М.В. Вненациональные нормы как применимое право к международным контрактам: оксиморон или новая реальность? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. №12 (28). С. 61.

Тем не менее, несмотря на подобный диспозитивный распределенный характер *new lex mercatoria* традиционно возникают проблемы совместимости классических положений торгового права с нормами шариата могут проявляться в самых разных аспектах, связанных с заключением, исполнением, расторжением торговых договоров. Так, «осложнение исламским элементом» может иметь место в следующих случаях:

- одна из сторон может быть учреждена в «исламской» юрисдикции;
- предметная сфера договора не отвечает критерию халяльности;
- шариат может фигурировать в договоре как применимое право (с указанием на конкретный свод религиозных норм);
- стороны могут обязаться учитывать предписания и запреты шариата при исполнении договора;
- договор должен быть исполнен на территории мусульманской страны;
- принудительное исполнение арбитражного или иностранного судебного решения запрашивается в мусульманской стране (где шариат является частью публичного порядка)[103].

Также следует констатировать, что даже в сфере МКА религиозная составляющая правовых систем ближневосточных государств может повлиять на отношение к таким вопросам, как объем полномочий арбитража, его характер, выбор применимого права, состав и ответственность арбитров и т.п. С одной стороны, нельзя не согласиться с позицией ученых о том, что именно в процессуальных отношениях, связанных с арбитражем по коммерческим спорам, нормы шариата не применяются – здесь целиком доминирует западная правовая традиция (в первую очередь, выработанная в рамках общего права). Однако это не отменяет проблему того, что требования шариата могут напрямую влиять на

[103] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 233; Maddi M. Islamic Sharia Perspective and Legistlation of Trade and Procurement Comparing with the Conventional Rules. IPPC, 2014. P. 30-31.

признание и приведение в исполнение арбитражных решений в мусульманских странах[104].

Указанные проблемы особенно остро стоят в сфере купли-продажи, поскольку многие международные договоры купли-продажи, независимо от того, включают ли они прямые отсылки к шариату, чаще всего нуждаются в закреплении способов финансирования торговых обязательств, включая расчеты. При финансировании торговли, будь то документарный аккредитив, дисконтирование векселей, факторинг или форфейтинг, с неизбежностью возникает вопрос о процентах (*риба*). При этом, коммерсанты из мусульманских стран должны использовать только те инструменты финансирования торговых договоров, которые соответствуют нормам шариата. Поэтому особенно важно при анализе торговых договоров, заключенных или исполняемых при участии «мусульманского элемента» принимать во внимание именно специфику моделей финансирования, а также более общие принципы, касающиеся допустимой по религиозным нормам деятельности[105].

Таким образом, подводя итог настоящей главы, можно отметить следующее:

В мусульманских странах сложились уникальные условия формирования концепции коммерческих договоров, поскольку их правовые системы исторически были основаны на религиозно-правовых нормах шариата.

Система дозволений и запретов, сформированная в рамках шариата, включает в себя: запрет харамной деятельности; запрет ставки процента; запрет высокой, «толстой», неопределенности; запрет преднамеренного риска, а также подчинение правового регулирования коммерческой деятельности общим целям исламского права (макасид аль-шари'а). Соответствующая система запретов и дозволений создает более узкие пределы заключения и исполнения торговых договоров в мусульманских странах, а также достаточно сильно ограничивает количество доступных коммерческих инструментов (договоров).

---

[104] Maknouzi M. et al. Islamic commercial arbitration and private international law: mapping controversies and exploring pathways towards greater coordination // Humanities and Social Sciences Communications. 2023. №523. P. 627.
[105] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 233.

При этом шариат представляет собой единую правовую систему, в рамках которой отсутствует строгое разделение не только гражданского и торгового права, но и публичного и частного права. Как следствие, система религиозно-правовых запретов и дозволений оказывается в равной степени применима как к гражданским, так и к торговым правоотношениям (и, соответственно, к торговым договорам).

Впрочем, в результате исторического развития шариата в нем был сформирован условно обособленный правовой комплекс – муамалат – исламское право договоров и деловых сделок. Источником для формирования муамалата выступили торговые обычаи, которые были использованы исламской правовой доктриной (фикхом) для формирования эффективных правовых механизмов, опосредующих совершение коммерческих операций и коммерческий оборот в целом.

Муамалат представляет собой религиозно-правовой аналог европейского торгового права. Договоры и деловые сделки, регулируемые в рамках муамалата, могут квалифицироваться как исламские торговые договоры – сделки, опосредующие различные этапы обмена товаров и услуг с целью получения прибыли и соответствующие предписаниям, ограничениям и запретам шариата.

Однако, важно понимать, что «исламское право» и «правопорядок мусульманских государств» – это различные категории. Это связано с двумя аспектами. Во-первых, шариат в принципе не является нормативной системой, призванной урегулировать все те аспекты современных отношений, которые регулируются позитивным правом (как в частной, так и в публичной сфере). Во-вторых, правовые системы стран Ближнего Востока развивались в условиях тесного политического, экономического и культурного взаимодействия с другими странами – в том числе, европейскими[106]. Это не могло не сказываться на рецепции правовых институтов европейских правопорядков.

[106] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 233.

Начиная с XIX в. в мусульманских правопорядках начинается рецепция европейских институтов гражданского и торгового права. Религиозные нормы (включая муамалат) перестают исключительным образом регулировать коммерческие отношения (за исключением отдельных государств Аравии). Вместо них принимаются национальные торговые кодексы, базирующиеся на французском торговом праве (например, Торговый кодекс Османской империи 1850 г.).

В числе основных факторов, способствовавших проникновению западноевропейских норм торгового права в правопорядки мусульманских стран можно выделить (исторические факторы конвергенции): стремление европейских купцов избежать рассмотрения их споров в местных судах по местному законодательству; местные коммерсанты, используя менее адаптированный под потребности развитой торговли шариат, оказывались в менее выгодном положении по сравнению с европейскими партнерами; существовавшая в XIX веке практика торговцев из Европы использовать Французский торговый кодекс в качестве своего рода «обычного права» при разрешении споров; политическая заинтересованность местных элит в модернизации по европейскому образцу; идея о том, что коммерческие отношения – сфера, в которой религиозные нормы имеют меньшее значение, чем, например, брачно-семейные отношения[107]. Позднее, во второй половине XX в., к соответствующим факторам также добавилась также интенсификация внешней торговли энергоресурсами, вследствие которой мусульманские страны оказались вовлечены в активный экономический оборот с западными партнерами.

В результате, нормы коммерческого права государств Ближнего Востока во многом носили и продолжают носить светский характер. Однако, «вестернизация» права мусульманских государств не отменила их национальные и религиозные традиции (несмотря на то что на определенном этапе

[107] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 233.

коммерческое законодательство мусульманских стран полностью основывалось на западном торговом праве).

К настоящему моменту в мусульманских странах был осуществлен синтез традиционных принципов шариата и светского коммерческого права европейских государств. Итогом подобного синтеза становится исторически нетипичная для мусульманских стран дифференциации гражданского и торгового права. Однако, основания для подобного дуализма в мусульманских странах дополнительно включают в себя необходимость определения сферы действия шариата и степени гибкости при его применении к коммерческим отношениям: гражданское право традиционно опирается именно на шариат; в то время как, торговое право носит более светский (в отдельных странах – полностью секуляризированный) характер[108].

В попытках совместить современную практику заключения и исполнения торговых договоров с нормами и принципами шариата практика также выработала два основных варианта учета религиозных ограничений: 1) включение в текст договора отсылки к шариату как к применимому праву; 2) включение в текст договора условий о его исполнении в соответствии с принципами и нормами шариата. Подобных примеров в современной судебной и арбитражной практике довольно много. Это дополнительно свидетельствует о конвергенции правопорядков, попытке согласовать западные правовые конструкции с правовыми системами мусульманских стран[109].

[108] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 233.
[109] Там же.

Глава II. Современные концепции коммерческих договоров в мусульманских правопорядках

2.1. Правовое значение шариата и его влияние на регулирование коммерческих договоров в современных мусульманских правопорядках

Ключевым отличием мусульманских правопорядков является их опора на религиозно-правовые основы ислама. Ислам прямо признается государственной религией во всех мусульманских правопорядках (что и является субстантивным критерием для выделения соответствующей группы правопорядков, или особой исламской правовой семьи). Как следствие, шариат (как исламское религиозное право) занимает важное место во всех современных мусульманских странах и, как правило, находит свое закрепление и отражение в конституциях или конституционных законах соответствующих государств[110].

Однако, конституционно-правовой статус шариата и степень его влияния на регулирование коммерческих договоров достаточно серьезно различается от страны к стране. Несмотря на безусловное признание за шариатом определяющей (основополагающей) роли в рамках мусульманских правопорядков, религиозно-правовые нормы шариата далеко не всегда обладают высшей юридической силой[111] (что особенно характерно для правового регулирования коммерческих отношений).

В наиболее общем виде, подходы всех современных мусульманских государств к построению собственных национальных правопорядков могут быть подразделены на три модели:

1) (квази)западная модель организации национальных правопорядков, для которого характерно восприятие светской модели построения системы права с опорой на религиозно-правовые нормы ислама в качестве одного из источников права (данная модель характерна, в частности, для правопорядков Бахрейна,

---

[110] Brown N.J. Constitutions in a nonconstitutional world. Arab basic laws and the prospects for accountable government. New York: Suny Press, 2002.

[111] Al-Gahtani S. Las transacciones internacionales de comercio e inversiones en los países del Golfo: entre la Sharia y la Lex mercatoria : tesis doctoral. Madrid, 2017. P. 294.

Кувейта и ОАЭ, где шариат квалифицируется как основной, но не единственный, источник права);

2) фундаменталистская модель организации национальных правопорядков, предполагающая преимущественную опору именно на религиозно-правовые нормы ислам, которым придается наивысшая юридическая сила (данная модель характерна, например, для Омана, где шариат признан источником всего права, а также для Йемена и Садовской Аравии, где, помимо признания за шариатом статуса единственного источника права, Коран и Сунна признаны конституцией государства);

3) смешанная модель, в рамках которой предпринимаются попытки сохранить высокую юридическую силу шариата при одновременном использовании светских правовых конструкций в отдельных отраслях законодательства (данная модель свойственна, в частности, для Катара, где шариат признан основной законодательства)[112].

Таким образом, верховенство (наивысшая юридическая сила) шариата оказывается характерна только для мусульманских правопорядков фундаменталистской модели[113].

В Бахрейне, Кувейте, ОАЭ и других мусульманских странах с (квази)западной моделью построения национальных правопорядков шариат как основной источник права имеет такую же юридическую силу, как и другие источники права, а его религиозно-правовые нормы не имеют безусловного приоритета над другими правовыми нормами. Как следствие, в рамках (квази)западной модели упрощено принятие кодифицированных правовых актов (в т.ч. торговых кодексов), основанных на неисламских светских источниках. В качестве последних могут выступать как торговые кодексы и законы европейских государств (в частности, в мусульманских странах Персидского залива весьма велико влияние Торгового кодекса Франции), так и унифицированные на

[112] Гутенева А. В. Система торговых (коммерческих) договоров в мусульманских странах: основные модели // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 7(131). С. 178-186.
[113] Kurdi A.A. The Islamic State. A Study Based on the Islamic Holy Constitution. London: Mansell Publishing Limited, 1984.

международном уровне акты *new lex mercatoria* (типовые законы ЮНСИТРАЛ, а также Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи[114] – Венская конвенция). При этом сфера применения религиозно-правовых норм шариата в странах с (квази)западной моделью сужается до регулирования гражданских, семейных и иных личных правоотношений между мусульманами.

Тем не менее, несмотря на подобный подход в странах с (квази)западной моделью шариат все же прямо признается основным источником права, вследствие чего его применение осуществляется не только в рамках его непосредственной сферы регулирования, но и в качестве способа восполнения пробелов законодательства. Религиозно-правовые принципы шариата (в т.ч. религиозно-правовые принципы муамалата) остаются основой для всех законов в современных мусульманских правопорядках вне зависимости от выбранной модели построения национальных правопорядков.

Подобная ситуация повлекла за собой дробление правовых систем в мусульманских правопорядках.

С одной стороны, выделяются сферы, в рамках которых применение религиозно-правовых норм шариата ограничивается, а приоритет отдается светским кодифицированным законам. В рамках соответствующих сфер (к которым традиционно относится и сфера профессиональной коммерческой деятельности) правосудие осуществляют светские (коммерческие, хозяйственные) суды, применяя, при этом, нормы кодифицированных актов.

С другой стороны, выделяются сферы, на которые прямо распространяются нормы шариата и где светские законы имеют меньшую юридическую силу. Для осуществления правосудия здесь могут создаваться специальные исламские суды, применяющие преимущественно шариат, а не светское законодательство. Кроме того, ввиду конституционно-правового статуса шариата даже в странах с (квази)западной моделью суды могут прибегать к его нормам, если сочтут, что в

[114] Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, N 14, 1994 год.

обстоятельствах дела усматривается прямое нарушение религиозно-правовых запретов как основы правопорядка и нравственности.

Впрочем, конкретные формы и сферы применения шариата, а также подходы к построению судебных систем могут достаточно сильно различаться на уровне отдельных государств в зависимости от историко-политических, социально-экономических, религиозных и иных особенностей.

Так, для национального правопорядка ОАЭ характерно, с одной стороны, достаточно сильное влияние египетской правовой системы, истоки которой лежат во французском торговом праве, а, с другой стороны, интенсивное влияние религиозно-правовых норм шариата, которые находят свое отражение и закрепление в национальном гражданском и торговом законодательстве. Как следствие, в ОЭА фактически сложилась дуалистическая правовая система коммерческого права, в рамках которой светские начала существуют параллельно с религиозно-правовыми запретами и дозволениями.

Соответственно, концепция коммерческих договоров в ОАЭ носит преимущественно светский характер, опирающийся на французскую правовую традицию, но система коммерческих договоров построена в соответствии с религиозно-правовыми дозволениями и запретами шариата. Религиозно-правовые запреты и дозволения все же являются основным источником права в ОАЭ, в связи с чем сама система коммерческих договоров в ОАЭ носит специфический характер, предопределенный запретом ставки процента (рибы), высокой (толстой) неопределенности (гарара) и другими требованиями шариата.

Впрочем, важно отметить, что ст. 2 Торгового кодекса ОАЭ[115] установлено следующее: в первую очередь, коммерческие отношения подчинены договорному регулированию (при условии, что оно не противоречит императивным нормам законодательства); во вторую очередь, в случае отсутствия договорных условий применению подлежат торговые (коммерческие) обычаи (при этом в качестве специального обычая признаются предшествующие согласованные сторонами

[115] Federal Decree-Law No. 50/2022 of 3 Oct 2022 «Issuing the Commercial Transactions Law (Commercial Code)» [Электронный ресурс]. URL: https://www.moec.gov.ae/documents/20121/0/DecreeLaw_50_2022_pdf.pdf (дата обращения: 20.04.2024).

условия совершения торговых операций); в третью очередь, в случае отсутствия торговых (коммерческих) обычаев (в т.ч. специальных) будут применяться общие принципы коммерческой деятельности.

О применении шариата к коммерческим отношениям ст. 2 ТК ОАЭ напрямую не говорит, однако ввиду его правового статуса как основного источника права его религиозно-правовые установления могут рассматриваться в качестве общих принципов коммерческой деятельности (в части не противоречащей специальному торговому законодательству и договору и только при отсутствии соответствующих договорных и законодательных положений, а также торговых обычаев).

При этом, что касается непосредственного применения шариата в качестве непосредственного источника правового регулирования, то его сфера в ОАЭ ограничена вопросами личного и семейного статуса, благотворительной сферой и отдельными вопросами уголовного права[116] (рассмотрение соответствующих споров осуществляется специализированными шариатскими судами, действующими в качестве судов первой инстанции).

Также стоит отметить, что случай ОАЭ достаточно уникален тем, что в соответствии с Конституцией ОАЭ 1971 г.[117] эмиратам было предоставлено право самостоятельно решать, присоединяться к общефедеральной судебной системе или создавать свою собственную (региональную) судебную систему. Три из семи эмиратов приняли решение о построении собственных региональных судебных систем: Дубай и Рас-эль-Хайма – с 1971 г., а Абу-Даби – с 2006 г.[118]

При этом региональное законодательство о судебной системе данных трех эмиратов предусматривает несколько иной подход к применению шариата: при рассмотрении дел судам, в первую очередь, надлежит руководствоваться положениями регионального законодательства соответствующих эмиратов; во вторую очередь применению подлежат правовые традиции, не противоречащие

[116] Powers D.S. Studies in Qur‟an and Hadīth: The Formation of the Law of Inheritance. Berkeley, CA: University of California Press, 1986.
[117] United Arab Emirates Constitution of 1971 [Электронный ресурс] // UAE Ministry of justice: official website. URL: https://elaws.moj.gov.ae/English.aspx?val=EL1 (дата обращения: 19.04.2024).
[118] Law of Abu-Dhabi No. (23) of 2006 to restructure Abu Dhabi Judicial Department

закону и публичному порядку; а в третью очередь принципы «естественной» справедливости и религиозного закона. Именно через применение подобных принципов «естественной» справедливости обеспечивается поддержание статуса шариата в качестве основного источника права. Однако, применение соответствующих религиозно-правовых норм осуществляется только в отсутствие законодательных положений и правовых традиций (торговых обычаев).

Таким образом, в ОАЭ шариат как совокупность религиозно-правовых норм выступает не в качестве непосредственного регулятора коммерческих отношений, а в качестве определенного набора основополагающих принципов, с учетом которых осуществляется разработка и принятие федерального и регионального законодательства (в т.ч. торгового), а также рассмотрение и разрешение споров в суде.

Как следствие, сегодня концепция коммерческих договоров в ОАЭ преимущественно опирается на положения секуляризированного кодифицированного законодательства, а также субсидиарно – на основополагающие принципы шариата. Это позволяет ОАЭ достаточно гибко подходить к правовому регулированию коммерческих договоров.

В свою очередь, правовая система Кувейта также сформировалась под влиянием различных источников. Концепция коммерческих договоров в Кувейте частично базируется на османских и современных арабских источниках (в частности, египетских), а также содержит в себе элементы светского регулирования, свойственного для Торгового кодекса Франции и для английского общего права.

Шариат в Кувейте (как и в ОАЭ) признан основным источником права. Однако, в качестве непосредственного регулятора шариат так же применяется преимущественно в отношении личного и семейного статуса (соответствующие споры в Кувейте рассматриваются специальными секциями гражданских судов на основе кодифицированного суннитского или шиитского права в зависимости от того, какой школы ислама придерживаются стороны в судебном процессе).

По делам, связанным с коммерческими операциями, в первую очередь, подлежат применению положения национального законодательства Кувейта, которые прямо или косвенно регулируют спорные общественные отношения. В случае отсутствия таких законодательных положений применяются правовые традиции и только при отсутствии традиций судья вправе руководствоваться напрямую шариатом. Таким образом, несмотря на конституционно-правовой статус шариата как основного источника права, на практике он применяется в качестве набора основополагающих принципов, используемых в случае отсутствия прямого законодательного регулирования.

Само же законодательное регулирование коммерческих договоров, хоть и основанное на шариате, тем не менее, характеризуется достаточно высокой степенью гибкости, позволяющей эффективно регулировать коммерческую сферу.

Схожее положение занимает шариат и в Бахрейне. Однако, в отличие от Кувейта, здесь требуется, чтобы в отсутствие законодательных положений, подлежащих применению к конкретным общественным отношениям, суды, в первую очередь, обращались к шариату, а не к правовым традициям: в случаях, когда отсутствует положение закона, которое подлежит применению к спорным общественным отношениям, судебное решение должно приниматься на основании религиозно-правовых норм шариата. Только при отсутствии подлежащим применению норм шариата допускается обращение к правовой традиции (при этом предпочтение отдается конкретной традиции, а не общей). В отсутствие применимых традиций допускается обращение к принципам национального законодательства, а также принципам справедливости и доброй совести.

В целом, правовая система Бахрейна также представляет собой смешанную правовую систему, основанную на английском общем праве и традициях суннитского шариата. При этом в соответствии правосудие в Бахрейне осуществляется в рамках двух типов судов: гражданских и шариатских (с суннитской или шиитской юрисдикциями). Гражданские суды имеют право

рассматривать все коммерческие, гражданские или уголовные дела и другие вопросы, связанные с личным статусом немусульман. Судебная система, основанная на шариате, ограничивается делами о личном статусе мусульман.

Таким образом, и в Бахрейне как мусульманском государстве с (квази)западной моделью правовой системы роль и значение шариата в рамках регулирования коммерческих договоров преимущественно сводятся к основополагающему принципу, определяющему содержание национального торгового законодательства и применяемого судами в случаях отсутствия прямого законодательного регулирования спорных общественных отношений.

В Конституции Катара[119] (как мусульманского государства со смешанной моделью организации правовой системы) шариат признается основным (но не единственным) источником права. При этом шариату здесь придается большее значение, чем в Бахрейне, Кувейте и ОАЭ.

Правовая система Катара (как и правовая система Кувейта) во многом основана на османских и современных мусульманских правовых традициях, а также включает в себя элементы французского торгового права и английского общего права. Однако, в отличие от Кувейта, в Катаре функционирует шариатская судебная система, которая обладает полной юрисдикцией в отношении всех гражданских споров между мусульманами.

Тем не менее, применение шариата к коммерческим договорам в Катаре также носит субсидиарный характер. Как прямо установлено Гражданско-торговым процессуальным кодексом Катара[120]:

в первую очередь, к общественным отношениям, которые прямо или косвенно относятся к сфере применения Гражданско-торгового кодекса, подлежат применению принципы соответствующего кодекса (при этом принципы Гражданско-торгового кодекса применяются не только к профессиональным участникам коммерческой деятельности, но и ко всем коммерческим операциям);

---

[119] The Constitution of Qatar (April 29, 2003). [Электронный ресурс]. URL: https://www.gco.gov.qa/wp-content/uploads/2016/09/GCO-Constitution-English.pdf (дата обращения: 13.05.2024).

[120] Civil And Commercial Procedure Law (Law No. 13 of 1990). [Электронный ресурс]. URL: https://www.almeezan.qa/LawPage.aspx?id=2492&language=en (дата обращения: 13.05.2024).

во вторую очередь, подлежат применению положения коммерческих договоров, признанных законом (здесь можно усмотреть достаточно широкую степень свободы договора и диспозитивности гражданско-правового регулирования в правопорядке Катара);

в третью очередь, в отсутствие договора или в отсутствие соответствующих положений в договоре, а также в случаях признания договоров недействительными подлежат применению конкретные нормы Гражданско-торгового кодекса Катара;

в четвертую очередь, при отсутствии законодательных положений, которые могут быть применены к спорным общественным отношениям, суд может принять решение, основываясь на правовых обычаях, а при отсутствии таких обычаев – основываясь на принципах шариата.

Таким образом, и в правопорядке Катара применительно к сфере коммерческих договоров религиозно-правовые нормы шариата выступают лишь в качестве основополагающих принципов, на основе которых: во-первых, формулируются принципы гражданско-торгового законодательства; а, во-вторых, рассматриваются и разрешаются споры при отсутствии подлежащих применению положений законодательства, условий договора или правовых обычаев.

В правопорядке Омана (который уже может быть отнесен к мусульманским государствам с фундаменталистской моделью правовой системы) шариату придан статус основы всего законодательства. При разработке и принятии законов и подзаконных актов руководство Омана обязано руководствоваться шариатом как одним из фундаментальных столпов национальной политики, а также должно учитывать национальное наследие и национальных ценности, основанные на шариате (включая при необходимости и его наиболее современные проявления).

Правовая система Омана преимущественно основана на традициях исламского шариата школы Ибади. При этом именно исламские традиции, обычаи и шариат представляют собой ориентиры для законодательного регулирования коммерческих договоров. Аналогичным образом именно шариат выступает в качестве основного ориентира при рассмотрении и разрешении

коммерческих споров судами. Иными словами, в Омане основу концепции коммерческих договоров составляют положения исламского права договоров и деловых сделок (муамалат).

Впрочем, с конца XX в. Оман также начал постепенное движение в сторону большей кодификации национального законодательства с опорой, с одной стороны, на религиозно-правовые нормы шариата, а, с другой стороны – на потребности современного коммерческого оборота. Так, в 1999 г. в Омане была ограничена юрисдикция шариатских судов, которые ранее рассматривали и разрешали все гражданские споры (включая торговые). После 1999 г. юрисдикция шариатских судов в качестве судов первой инстанции стала распространяться только на дела о личном и семейном статусе мусульман (коммерческие споры стали рассматриваться гражданскими судами), а апелляции на решения шариатских судов стали подаваться в гражданские суды апелляционной инстанции.

В Йемене (который также относится к мусульманским государствам с фундаменталистской правовой системой) шариат признан источником всего законодательства. Соответствующая формулировка была внесена в Конституцию Йемена[121] в 1994 г. и заменила собой прежнее положение о шариате как об основном источнике права, что было призвано подчеркнуть придание шариату большего правового статуса по сравнению с мусульманскими государствами с (квази)западной и смешанной моделями правовых систем (в частности, соответствующие конституционные реформы были направлены на дистанцирование от «либеральных» положений Конституции Катара, предусматривающих статуса шариата как основного источника права).

Шариат в Йемене составляет основу всей правовой системы. Исламская справедливость (выраженная в религиозно-правовых нормах шариата) представляет непосредственно действующий принцип, пронизывающий все законодательство Йемена. Здесь шариат и исламская юриспруденция (фикх)

[121] Constitution of Yemen (May 16, 1991). [Электронный ресурс]. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Yemen_2015 (дата обращения: 13.05.2024).

играют более важную роль в правовой и судебной структуре, чем в большинстве арабских стран (за исключением Саудовской Аравии).

Йемен имеет единую судебную структуру с судами первой инстанции, апелляционными судами и, наконец, Большим Верховным судом, причем все они обязаны применять шариат в качестве основного источника законодательства. Вышеуказанные суды могут рассматривать все гражданские, уголовные и коммерческие дела. В дополнение к этим государственным судам существует племенная система судебных решений, которая применяет племенные законы (основанные также на шариате) к местным вопросам[122].

В целом, система торгового права в Йемене в настоящее время практически не развита и опирается преимущественно на муамалат, а также на устаревшее национальное торговое законодательство 1980-1990-х гг. Подобная ситуация обусловлена идущей в стране с 2014 г. гражданской войной между хуситами и правительственными силами.

Таким образом, коммерческие договоры в Йемене оказываются полностью подчинены религиозно-правовым требованиям и запретам, сформулированным в рамках шариата. Гибкость правового регулирования, свойственная кодифицированным гражданским и торговым законам ОАЭ, Бахрейна, Кувейта, Катара и даже Омана, в Йемене отсутствует.

Наконец, Саудовская Аравия представляет собой наиболее консервативную и фундаменталистскую страну в Персидском заливе. Для правопорядка Саудовской Аравии характерно придание шариату наибольшего значения (по сравнению с другими арабскими странами). Во многом подобная ситуация обусловлена тем, что шариат в Саудовской Аравии как абсолютной теократической монархии выступает в качестве одного из пределов для абсолютной власти короля. Он обязан соблюдать шариат и другие религиозные

[122] Gaston E., al-Dawsari N. Justice in transition in Yemen. A mapping of local justice functioning in ten governorates // PEACEWORKS. United States Institute of Peace (USIP). 2014. № 99. 88 p.

традиции, что в условиях абсолютной монархии служит гарантией стабильности и преемственности[123].

Провозгласив Священный Коран и Сунну основой права и конституцией, Основной закон об управлении Саудовской Аравии[124] требует, чтобы саудовские суды применяли правила шариата в соответствии с указаниями, данными в Священном Коране и Сунне, а также обеспечивали, чтобы законодательство Саудовской Аравии не противоречило Корану или Сунне[125]. Следовательно, шариат здесь рассматривается как система правового регулирования, превосходящая любой позитивный правовой порядок.

Таким образом, концепция коммерческих договоров в Саудовской Аравии полностью основана на положениях муамалата (исламского права договоров и деловых сделок), которому отдается приоритет перед любыми законодательными актами. Именно общие религиозно-правовые требования, запреты и дозволения шариата составляют основу концепции коммерческих договоров в Саудовской Аравии, а позитивное законодательство лишь дополняет и уточняет ее в части, не противоречащей муамалату (а точнее – подходам тех шариатских школ, которые восприняты правопорядком Саудовской Аравии).

Судебная система Саудовской Аравии преимущественно сохраняет традиционную форму шариатского суда с судами первой инстанции, апелляционными судами и Большим шариатским судом.

В то же время, в 2020 г. в Саудовской Аравии был принят специальный Закон «О коммерческих судах»[126], в соответствии с которым была создана отдельная система коммерческих судов (первой инстанции, апелляционных и кассационных). Юрисдикция таких судов была распространена на все споры, возникающие между торговцами (коммерсантами), а также споры, связанные с осуществлением коммерческой деятельности.

---

[123] Гутенева А. В. Система торговых (коммерческих) договоров в мусульманских странах: основные модели // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 7(131). С. 178-186.

[124] Basic Law of Governance of Saudi Arabia (27th Sha'ban 1412 H (1 March 1992)). [Электронный ресурс]. URL: https://www.saudiembassy.net/basic-law-governance (дата обращения: 13.05.2024).

[125] Гутенева А. В. Указ. соч. С. 183.

[126] Law of Commercial Courts (approved by Royal Decree No. M/93 du 15/08/1441H (April 8, 2020)). [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/20321 (дата обращения: 13.05.2024).

Коммерческие суды также обязаны применять шариат, однако его применение напрямую не предусматривается. Так, в соответствии со ст. 57 Закона «О коммерческих судах» устанавливается, что в случае отсутствия договорных условий и законодательных положений суд может применить торговые (коммерческие) обычаи или правила делового обыкновения, заведенного между сторонами спора. Только при отсутствии таких обычаев в качестве общей нормы могут подлежать прямому применению нормы шариата.

В 2020-х гг. также, несмотря на столь значительную роль шариата в Саудовской Аравии, потребности коммерческого оборота все же обусловили развитие торгового законодательства и его кодификацию. Так, в 2023 г. был принят Закон о гражданских сделках[127] (Гражданский кодекс Саудовской Аравии, ГК СА), который в настоящее время применяется к торговым договорам. Кроме того, в 2021 г. в Саудовской Аравии был разработан проект Закона о коммерческих сделках[128] (Торговый кодекс Саудовской Аравии, ТК СА), предусматривающий систему коммерческих договоров. В настоящее время проект ТК СА ожидает прохождения законодательных процедур, вероятность успешного завершения которых достаточно высока[129].

Соответственно, несмотря на определяющую роль шариата, в Саудовской Аравии в настоящее время активно идет процесс выработки национального торгового законодательства (основанного на шариате). Представляется, что по завершении данного процесса шариату в рамках концепции коммерческих договоров в Саудовской Аравии будет придан характер общих принципов, запретов и дозволений (характер общей нормы), подлежащих применению при отсутствии специальных норм законодательства (как это реализовано в национальных правопорядках других мусульманских государств).

---

[127] Royal Decree No. M/191 of 18/6/2023 «Civil Transactions Law». [Электронный ресурс]. URL: https://laws.moj.gov.sa/legislation/x5mmyRvSC8dun5XxLYxEeQ== (дата обращения: 02.05.2024).

[128] The commercial transactions draft law (الـ تجاريـة امـلعامالت ذظام مـشروع) (in Arabic). [Электронный ресурс]. URL: https://istitlaa.ncc.gov.sa/ar/Trade/mci/CTL/Pages/default.aspx (дата обращения: 02.05.2024) (доступ сайту из России ограничен, доступ через VPN).

[129] Гутенева А. В. Система торговых (коммерческих) договоров в мусульманских странах: основные модели // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 7(131). С. 178-186.

В целом, подводя определенный итог, можно отметить, что шариат представляет собой основу правовых системы всех мусульманских стран. Шариату отводится основополагающая роль – роль конституционно-правовой основы всей правовой системы. Именно на подобной основе осуществляется выстраивание все системы национального законодательства, что предопределяет имманентно присущие всем мусульманским правопорядках религиозно-правовые ограничения.

Однако, роль и значение шариата в рамках отдельных национальных правопорядков различается. В наиболее общем виде, по критерию правового значения шариата в рамках национальной правовой системы можно выделить два типа мусульманских стран: страны с (квази)западной моделью правовой системы и страны с фудаменталистской моделью правовой системы[130].

Ключевым отличием между мусульманскими странам с (квази)западной моделью правовой системы и с фундаменталистской моделью становится степень гибкости при соблюдении религиозно-правовых запретов, ограничений и дозволений шариата (в т.ч. в рамках разработки и принятия торгового законодательства, а также при рассмотрении и разрешении торговых споров судами)[131].

Мусульманские страны с (квази)западной моделью правовой системы обеспечивают полную секуляризацию торгового законодательства, выводя общее правовое регулирование торговых отношений из-под действия запретов и дозволений шариата. Параллельно в таких странах принимается специальный комплекс правовых норм, закрепляющих правовое регулирование исламских торговых договоров, соответствующих требованиям шариата (в его интерпретации национальными правовыми школами – мазхабами)[132].

В мусульманских странах с (квази)западной моделью правовой системы шариату придан характер конституционно-правовой нормы-принципа. При этом

---

[130] Гутенева А. В. Система торговых (коммерческих) договоров в мусульманских странах: основные модели // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 7(131). С. 178-186.
[131] Там же. С. 184.
[132] Там же.

шариат является не единственным, а основным источником права, что позволяет национальным законодателям более гибко подходить к правовому регулированию коммерческих договоров. Религиозно-правовые запреты и ограничения шариата как конституционной нормы-принципа подлежат обязательному учету при разработке национального торгового законодательства (однако, не являются определяющим фактором для законотворческой работы). В то же время, шариат не обладает прямым действием в отношении коммерческих договоров[133].

При этом в большинстве мусульманских стран с (квази)западной моделью правовой системы применение шариата к коммерческим договорам осуществляется только в случаях отсутствия: 1) положений законодательства, прямо и косвенно регулирующих коммерческие отношения; а также 2) правовых традиций (правовых обычаев), сформировавшихся в национальной и международной исламской коммерческой практике[134]. В Катаре в дополнение к указанным двум ограничениям применение шариата допускается только при отсутствии договорного регулирования конкретных коммерческих отношений. Исключением здесь является Бахрейн, где шариат может применяться к коммерческим договорам уже при отсутствии норм законодательства, а правовые традиции (правовые обычаи) подлежат применению в случае отсутствия в шариате нужного регулирования.

Мусульманские страны с фундаменталистской моделью правовой системы признают за шариатом (включая исламскую правовую доктрину – фикх) характер закона, обладающего высшей юридической силой и прямым действием. В рамках регулирования торговых отношений шариат в фундаменталистских правовых системах носит характер общей нормы, которая применяется к соответствующим общественным отношениям с учетом особенностей, установленных национальным торговым законодательством[135].

---

[133] Гутенева А. В. Указ. соч. С. 184.
[134] Там же.
[135] Там же.

Как следствие, непосредственное применение норм шариата к коммерческим отношениям в мусульманских странах с фундаменталистской моделью правовой системы осуществляется в двух основных случаях:

1) в случае отсутствия специальной нормы в национальном торговом законодательстве (что может охватывать собой весьма широкий круг коммерческих отношений ввиду отсутствия торгового законодательства в отдельных мусульманских странах, как, например, в Йемене и Омане);

2) в случае противоречия положений национального торгового законодательства религиозно-правовым ограничениям и запретам шариата (применять шариат в таких случаях могут суды любого уровня, однако признание законодательных актов не соответствующими шариату осуществляется верховными судами, как, например, Большим шариатским судом в Саудовской Аравии)[136].

В то же время, начиная с конца XX в. тенденция к либерализации и кодификации торгового законодательства свойственна уже не только для мусульманских государств с (квази)западной моделью правовой системы, но и для стран с фундаменталистской моделью. Наиболее ярким примером здесь является Саудовская Аравия, в которой долгое время отсутствовало кодифицированное торговое законодательство, а единственным источником коммерческого права выступал шариат (а, точнее, муамалат – исламское право договоров и деловых операций). Однако, в 2021 г. в Саудовской Аравии был принят Закон о гражданских сделках и в настоящее время на стадии принятия находится Закон о коммерческих сделках.

Соответствующий процесс представляет собой воплощение общей эволюции мусульманского торгового права, которое в условиях постоянно усложняющегося коммерческого оборота не может опираться исключительно на религиозно-правовые нормы шариата. Как следствие, в современных мусульманских правопорядках шариату все больше придается роль

[136] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 185.

основополагающих принципов, запретов и дозволений, составляющих основу публичного порядка, но подлежащего применению к конкретным коммерческим отношениям лишь субсидиарно (в странах с (квази)западной моделью) или в качестве общего правила (в странах с фудаменталистской моделью)[137]. Непосредственное же регулирование коммерческих договоров осуществляется на основе кодифицированного торгового законодательства, опирающегося на европейскую правовую традицию (в частности, на Торговый кодекс Франции и английское общее прав) и *новое lex mercatoria* (в т.ч. на исламские международные стандарты коммерческой деятельности).

2.2. Система коммерческих договоров в современных мусульманских странах

Особенности правового статуса шариата в современных мусульманских правопорядках позволяют сделать вывод о том, что в настоящее время непосредственным источником правового регулирования коммерческих договоров как в странах с (квази)западной, так и в странах с фундаменталистской моделями правовых систем выступает национальное торговое законодательство.

Процесс кодификации торгового законодательства, традиционно свойственный для мусульманских стран с (квази)западной моделью правовой системы, в настоящее время достаточно активно идет и в мусульманских странах с фундаменталистской моделью. Новое торговое (коммерческое) законодательство, отличающееся той или иной степенью гибкости, принимается не только в тех мусульманских странах, где шариат является основным источником права, но и в тех странах, где шариат признан единственным источником права.

Наиболее ярко соответствующий процесс сегодня проявляется в рамках правопорядка Саудовской Аравии, которая, являясь наиболее фундаменталистской страной Персидского залива, сегодня активно идет по пути

[137] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 185.

разработки и принятия кодифицированного гражданского и торгового законодательства. Так, в 2021 г. в Саудовской Аравии был разработан проект Закона о коммерческих сделках (проект ТК СА), закрепляющий систему коммерческих договоров, а в 2023 г. был принят Закон о гражданских сделках (ГК СА).

Впрочем, стоит отметить, что обновление торгового законодательства в настоящее время свойственно не только для мусульманских государств, где традиционно основное регулирование коммерческих отношений осуществлялось шариатом, но и для мусульманских стран, где соответствующее регулирование уже достаточно длительное время осуществляется на основе секуляризированного торгового законодательства. Так, в частности, в 2022 г. был принят новый Торговый кодекс ОАЭ[138], который закрепил новую расширенную систему коммерческих договоров (включая специфические исламские торговые договоры).

Таким образом, в настоящее время процесс либерализации и кодификации правового регулирования коммерческих отношений оказывается свойственным как для мусульманских стран с (квази)западной моделью правовой системы, так и для мусульманских стран с фундаменталистской моделью. Однако, соответствующая кодификация носит различные формы и выражается в различных подходах к законодательному регулированию коммерческих договоров, что предопределяется разной степенью гибкости при учете религиозно-правовых норм шариата.

Для выявления ключевых различий в отмеченной сфере представляется целесообразным обратиться к сравнительно-правовому анализу нового торгового и гражданского законодательства ОАЭ и Саудовской Аравии. Данные два мусульманских государства в настоящее время находятся на различных концах спектра учета и применения религиозно-правовых норм шариата при регулировании коммерческих отношений: ОАЭ является наиболее ярким

[138] Federal Decree-Law No. 50/2022 of 3 Oct 2022 «Issuing the Commercial Transactions Law (Commercial Code)» [Электронный ресурс]. URL: https://www.moec.gov.ae/documents/20121/0/DecreeLaw_50_2022_pdf.pdf (дата обращения: 20.04.2024).

представителем мусульманских государств в (квази)западной моделью правовых систем, которые квалифицируют шариат как конституционную норму-принцип; а Саудовская Аравия – мусульманских государств с фундаменталистской моделью, которые признают за шариатом высшую юридическую силу и прямое действие в качестве общей конституционной нормы.

2.2.1. Система коммерческих договоров в мусульманских странах с (квази)западной моделью правовой системы (на примере ОАЭ)

Новый Торговый кодекс ОАЭ 2022 г. (далее – ТК ОАЭ), вступивший в силу 2 января 2023 года, отменил действовавший ранее Торговый кодекс 1993 г.[139] Он содержит в себе обновленное определение коммерческой деятельности и профессионального участника соответствующей деятельности – торговца, или коммерсанта (Книга 1), предусматривает возможность заключения достаточного широкого круга коммерческих договоров (Книга 2), а также закрепляет особенности совершения банковских операций, заключения банковских инвестиционных договоров (Книга 3) и особенности обращения (коммерческих) ценных бумаг (Книга 4).

В целом, ТК ОАЭ носит весьма либеральный характер. Ограничительное влияние шариата на законодательное регулирование коммерческой деятельности сведено авторами ТК ОАЭ к минимуму.

При этом одним из способов достижения подобного эффекта стало признание за коммерческой деятельностью правового статуса «работы». Так, в соответствии с положениями ст. 4 ТК ОАЭ коммерческой деятельностью признается:

- работа, выполняемая коммерсантами в связи с профессиональной коммерческой деятельностью, а также иная работа, выполняемая коммерсантами, которая, по общему правилу, признается связанной с коммерческой деятельностью (субъектный критерий). При этом в соответствии со ст. 9 ТК ОАЭ

[139] Federal Law No. 18/1993 of 7 Sep 1993 «Issuing the Commercial Transactions Law (The UAE Code of commercial practice)» [Электронный ресурс]. URL: https://www.moec.gov.ae/en/federal-law-no-18-of-1993-concerning-the-commercial-transactions-law (дата обращения: 20.04.2024).

установлено, что положения ТК ОАЭ подлежат применению к договорным отношениям и в тех случаях, когда только одна сторона договора осуществляется коммерческую работу (если иное не установлено законом, или не предусмотрено договором);

- спекулятивная работа, выполняемая любым лицом, основной целью которой является извлечение прибыли (целевой, телеологический, критерий);

- работа, прямо признанная законом в качестве коммерческой деятельности (легальный критерий);

- работа, связанная с коммерческим бизнесом или облегчающая его ведение (функциональный критерий)[140].

Что примечательно, в соответствии с положениями ст. 8 ТК ОАЭ устанавливается, что в качестве коммерческой работы не должна квалифицироваться фермерская деятельность, деятельность по продаже фермерской продукции, изготовление (и/или печать) и продажа произведений искусства автором, а также *работа, в рамках которой извлечение прибыли осуществляется исключительно за счет собственных умственных или физических усилий, а не за счет денежного капитала.* При этом в ст. 15 ТК ОАЭ прямо указано, что самозанятые (*self-employed*), не занимающиеся коммерческой деятельностью, не должны квалифицироваться в качестве торговцев (коммерсантов).

Иными словам, ТК ОАЭ прямо проводит разграничение между коммерческой «работой» и индивидуальной «работой», направленной на извлечение прибыли исключительно за счет приложения собственных физических и умственных способностей.

Таким образом, исходя из толкования ст. 8 и ст. 15 ТК ОАЭ, можно выделить еще два альтернативных субстантивных критерия коммерческой деятельности: коммерческая деятельность должна осуществляться либо в

[140] Гутенева А. В. Возможности использования в отечественном правопорядке исламского коммерческого договора мудараба // Хозяйство и право. 2025. № 3(578). С. 87-102.

коллективных формах (структурный, организационно-правовой, критерий), либо на основе использования денежного капитала (ресурсный критерий).

Данный тезис дополнительно подтверждается положениями ст. 11 ТК ОАЭ, в которой коммерсантами признаются: 1) любые лица, на постоянной основе (в качестве рода занятий) занимающиеся коммерческой деятельностью от своего имени и за свой счет; 2) любые компании, которые занимаются коммерческой деятельностью или учреждаются в организационно-правовых формах, предусмотренных Законом о торговых компаниях (даже если деятельность последних по своему характеру не носит торгового/коммерческого характера).

В целом, как можно заметить, придание коммерческой деятельности правового статуса «работы» в ТК ОАЭ представляет собой способ обхода религиозно-правовых запретов и ограничений, сформированных в шариате, за счет гибкого толкования отдельных элементов (правовых категорий), отраженных в их составе.

Так, в частности, как было установлено нами в Главе 1 настоящего исследования, запрет рибы (ставки процента) предполагает недопустимость образования дохода, не зависящего от совершения *реальной деятельности*. Запрещенная риба может состоять либо в получении добавленной стоимости за счет обмена или (пере)продажи одинаковых товаров при условии, что реальная цена товаров не изменилась; либо в предоставлении денежных средств или материальных ценностей в кредит под проценты без связи кредитного договора с реальной (хозяйственной) деятельностью.

Закрепление за коммерческой деятельностью правового статуса «работы» формально-юридически придает ей статус реальной (хозяйственной) деятельности, что позволяет как осуществлять перепродажу товаров с извлечением прибыли (т.к. в данном случае увеличение стоимости товаров обуславливается совершением «работы» коммерсантами), так и устанавливать ставку процента во взаимосвязи с коммерческой «работой»[141].

[141] Гутенева А. В. Возможности использования в отечественном правопорядке исламского коммерческого договора мудараба // Хозяйство и право. 2025. № 3(578). С. 87-102.

Соответствующий подход напрямую подтверждается положениями ст. 5 ТК ОАЭ, закрепляющей перечень видов коммерческих «работ», которые признаются таковыми в силу их природы и содержания. Данная статья к легальной коммерческой «работе» прямо относит приобретение материального или нематериального движимого имущества с целью последующей перепродажи, вне зависимости от того продается ли данное имущество «как есть», после переработки или после производства.

Аналогичным образом и в ст. 6 ТК ОАЭ, закрепляющей перечень видов деятельности, которые признаются коммерческой «работой» при условии, что они осуществляются систематически на постоянной основе («в качестве рода занятий» определенного лица), к допустимым коммерческим договорам отнесена купля-продажа земельных участков и объектов недвижимости с целью получения прибыли от их последующей перепродажи, вне зависимости от продаются ли они в первоначальном состоянии, после преобразования или после разделения.

Что же касается ставки процента, то она прямо разрешена в соответствии со ст. 72 ТК ОАЭ: кредитор имеет право взимать проценты по договору коммерческого займа или по кредитному договору в соответствии со ставкой, согласованной сторонами в договоре. При этом, если процентная ставка не определена в договоре, она рассчитывается в соответствии с процентной ставкой, преобладающей на рынке на момент сделки. Однако, в последнем случае ставка не должна превышать 9% годовых до момента погашения долга. Кроме того, в ст. 84 ТК ОАЭ прямо закрепляется, что в случае просрочки платежа по денежным обязательства должник в качестве компенсации обязан уплатить кредитору проценты за пользование чужими денежными средствами, размер которых определяется в соответствии с положениями ст. 72 и ст. 73 ТК ОАЭ.

Впрочем, в соответствии с положениями 88 ТК ОАЭ установлен безусловный запрет на взыскание сложных процентов (процентов на проценты), а также запрет на взыскание процентов в качестве дополнительной компенсации (в отличие, например, от российского гражданско-правового регулирования, где взыскание сложных процентов при осуществлении сторонами

предпринимательской деятельности допускается в случаях, прямо установленных законом или договором[142]).

При этом получение процентов по договорам займа и кредитным договорам прямо квалифицируется ТК ОАЭ в качестве обусловленного коммерческой «работой». Так, в частности, в соответствии с положениями ст. 410 ТК ОАЭ договор банковского кредита признан коммерческой «работой» вне зависимости от вида деятельности (рода занятий) заемщика или целей кредитования. Необходимость подобного специального указания на деятельность займодавцев и кредиторов как на коммерческую «работу» обусловлена стремлением обойти религиозно-правовой запрет рибы (ставки процента) за счет придания изначально «спекулятивной» деятельности характера «реальной хозяйственной деятельности» (в традиционном понимании шариата).

Впрочем, как следует из системного анализа ТК ОАЭ, взимание процентов по договорам банковского кредита и займа, а также процентов за пользование чужими денежными средствами все же квалифицируется как светский правовой инструмент, не в полной мере соответствующий религиозно-правовым запретам и ограничениям шариата.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 473 ТК ОАЭ устанавливается, что исламские финансовые организации не вправе выдавать займы или брать взаймы под проценты (или под условием получение иной выгоды, не обеспеченной реальной хозяйственной деятельностью). Кроме того, исламские финансовые организации не вправе требовать компенсации в виде процентов (или иной выгоды) за пользование чужими денежными средствами в случаях просрочки платежей. Любые договоры, заключенные исламскими финансовыми организациями, которые нарушают данные требования, являются недействительными.

При этом в ч. 2 ст. 473 ТК ОАЭ дается специальное определение договора кредита, который вправе заключать исламские финансовые организации: под ним понимается договор, в соответствии с которым заемщику в собственность

[142] п. 5 ст. 395 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.

предоставляется определенная денежная сумма или иное заменимое имущество под условие возврата в определенный срок той же денежной суммы или аналогичного имущества. Получение кредитором (или займодавцем) имущественной выгоды или денежных средств, превышающих стоимость изначально переданного заемщику имущества или денежных средств, не допускается в соответствии с прямым указанием закона или в соответствии с правовыми обычаями.

Более того, непосредственно исламским коммерческим договорам прямо посвящена Секция 6 Книги 3 ТК ОАЭ «Коммерческие операции исламских финансовых организаций», что указывает на дробление правового режима коммерческих договоров на два режима: светский (секуляризированный) и исламский (религиозно-правовой).

Светский правовой режим (с возможностью взимания долговой и торговой рибы) в соответствии с ТК ОАЭ распространяется на такие коммерческие договоры, как: коммерческая продажа/поставка (ст.ст. 93-161 ТК ОАЭ); коммерческий залог движимого имущества (ст.ст. 162-175 ТК ОАЭ); договор ответственного хранения (ст.ст. 176-193 ТК ОАЭ); договор агентирования (ст.ст. 195-291 ТК ОАЭ); брокерский договор (ст.ст. 252-269 ТК ОАЭ); а также договоры транспортировки (ст.ст. 270-370 ТК ОАЭ). Также светский правовой режим распространяется на договоры с ценными бумагами (к которым относятся чек, вексель и простой вексель) в соответствии с особенностями, установленными в Книге 4 ТК ОАЭ, и на банковские договоры (включая кредитные договоры), стороной по которым *не* являются исламские финансовые организации[143].

В свою очередь, религиозно-правовой режим эксплицитно (в соответствии с прямым указанием ТК ОАЭ) распространяется на коммерческие договоры, указанные в ст.ст. 475-496 ТК ОАЭ. Стороной таких договоров являются исламские финансовые организации, что служит основанием для их выделения в

[143] Гутенева А. В. Система торговых (коммерческих) договоров в мусульманских странах: основные модели // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 7(131). С. 178-186.

отдельную группу договорных обязательств в рамках торгового законодательства ОАЭ[144].

Под исламскими финансовыми организациями, согласно положениям ст. 468 ТК ОАЭ, понимаются любые организации, устав или учредительный договор которых предусматривает выполнение работ (в т.ч. коммерческой «работы») и осуществление коммерческой деятельности в соответствии с требованиями шариата. Также исламскими финансовыми организациями признаются организации, которые осуществляют определенные виды работ в соответствии с требованиями шариата на основе государственной лицензии[145].

К коммерческой деятельности исламских финансовых организаций подлежат применению не только положения Секция 6 Книги 3 ТК ОАЭ в качестве специальной нормы, но и положения иных разделов ТК ОАЭ в качестве общей нормы, в случае отсутствия специальных «исламских» положений торгового законодательства (ст. 469 ТК ОАЭ). В качестве актов подзаконного регулирования к деятельности исламских финансовых организаций подлежат применению специальные акты Высшего шариатского органа, учрежденного при Центральном банке ОАЭ (ст. 470 ТК ОАЭ), а также регламенты и иные акты операций (ст. 471 ТК ОАЭ).

Таким образом, исламские финансовые организации, признанные таковыми в соответствии с учредительными документами или в силу закона (в случае лицензирования отдельных видов исламской финансовой деятельности), в своей коммерческой деятельности императивно подчинены специальным положениям торгового законодательства (включая подзаконные акты), полностью основанного на религиозно-правовых нормах шариата (включая фикх, который фактически формируется Высшим шариатским органом при ЦБ ОАЭ).

Исламские финансовые организации в своей коммерческой деятельности *обязаны* соблюдать требования шариата. У других профессиональных участников коммерческой деятельности (торговцев) подобной обязанности нет, и они могут

[144] Гутенева А. В. Указ. соч. С. 180.
[145] Там же.

свободно руководствоваться общими секуляризованными положениями торгового законодательства ОАЭ (включая взимание процентов по договорам займа и по кредитным договорам, а также процентов за пользование чужими денежными средствами). Также для иных участников коммерческой деятельности допускается и использование специальных положений торгового законодательства об исламских коммерческих договорах (в рамках реализации принципа свободы договора), однако руководство подобными положениями для них носит характер договорного, а не законодательного регулирования.

Впрочем, важно понимать, что исламские финансовые организации, несмотря на свое подчинение ЦБ ОАЭ и включение в национальную банковскую систему, далеко не всегда аналогичны светским банковским организациям. Ввиду возможности получения коммерческой выгоды от совершения финансовых операций только при условии ведения реальной хозяйственной деятельности, исламские финансовые организации оказываются включены в коммерческую деятельность не только финансово, но и деятельно. Наряду с другими участниками торговой деятельности они выступают в качестве сторон договоров купли-продажи, мены, поставки, дистрибьюции и иных коммерческих договоров.

О подобном характере расширенного участия в коммерческой деятельности свидетельствует и закрепленная в ст.ст. 475-496 ТК ОАЭ система специальных коммерческих договоров, стороной которых являются исламские финансовые организации.

Так, в соответствии со ст.ст. 476-480 ТК ОАЭ к коммерческим договорам, стороной которых является исламская финансовая организация, отнесен договор продажи определенного имущества в рассрочку. При этом, как установлено в ст. 476 ТК ОАЭ, продажей в рассрочку признается продажа, заключенная с целью финансирования или являющаяся частью финансовой сделки, посредством которой неденежное имущество обменивается на отсроченное денежное имущество, выплачиваемое в рассрочку. В рамках такой продажи не допускается увеличение цены проданного имущества в случае просрочки со стороны покупателя (ст. 478 ТК ОАЭ), а также не допускается определение цены

продаваемого имущества в будущем и определение цены на основании неизвестных на момент заключения договора показателей (ст. 479 ТК ОАЭ).

В рамках данного договора исламская банковская организация формально-юридически выступает в качестве продавца (или, что также допускается в соответствии со ст. 477 ТК ОАЭ, лизингодателя) определенного имущества. При этом непосредственно в рамках договорных отношений с покупателем банковская организация не получает процентов за пользование денежными средствами или иной дополнительной имущественной выгоды, что обеспечивает соответствие ее деятельности требованиям шариата.

На практике продажа в рассрочку используется в рамках уложенных халяльных аналогов кредитных договоров и договоров лизинга (на что прямо указывает цель договора продажи в рассрочку в виде финансирования или обеспечения сложносоставной финансовой сделки). В подобном контексте договорная конструкция продажи в рассрочку представляет собой расчетное обязательство, которое может быть дополнительно включено в другие договорные конструкции.

В качестве подобной сложносоставной финансовой сделки выступает, в частности, *мурабаха*, правовая конструкция которой отражена в ст. 481 ТК ОАЭ. В соответствии с данной статьей устанавливается, что мурабаха – это коммерческий договор, в рамках которого продавец на основе запроса о финансировании со стороны покупателя продает ему определенный актив, находящийся в собственности у продавца (фактически или «конструктивно» – в виде обязательства по договору о производстве). При этом в стоимость продаваемого актива в рамках договора мурабаха складывается из двух составляющих: 1) себестоимости, по которой был приобретен актив продавцом, и 2) фиксированной суммы прибыли, которая полагается продавцу за выполнение запроса о финансировании со стороны покупателя. Именно подобная фиксированная сумма прибыли является халяльным аналогом ставки процента, однако в отличие от ставки процента она не может быть изменена, а ее размер не

может быть привязан к переменным индикаторам (как, например, ставка рефинансирования).

Таким образом, коммерческая выгода исламской финансовой организации в рамках усложненных халяльных аналогов кредитных договоров обеспечивается не за счет взимания процентов как в светских кредитных договорах, а ранее – на этапе приобретения требуемого имущества у третьего лица и определения его стоимости при продаже «заемщику».

В наиболее общем виде, схема кредитования в данном случае выглядит следующим образом:

- заемщик обращается в исламскую финансовую организацию с просьбой профинансировать приобретение определенного имущества, предоставляет такой организации всю необходимую информацию о данном имуществе,

- исламская финансовая организация приобретает данное имущество у третьего лица и перепродает его заемщику при этом увеличивая стоимость приобретенного имущества на фиксированную сумму, включая в нее затраты, понесенные самой организацией на поиск контрагента, заключение договора, доставку имущества, а также на совершение иных сопутствующих операций (к которым может быть отнесена и коммерческая «работа»).

При этом соответствующая схема может быть еще больше упрощена за счет предоставления заемщику права представлять банк при приобретении интересующего его имущества. В подобном случае схема образования прибыли у исламского банка будет также обеспечиваться системой из двух договоров купли-продажи: 1) договора купли-продажи, заключенного заемщиком от имени банка с третьим лицом, и 2) договора мурабаха, заключенного между исламским банком и заемщиком.

Схожая схема коммерческих договорных отношений свойственна для договора *истисна* – договор поставки товара, находящегося в производстве в соответствии с указаниями покупателя.

Так, в соответствии со ст. 483 ТК ОАЭ установлено, что по данному договору продавец продает покупателю описанный им товар, который еще не

произведен, по фиксированной общей цене с указанием срока производства и поставки данного товара. Помимо срока в договоре истисна существенными условиями выступают класс, тип и количество товара, который должен быть произведен и поставлен покупателю. При этом, как указано в ст. 484 ТК ОАЭ, продавец по договору истисна обязан предоставить материалы для производства товара, а также обеспечить выполнение работ по его производству. Выполнение работ может осуществляться как самим продавцом, так и третьим лицом, не являющимся стороной договора истисна. Цена договора фиксированная (ст. 489 ТК ОАЭ).

На практике договор истисна используется в качестве халяльного аналога кредитования на поставку товара. При этом, как и в случае с мурабахой, система договорных отношений в данном случае включает в себя несколько договоров: 1) договор выполнения работ по производству товара и 1.1) договор поставки произведенного товара покупателю, заключенные с третьим лицом/третьими лицами исламской финансовой организацией за свой счет; 2) договор истисна между исламской финансовой организацией и покупателем о поставке еще не произведенного товара по фиксированной цене. Как и в рамках мурабахи в фиксированную общую цену поставки товара покупателю включаются не только расходы на производство и поставку товара (на заключение соответствующих договоров с третьими лицами), но и фиксированная сумма прибыли исламской финансовой организации.

Именно наличие подобной фиксированной суммы прибыли, на которую увеличивается стоимость производства и поставки товара для покупателя, обусловило обозначение истисны как договора «платного производства» (*англ. Toll Manufacturing*). Платность производства в данном случае указывает на увеличение цены договора в дополнение к обычной стоимости производства и поставки товара (или, если проводить аналогию со светским банкингом – на коммерческий интерес банка в заключении договора истисна).

Впрочем, стоит отметить, что применение договора истисна весьма распространено в рамках исламской коммерческой деятельности. Он

используется не только в рамках банковского кредитования, но и в рамках поставки товаров в целом. Соответствующая возможность прямо предусмотрена ст. 484 ТК ОАЭ, в соответствии с которой продавец в рамках договора истисна может самостоятельно произвести и поставить необходимый товар. Подобное единство правовых конструкций банковских и общих коммерческих договоров еще раз подчеркивает особый правовой статус исламских финансовых организаций как непосредственных участников торговой деятельности.

Еще одним коммерческим договором, поименованным в Секции 6 Книги 3 ТК ОАЭ, является *салям*. В соответствии со ст. 488 ТК ОАЭ устанавливается, что по данному договору осуществляется продажа товаров с отложенной поставкой, а производство соответствующих товаров в ускоренном темпе не осуществляется. Салям представляет собой исламский аналог форвардной продажи.

Что примечательно, форвардная продажа, широко известная светской коммерческой практике в качестве производного финансового инструмента, весьма органично встраивается в систему исламских коммерческих договоров. По условиям данного договора предполагается фиксация цены приобретаемого товара на момент заключения сделки. Продавец обязуется поставить, а покупатель принять и оплатить соответствующий товар в будущем. При этом цена заключенного договора не зависит от изменения рыночных цен на поставляемый товар, а также от иных переменных, что исключает риски неопределенности (гарара).

ТК ОАЭ предусматривает лишь два основных ограничения форвардной продажи: 1) срок поставки товара не должен откладываться более чем на три года с момента заключения договора; 2) размер долговых обязательств не может квалифицироваться как цена договора (ст. 489 ТК ОАЭ). Последнее ограничивает использование саляма в качестве инструмента хэджирования ценовых рисков за счет фиксации цены реализации кредитных продуктов (процентов) вне зависимости от их стоимости (процентов по ним) в будущем, что, в целом, обусловлено общим запретом ставки процента (рибы).

Наконец, последним коммерческим договором, поименованным в Секции 6 Книги 3 ТК ОАЭ, выступает *иджара* – исламский аналог договора лизинга. В соответствии со ст. 491 ТК ОАЭ под иджарой (лизингом) понимается договор, по которому лизингодатель сдает в аренду определенное имущество, принадлежащее ему на праве собственности или на праве аренды, получая за это определенную плату. В последнем случае речь будет идти о сублизинге (или о субаренде).

При этом стороны могут прийти к соглашению о выкупе арендованного имущества арендатором по истечении срока аренды (выкупной лизинг). Однако, в силу прямого указания ст. 493 ТК ОАЭ условие о переходе права собственности на арендованное имущество не подлежит включению в договор иджара. Переход права собственности осуществляется на основании отдельного договора. На этапе заключения и исполнения соответствующего договора арендодатель может лишь дать обещание заключить договор, опосредующий переход права собственности, в будущем.

К подобному обещанию будут применяться положения ст. 475 ТК ОАЭ, в соответствии с которой устанавливается, что обещание заключить торговый (договор) представляет собой обязательство любой из сторон. Впрочем, данное обещание является обязательным только для должника по будущему договору. В случае нарушения обязательств заключить договор в будущем кредитору выплачивается компенсация в размере прямого реального ущерба.

Что примечательно, арендная плата может устанавливаться как в виде фиксированной суммы, так и в виде изменяемой суммы. Порядок уплаты арендной платы определяется в соответствии с договором и может предполагать как единовременную, так и периодическую выплату в течение определенного срока. При этом в соответствии со ст. 494 ТК ОАЭ устанавливается, что фиксированный размер арендной платы должен устанавливаться только за первый срок аренды, а арендная плата в рамках последующих периодов может изменяться в зависимости от определенных показателей или критериев, на которые стороны договора не могут повлиять.

Иными словами, иджара в соответствии со ст. 494 ТК ОАЭ допускает наличие неопределенности (гарара), что потенциально может быть квалифицировано как противоречие религиозно-правовым требованиям шариата. Как следствие, в целях придания подобной неопределенности тонкого характера (*Гарар-е-Калил*) в ст. 494 ТК ОАЭ прямо указано на необходимость определения в договоре иджара минимальных и максимальных значений показателей или критериев, в зависимость от которых ставится размер арендной платы.

В остальном общая конструкция договор лизинга в торговом праве ОАЭ мало чем отличается от аналогичных светских договоров. Однако, стоит отметить, что правовое регулирование договора финансового лизинга находит свою дополнительную конкретизацию в рамках специального Федерального закона «О финансовой аренде» 2023 г.[146], который был принят вместо одноименного закона 2018 г. и вступил в силу 29 марта 2024 г.

Ключевым субстантивным критерием для обособления договора финансовой аренды от общей правовой конструкции иджары, отраженной в ст.ст. 491-495 ТК ОАЭ, стало включение в него возможности сразу же предусмотреть условия о переходе права собственности (о выкупе) предмета лизинга лизингополучателем по истечении срока договора (данный критерий является традиционным для правопорядка ОАЭ и выделялся еще в Федеральном законе «О финансовой аренде» 2018 г.).

В то же время, в отличие от предшествующего специального регулирования новый Федеральный закон «О финансовой аренде» предусматривает существование двух типов данного договора: 1) двухсторонняя финансовая аренда, сторонами которого являются лизингодатель и лизингополучатель; и 2) трехсторонняя финансовая аренда между лизингодателем, лизингополучателем и поставщиком – лицом, у которого лизингодатель приобретает актив, предназначенные для передачи в лизинг.

[146] Federal Decree-Law № 32 of 25 September 2023 on Finance Lease (the New Finance Lease Law) [Электронный ресурс]. URL: https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/2147/download (дата обращения: 21.04.2024).

При этом именно трехсторонний финансовый лизинг наиболее близок к светским правовым конструкциям договора финансовой аренды (лизинга). Так, в частности, соответствующая договорная конструкция предусмотрена ст. 665 ГК РФ, согласно которой по договору финансовой аренды (лизинга) арендодатель обязуется приобрести в собственность указанное арендатором имущество у определенного им продавца и предоставить арендатору это имущество за плату во временное владение и пользование. При этом договором финансовой аренды может быть предусмотрен переход права собственности на предмет лизинга к лизингополучателю по истечении срока данного договора или на иных условиях (ст. 19 Федерального закона «О финансовой аренде (лизинге)»[147]).

Во многом именно трехсторонняя финансовая аренда по своей договорной конструкции близка к рассмотренным выше договорам мурабаха и истисна. В рамках трехстороннего лизинга лизингодатель фактически выполняет роль кредитора (или инвестора), который за свой счет приобретает актив и передает его в лизинг лизингополучателю в обмен на получение периодических платежей (аналогичным образом осуществляется приобретение и передача товара по запросу о финансировании от покупателя в рамках договора мурабаха; а также производство и поставка товара в рамках договора истисна).

Однако, при определении правовой конструкции иджары (как разновидности хяляльного лизинга) ТК ОАЭ не предусматривает аналогичной трехсторонней конструкции, как и не предполагает возможности включения в договор иджары условия о переходе права собственности (о выкупе) предмета лизинга. Юридические факты приобретения предмета будущего лизинга лизингодателем у третьего лица (у поставщика – в рамках конструкции трехстороннего лизинга), а также продажи предмета лизинга лизингополучателю намерено выведены ТК ОАЭ из договорной конструкции иджары. В подобном контексте договор лизинга, указанный в ТК ОАЭ, приобретает форму договора простой (а не финансовой) аренды.

---

[147] Федеральный закон от 29.10.1998 N 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» // Собрание законодательства РФ, 02.11.1998, N 44, ст. 5394.

Подобный подход ТК ОАЭ напрямую обусловлен необходимостью соблюдения религиозно-правовых ограничений шариата. Дело в том, что в случае включения в правовую конструкцию договора иджары условия о выкупе предмета лизинга по истечении срока договора или на иных условиях, соответствующие договорные отношения приобретут характер перепродажи товара: лизингодатель приобретает определенный товар у поставщика, после чего передает данный товар лизингополучателю с условием о переходе права собственности на предмет лизинга по истечении срока договора лизинга и после выплаты всех арендных платежей.

В то же время, извлечение прибыли от перепродажи товаров в соответствии с халяльной правовой конструкцией договора мурабаха возможно лишь в виде фиксированной суммы прибыли, заранее однозначно определенной в договоре. Получение дополнительной имущественной выгоды (как в виде процентов, так и в ином виде), поставленной под переменные условия, договором мурабаха не допускаются как противоречащие шариату. А именно такие переменные условия и дополнительная имущественная выгода предусматриваются правовой конструкцией договора иджара в соответствии с ТК ОАЭ.

Более того, в ст. 477 ТК ОАЭ прямо закреплено, что в качестве договоров мурабаха (в качестве продажи в рассрочку) должны квалифицироваться любые договорные отношения, в рамках которых предусматривается переход бремени случайного уничтожения или повреждения имущества после передачи имущества, даже «если продажа именуется сторонами договора как аренда». Как следствие, включение в договор иджара условий о выкупе предмета лизинга в силу прямого указания ТК ОАЭ влечет за собой его квалификацию как договора мурабаха.

Соответственно, для обеспечения полного соответствия требованиям шариата правовая конструкция финансовой аренды (лизинга) должна включать в себя три последовательных договора:

1) договор купли-продажи или договор поставки, на основании которых исламская финансовая организация по запросу о финансировании со стороны

лизингополучателя приобретает право собственности на предмет будущего лизинга;

2) договор иджара, по которому приобретенный лизингодателем предмет лизинга передается в аренду лизингополучателю на определенный срок с условием о выплате определенных арендных платежей (в т.ч. поставленных в зависимость от переменных показателей и индикаторов);

3) договор купли-продажи или иной договор, оформляющий переход права собственности на предмет лизинга к лизингополучателю (заключение данного договора обеспечивается положениями ст. 475 ТК ОАЭ, квалифицирующей обещание заключить торговый договор в будущем как обязательство должника, за неисполнение которого с него могут быть взысканы прямые реальные убытки, понесенные другой стороной).

Только в рамках подобной сложносоставной договорной конструкции договор финансовой аренды доступен для исламских финансовых организаций. Для остальных же участников коммерческой деятельности (а также для светских кредитных и финансовых организаций) заключение договора лизинг доступно в виде единого трехстороннего договора финансовой аренды в соответствии с положениями Федерального закона ОАЭ «О финансовой аренде» 2023 г.

Таким образом, ТК ОАЭ в качестве специальных исламских коммерческих договоров выделяет четыре основных договорных конструкции:

1) мурабаха – купля-продажа по запросу о финансировании со стороны покупателя с фиксированной надбавкой за услуги продавца по покупке товара по запросу покупателя и его передаче покупателю, а также за связанные с этой деятельностью риски и сопутствующую коммерческую «работу»;

2) истисна – поставка по запросу о финансировании со стороны покупателя, в рамках которой поставщик обязуется предоставить материалы и самостоятельно или с привлечением третьих лиц обеспечить выполнение работ по производству товара с его последующей поставкой покупателю по фиксированной цене, включающей помимо стоимости материалов и выполнения работ также надбавку за предоставление финансирования и выполнение коммерческой «работы»;

3) салям (*Бей-Салям*) – форвардная продажа определенного товара по цене, зафиксированной на момент заключения договора, с отложенной не более чем на три года поставкой товара покупателю;

4) иджара – основной элемент сложного договорного состава финансовой аренды – договор аренды, в соответствии с которым предмет лизинга, приобретенный лизингодателем на основании отдельного договора с третьим лицом (поставщиком), передается в аренду лизингополучателю на определенный срок с условием о выплате определенных арендных платежей (в т.ч. поставленных в зависимость от переменных показателей и индикаторов).

Расчетные обязательства по исламским (торговым) коммерческим договорам оформляются либо на основании специальных условий, установленных положениями об отдельных видах договоров, либо на основании правовой конструкции продажи в рассрочку.

Однако, помимо проанализированных коммерческих договоров (прямо поименованных в ТК ОАЭ в качестве исламских) при анализе системы соответствующих договоров в правопорядке ОАЭ также стоит обратить внимание и на отдельные положения Гражданского кодекса ОАЭ 1985 г.[148] (далее – ГК ОАЭ), которым регулируются такие традиционные для муамалата организационные коммерческие договоры как мушарака и мудараба.

Примечательно, что в соответствии со ст. 9 ГК ОАЭ прямо установлено, что незнание шариата не является основанием для освобождения от гражданско-правовой ответственности. В отличие от ТК ОАЭ, где соблюдение шариата признано обязательным только для исламских финансовых организаций, ГК ОАЭ сразу же указывает на необходимость соблюдения шариата в качестве основного принципа гражданского законодательства. Как следствие, ГК ОАЭ не предполагает взимания процентов в случае просрочки исполнения по денежным обязательствам (взыскания в таком случае подлежит только ущерб, который

[148] Federal Law No. 5 issued on 15/12/1985 (as amended on 27/09/2020) «On the Civil Transactions Law of the United Arab Emirates State» [Электронный ресурс]. URL: https://elaws.moj.gov.ae/UAE-MOJ_LC-En/00_CIVIL%20TRANSACTIONS%20AND%20PROCEDURES/UAE-LC-En_1985-12-15_00005_Kait.html (дата обращения: 22.04.2024).

может быть определен сторонами в договоре или судом – ст.ст. 386-390 ГК ОАЭ). Не допускается и установление дополнительной имущественной выгоды (в т.ч. процентов), причитающейся займодавцу по договору займа (ст. 714 ГК ОАЭ). Также в соответствии со ст. 38 ГК ОАЭ установлено, что любые условные (не определенные точно) характеристики, указанные в договоре, признаются ничтожными (несуществующими). Иными словами, полностью запрещена толстая неопределенность (*Гарар-е-Касир*).

Непосредственно коммерческой деятельности касаются положения Главы 3 ГК ОАЭ «Партнерство». Именно в данной главе находят свое закрепление традиционные для шариата договоры совместного участия в коммерческой деятельности мушарака и мудараба (хотя соответствующие наименования договоров напрямую в ГК ОАЭ не закрепляются).

Мушарака представляет собой разновидность договора о совместной деятельности (договора простого товарищества), в соответствии с которым два или более лица обязуются выполнить определенную работу и гарантируют ее выполнение третьим лицам в обмен на определенное вознаграждение. Соответствующий тип партнерства в ГК ОАЭ именуется как деловое партнерство, или бизнес-партнерство (ст. 683 ГК ОАЭ).

В рамках данного договора каждый из партнеров принимает на себя обязательство выполнить определенную работу (долю от общей работы, гарантированной третьему лицу) и получить за выполнение данной работы причитающийся ему гонорар (ст. 684 ГК ОАЭ). В то же время, как установлено в ст. 685 ГК ОАЭ, партнеры не обязаны выполнять работу лично и могут как передать ее исполнение другому партнеру, так и поручить ее выполнение третьему лицу. Кроме того, допускается участие в партнерстве («работа») в форме предоставления помещения для осуществления деятельности, материалов и технических средств («машин» и «инструментов») для выполнения обязательства перед третьим лицом (ст. 689 ГК ОАЭ).

Прибыль распределяется в соответствии с условиями, предусмотренными договором. При этом допускается распределение прибыли непропорционально

доле выполненной работы. Кроме того, устанавливается, что каждый из партнеров вправе претендовать на получение предусмотренной договором доли в прибыли даже в тех случаях, когда им по уважительной причине не была исполнена своя доля в работе (ст. 686 ГК ОАЭ). Ответственность партнеров носит солидарный характер (ст. 687 ГК ОАЭ).

Таким образом, мушарака представляет собой стандартный договор совместного участия в коммерческой деятельности, посредством которого обеспечивается распределение личного вклада и прибыли между двумя или более лицами в рамках совершения отдельных коммерческих операций. Соответствующий личный вклад на практике может состоять не только в предоставлении помещений, материалов, оборудования и непосредственного выполнения работ, но и в коммерческой «работе», под которой понимается деятельность по управлению совместными инвестициями. Однако, принципиально важно, чтобы каждый из партнеров вносил свой вклад не только в виде капитала (финансовых средств), но и в форме «работы».

Возможность участия одного из партнеров исключительно в форме предоставления капитала допускается уже в рамках договора *мудараба*, который в рамках ГК ОАЭ обозначен как договор спекулятивного партнерства (договор по продвижению/приращению капитала). По данному договору одна сторона (*рабб-аль-маль*) обязуется предоставить капитал, а другая сторона (*мудариб*) – собственные усилия и коммерческую «работу», направленные на получение прибыли из предоставленного капитала. Полученная прибыль распределяется между сторонами в соответствии с согласованными в договоре условиями. При этом, по общему правилу, мудариб должен осуществлять «управление» капиталом лично (передача капитала для «спекуляций» третьему лицу допускается только с согласия рабб-аль-маля)[149].

Мудараба широко используется как халяльный аналог договоров банковского депозита, когда партнером-инвестором выступает клиент банка,

[149] Гутенева А. В. Возможности использования в отечественном правопорядке исламского коммерческого договора мудараба // Хозяйство и право. 2025. № 3(578). С. 87-102.

получающий долю в прибыли от коммерческой «работы» банка, и как халяльный аналог кредитного договора, по которому инвестором выступает уже банк, приобретающий право на долю в прибыли, полученной заемщиком от осуществления коммерческой деятельности. В последнем случае также может предусматриваться договорная конструкция с постепенным выкупом заемщиком доли банка в спекулятивном партнерстве. В целом, договор мудараба является одним из основных инструментов исламских финансовых организаций в ОАЭ.

В то же время, договор мудараба может оформлять любые инвестиционные договоры в рамках коммерческой деятельности таким образом, чтобы они соответствовали требованиям шариата, но, в то же время, позволяли извлекать прибыль от использования капитала. Также договор мудараба используется как аналог договора доверительного управления, или траста (о роли мудариба как доверительного управляющего прямого говорится в ст. 695 ГК ОАЭ)[150].

Впрочем, важно отметить, что ст. 694 ГК ОАЭ установлен запрет на включение в договор мудараба условия о возврате «инвестированного» капитала. Капитал в договоре мудараба не может быть напрямую обозначен как ссуда или депозит. Кроме того, ст. 696 ГК ОАЭ предусматривается запрет на включение в договор мудараба гарантий, защищающих инвестора от потери инвестированного капитала при отсутствии небрежности со стороны мудариба. Рабб-аль-маль (владелец капитала) несет убытки единолично и условия договора, предусматривающие иное, являются недействительными (ст. 704 ГК ОАЭ)[151].

Соответствующие ограничения, на первый взгляд, весьма серьезно ограничивают сферу применения договора мудараба в коммерческой деятельности. Однако, на практике приведенные выше ограничения во многом нивелируются действием иных положений.

Так, несмотря на законодательный запрет включения в договор мудараба условий о возврате «инвестированного» капитала, данный договор, как правило, носит срочный характер. В соответствии с ч. 3 ст. 705 ГК ОАЭ установлено, что

---

[150] Там же. С. 91.
[151] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 91.

истечение срока договора мудараба является основанием для его прекращения. При этом прекращение договора влечет за собой возврат вложенного капитала его первоначальному владельцу (иное неизбежно влекло бы за собой нарушение принципа религиозно-правовой справедливости, предоставляя мударибу дополнительную имущественную выгоды, не зависящую от его реальной деятельности)[152]. Мудариб вправе претендовать лишь на долю в прибыли, которую он извлекает от использования капитала рабб-аль-маля.

Также владелец капитала (как и мудариб) вправе досрочно расторгнуть договор мудараба (ч. 1 ст. 705 ГК ОАЭ). Последствия досрочного расторжения договора указаны в ст. 706 ГК ОАЭ и состоят в возложении на сторону, досрочно расторгшую договор, обязанности компенсировать другой стороне причиненный ей таким расторжением ущерб. При этом в рамках договора мудараба таким ущербом для мудариба будут вложенные им силы (совершенная им коммерческая «работа»). Однако, если действия мудариба не приносили прибыли от использования капитала, то и ущерба у него, как правило, не возникает.

Кроме того, возврат основной суммы вложенного капитала в рамках договорных отношений мудараба может оформляться заключением дополнительного соглашения или отдельного самостоятельного договора о поэтапном выкупе мударибом доли рабб-аль-маля. В данном случае достижение коммерческих целей будет осуществляться за счет усложненной договорной конструкции (как и в случаях с мушаракой, истисной и иджарой)[153].

Что же касается возложения рисков возникновения убытков исключительно на владельца капитала (рабб-аль-маля) и законодательного запрета на включение в договор условий об ответственности мудариба за потерю капитала при отсутствии вины, то данные ограничения корректируются за счет заключения договоров мудараба с определенными ограничивающими условиями (по времени,

[152] Гутенева А. В. Возможности использования в отечественном правопорядке исламского коммерческого договора мудараба // Хозяйство и право. 2025. № 3(578). С. 87-102.
[153] Гутенева А. В. Возможности использования в отечественном правопорядке исламского коммерческого договора мудараба // Хозяйство и право. 2025. № 3(578). С. 87-102.

месту, виду торговой деятельности и др.). Соответствующая возможность прямо предусмотрена ст. 697 ГК ОАЭ[154].

Договором мудараба могут быть предусмотрены детальные условия осуществления коммерческой деятельности мудариба, гарантирующие имущественные интересы рабб-аль-маля. При этом, нарушение таких ограничивающих условий мударибом влечет за собой возложение понесенных убытков на мудариба, а также распределение прибыли специальным образом в соответствии с договорными условиями (ст. 699 ГК ОАЭ). Здесь мы опять же можем наблюдать усложнение договорных условий в целях обеспечения коммерческих интересов владельца капитала (что на практике встречается достаточно часто, так как владелец капитала, как правило, является сильной стороной в договоре)[155].

Таким образом, завершая анализ правового регулирования коммерческих договоров в правопорядке ОАЭ, можно сформулировать следующие основные выводы:

Единой концепции коммерческих договоров в правопорядке ОАЭ не существует. Для ОАЭ свойственно дробление правового режима коммерческих договоров на два режима: светский (секуляризированный) и исламский (религиозно-правовой)[156].

Светский правовой режим (с возможностью взимания долговой и торговой рибы) в соответствии с ТК ОАЭ распространяется на такие коммерческие договоры, как: коммерческая продажа/поставка; коммерческий залог движимого имущества; договор ответственного хранения; договор агентирования; брокерский договор; а также договоры транспортировки. Светский правовой режим распространяется на договоры с ценными бумагами (к которым отнесены чек, вексель и простой вексель) и на банковские договоры (включая кредитные

[154] Там же. С. 92.
[155] Там же.
[156] Гутенева А. В. Система торговых (коммерческих) договоров в мусульманских странах: основные модели // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 7(131). С. 178-186.

договоры), стороной по которым *не* являются исламские финансовые организации[157].

Светский правовой режим коммерческих договоров выступает в качестве самостоятельного режима по отношению к общегражданскому регулированию. Он распространяется только на коммерческую деятельность, которая должна соответствовать любому из следующих альтернативных критериев: субъектный критерий, легальный критерий, функциональный критерий. В качестве дополнительных критериев для разграничения коммерческой и общегражданской деятельности также выступают структурный (организационно-правовой) критерий и ресурсный критерий.

Исламский религиозно-правовой режим распространяется на специальные исламские коммерческие договоры, к которым относятся: мурабаха (купля-продажа по запросу о финансировании); истисна (поставка по запросу о финансировании); салям (форвардная продажа); иджара (часть договорной конструкции финансовой аренды); продажа в рассрочку (как основное расчетное обязательство); а также мушарака (деловое партнерство) и мудараба (спекулятивное партнерство)[158].

Исламский религиозно-правовой режим осуществления коммерческой деятельности в правопорядке ОАЭ является обязательным только для исламских финансовых организаций. Под исламскими финансовыми организациями, согласно положениям ст. 468 ТК ОАЭ, понимаются любые организации, устав или учредительный договор которых предусматривает выполнение работ (в т.ч. коммерческой «работы») и осуществление коммерческой деятельности в соответствии с требованиями шариата. Также исламскими финансовыми организациями признаются организации, которые осуществляют определенные виды работ в соответствии с требованиями шариата на основе государственной лицензии[159].

---

[157] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 180.
[158] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 181.
[159] Там же.

Иные участники коммерческой деятельности, соответствующей критериям, установленным в ТК ОАЭ, не обязаны использовать исламский религиозно-правовой режим, однако могут им руководствоваться и в рамках реализации принципа свободы договора заключать соответствующие договоры, а также включать в договоры условия о применении такого режима к их отношениям[160].

2.2.2. Система коммерческих договоров в мусульманских странах с фундаменталистской моделью правовой системы (на примере Саудовской Аравии)

Что касается Саудовской Аравии, то проект Закона о коммерческих сделках[161] (далее также – ТК СА), в настоящее время еще не прошел законодательные процедуры и не был принят королевским указом, в связи с чем к коммерческим договорам подлежат применению общие положения Закона о гражданских сделках[162], который был принят 19 июня 2023 г. и вступил в силу в декабре 2023 г. Впрочем, стоит отметить, что после принятия Закона о коммерческих сделках именно он станет специальным законом, устанавливающим особенности совершения соответствующих сделок, а Закон о гражданских сделках к коммерческим операциям будет применяться лишь в части, не урегулированной специальным торговым законодательством.

Соответственно, прежде всего, представляется оправданным обратиться к анализу проекта Закона о коммерческих сделках (а не действующих положений Закона о гражданских сделках, которые, как показал анализ опыта ОАЭ, могут устанавливать принципиально иной правовой режим совершения торговых операций). Именно в проекте ТК СА находит свое закрепление актуальная концепций коммерческих договоров в правопорядке Саудовской Аравии. Впрочем, необходимо учитывать, что текст проекта ТК СА еще не является его

---

[160] Там же.

[161] The commercial transactions draft law (مشروع نظام المعاملات التجارية) (in Arabic). [Электронный ресурс]. URL: https://istitlaa.ncc.gov.sa/ar/Trade/mci/CTL/Pages/default.aspx (дата обращения: 02.05.2024) (доступ сайту из России ограничен, доступ через VPN).

[162] Royal Decree No. M/191 of 18/6/2023 «Civil Transactions Law». [Электронный ресурс]. URL: https://laws.moj.gov.sa/legislation/x5mmyRvSC8dun5XxLYxEeQ== (дата обращения: 02.05.2024).

окончательной редакцией, в связи с чем отдельные аспекты правового регулирования коммерческих договоров могут измениться после завершения законодательных процедур.

Сфера действия ТК СА распространяется на всех коммерсантов в рамках осуществляемой ими на профессиональной основе коммерческой деятельности, а также на все коммерческие компании (ст. 1 проекта ТК СА). Положения специального торгового законодательства СА распространяются также на договоры, в рамках которых только одна сторона является коммерсантом и преследует коммерческие цели в рамках соответствующих договоров (ст. 4 проекта ТК СА). В данном контексте подход проекта ТК СА аналогичен подходу ТК ОАЭ.

Однако, в отличие от ТК ОАЭ, в соответствии со ст. 8 проекта ТК СА, в качестве коммерческой может квалифицироваться также и некоммерческая деятельность, которая осуществляется коммерсантом в связи с его коммерческой деятельностью. Более того, даже в случаях наличия «явных доказательств» совершения коммерсантом некоммерческих сделок, они все равно будут рассматриваться как коммерческие (ст. 40 проекта ТК СА).

Как и в ОАЭ, в ст. 4 проекта ТК СА коммерческая деятельность квалифицируется как коммерческая работа (что позволяет более гибко подходить к соблюдению религиозно-правовых требований шариата). Однако, при определении сущности и содержания коммерческой работы ТК СА не предусматривает выделения универсальных критериев, а ограничивается закреплением перечней видов деятельности, которые признаются коммерческой работой всегда (ст. 5 ТК СА) или только в случаях ее профессионального выполнения (ст. 6 ТК СА).

Так, согласно ст. 5 ТК СА установлено, что коммерческой работой (даже если она не осуществляется не профессиональной систематической основе) всегда будут признаваться: 1) перепродажа и покупка для сдачи в аренду (иджара) движимого имущества; 2) сделки с биржевыми ценными бумагами (за исключением случаев приобретения и продажи акций физическими лицами – ст. 9

проекта ТК СА); 3) банковская деятельность; 4) посреднические торговые договоры (агентский договор, договор поручения, а также дистрибьюторский договор, который также напрямую отнесен к посредническим торговым договорам); 5) морские и воздушные перевозки, а также любая связанная с ним коммерческая деятельность (включая куплю-продажу судов, аренду, фрахт, ремонт, техническое обслуживание); 6) погрузочно-разгрузочные работы, навигационное обслуживание, а также любые иные выполняемые за вознаграждение работы на железных и автомобильных дорогах, в аэропортах; 7) услуги торговых (коммерческих) складов, почтовые услуги; 8) информационно-коммуникационные услуги, а также печать, радио- и телевещание, основной целью которых является извлечение прибыли; 9) услуги отелей, ресторанов, развлекательных и игровых заведений; 10) работы энергетического сектора, а также работы по добыче полезных ископаемых (включая нефть и газ).

В свою очередь, в соответствии с положениями ст. 6 проекта ТК СА коммерческими работами признаются осуществляемые профессионально (на системной основе с целью извлечения прибыли): 1) перепродажа и сдача в аренду недвижимого имущества; 2) сдача в аренду движимого имущества (без его предварительного приобретения специально для сдачи в аренду); 3) работы на рынке капитала, инвестиционная деятельность (работа); 4) промышленные работы; 5) поставка; 6) автомобильные перевозки; 7) строительный подряд; 8) туристические услуги; 9) экспортно-импортная деятельность; 10) маркетинговые услуги; 11) управление недвижимостью; 12) обслуживание движимого и недвижимого имущества; 13) программирование и работы с технологиями искусственного интеллекта; 14) предоставление услуг офисов.

Соответствующие перечни видов коммерческой деятельности присутствуют и в ТК ОАЭ, однако там они выступают в качестве дополняющих (конкретизирующих) норм.

При этом в ст. 7 проекта ТК СА закреплено, что в качестве коммерческой может быть квалифицирована и любая другая деятельность (работа), которая идентична или аналогична по своему характеру и назначению видам деятельности

(работ), указанным в ст. 5 и ст. 6 проекта ТК СА при условии, что она осуществляется на профессиональной (систематической) основе и направлена на извлечение прибыли.

Соответственно, правопорядок СА все содержит в себе указание на универсальные признаки коммерческой деятельности, однако система соответствующих признаков носит дополнительный, а не субстантивный характер. Первостепенное значение в проекте ТК СА отдается все же конкретным перечням видов коммерческой деятельности. Кроме того, в ст. 5 проекта ТК СА указаны виды деятельности (работы), которые всегда квалифицируются в качестве коммерческих вне зависимости от их выполнения на профессиональной основе. При этом цель в виде извлечения прибыли в отдельных видах деятельности (работы), указанных в ст. 5 проекта ТК СА, прямо указывается в тексте закона, а в других – только подразумевается или не рассматривается в качестве субстантивной.

В целом, проект ТК СА идет по пути более строгого ограничения видов деятельности, которые могут квалифицироваться в качестве коммерческой работы и, следовательно, выступать в качестве предмета регулирования специального торгового законодательства. Иными словами, сфера действия ТК СА несколько сужена по сравнению со сферой действия ТК ОАЭ, что во многом предопределяется разницей в конституционно-правовом статусе шариата в данных двух странах: сужение сферы действия секуляризированного специального торгового законодательства, преимущественно светского характера, означает расширение сферы действия общегражданского законодательства и, соответственно, религиозно-правовых требований шариата.

При этом стоит отметить, что свобода коммерческих договоров в соответствии со ст. 3 проекта ТК СА также несколько ограничена: стороны могут согласовывать в рамках торговых договоров любые условия, которые не противоречат общественному порядку (т.е. *de facto* общим принципам шариата) и положениям законодательства. В правопорядке ОАЭ для коммерческих

отношений свойственна большая свобода договора: именно договор в ОАЭ является основным регулятором торговых отношений.

Отмеченные выше положения ст. 3 проекта ТК СА, в том числе, свидетельствуют о том, что торговое законодательства Саудовской Аравии не предполагает возможности установления долговой рибы (ставки процента) в форме неустойки или процентов за пользование чужими денежными средствами в случаях просрочки исполнения коммерческих обязательств. Так, например, в качестве компенсации за нарушение обязательств продавца по поставке товара в срок ст. 75 проекта ТК СА предусматривает только взыскание реального ущерба, понесенного покупателем. Также только реальный ущерб может взыскать и продавец в случаях несвоевременной оплаты товара (ст. 79 проекта ТК СА).

Впрочем, правовой режим коммерческих договоров в Саудовской Аравии все же не является полностью религиозно-правовым. Так, например, ТК СА (в отличие от положений ТК ОАЭ о специальных исламских торговых договорах) допускает возможность определения цены договора не в фиксированной форме, а на основе определенных показателей для определения цены договора в будущем (ст. 67 проекта ТК СА). Кроме того, ТК СА допускает и перепродажу движимого и недвижимого имущества без его улучшения, то есть допускает взимание торговой рибы в случаях, которые традиционно квалифицируются шариатом как недопустимые.

Тем не менее, сама система коммерческих договоров, поименованных в проекте ТК СА, носит достаточно узкий характер и включает в себя: куплю-продажу (в т.ч. форвардную продажу *салям*) (ст.ст. 64 – 83 проекта ТК СА); открытый аукцион (ст.ст. 84 – 89 проекта ТК СА); поставку (ст.ст. 90 – 93 проекта ТК СА); а также посреднические торговые договоры (ст.ст. 94 – 159 ТК СА). В Главе 7 «Коммерческие договоры» проекта ТК СА прямо указано, что ее положения подлежат применению только к отношениям по продажам, возникающим между коммерсантами в рамках их профессиональной деятельности (ст. 63 проекта ТК СА). Отдельно также выделяются положения о коммерческих ценных бумагах, к которым отнесены: переводной вексель (ст.ст.

161 – 262 проекта ТК СА); простой вексель (ст. ст. 263 – 267 ТК СА); и чек (ст.ст. 268 – 317 ТК СА).

В целом, положения ТК СА ориентированы, скорее, на формирование общего торгового регулирования коммерческих отношений секуляризированного характера (в отличие от ТК ОАЭ в проекте ТК СА не содержится специальных положений об исламских торговых договорах). При этом детальное регулирование конкретных торговых договоров оставлено на уровне специальных законов. Об этом прямо говорится и в ст. 2 проекта ТК СА: если положения ТК СА противоречат положениям специального закона по конкретному коммерческому вопросу, то применению подлежат нормы специального законодательства.

Система специального торгового законодательства (в отличие от ТК СА, который только ожидает принятия) сформирована уже в настоящее время. Так, уже сейчас в Саудовской Аравии существуют специальные законы, подлежащие применению: к коммерческой концессии (франчайзинга)[163], к коммерческим агентским договорам[164], к договорам коммерческого хранения[165], к коммерческому залогу[166], к ценным бумагам[167], к электронной коммерции[168], а также к залогу движимого имущества[169]. Также в 2022 г. в Саудовской Аравии

---

[163] Franchise Law (Royal Decree No. M/22 October 8, 2019). [Электронный ресурс]. URL: https://mc.gov.sa/en/Regulations/Pages/details.aspx?lawId=39a94095-dfac-4bbd-9329-aae100869ac9 (дата обращения: 13.05.2024).

[164] Law of Commercial Agencies (Royal Decree No. 11 July 22, 1962). [Электронный ресурс]. URL: https://mc.gov.sa/en/Regulations/Pages/details.aspx?lawId=4d8399da-0653-4727-bec9-a82200b3f908 (дата обращения: 13.05.2024).

[165] Public Warehousing Law [Электронный ресурс]. URL: https://mc.gov.sa/en/Regulations/Pages/details.aspx?lawId=6c2ca70a-6650-4805-8d87-a8220101c87f (дата обращения: 13.05.2024).

[166] Law of Commercial Pledge (Royal Decree No. M/86 April 24, 2018). [Электронный ресурс]. URL: https://mc.gov.sa/en/Regulations/Pages/details.aspx?lawId=6dff491d-f547-49fd-954f-a8c5009b927a (дата обращения: 13.05.2024).

[167] Commercial Papers Law (Royal Decree No. 37 February 25, 1964). [Электронный ресурс]. URL: https://mc.gov.sa/en/Regulations/Pages/details.aspx?lawId=902b46c8-5393-4226-86e2-a81e01030439 (дата обращения: 13.05.2024).

[168] E-Commerce Law (Royal Decree No. M/126 July 10, 2019). [Электронный ресурс]. URL: https://mc.gov.sa/en/Regulations/Pages/details.aspx?lawId=aaa4d4cf-ca57-41ff-a3f9-aa8500a3512c (дата обращения: 13.05.2024).

[169] Movable Property Security Law (Royal Decree No. M/94 April 8, 2020). [Электронный ресурс]. URL: https://mc.gov.sa/en/Regulations/Pages/details.aspx?lawId=dfcc6743-2de8-4941-bfe1-ac6300d8ef56 (дата обращения: 13.05.2024).

был принят новый Закон о компаниях[170]. Специальное торговое законодательство, в целом, основано на тех же принципах, что и проект ТК СА: долговая ставка процента запрещена, а договорные условия должны соответствовать общественному порядку (т.е. общим принципам шариата).

Однако, соответствующие принципы шариата, которые должны учитываться при заключении и исполнении коммерческих договоров в специальном торговом законодательстве не закреплены. Кроме того, в рамках соответствующего законодательства не нашли своего закрепления и специальные договорные конструкции исламского права деловых сделок и договоров (за исключением форвардной продажи в общем виде сформулированной в ст. 64 проекта ТК СА), включая мурабаху (финансирование под покупку), истисну (финансирование под поставку), иджару (аренду, лизинг), а также мушараку (простое товарищество) и мударабу (командитное простое товарищество).

Мушарака и мудараба в Саудовской Аравии (как и в ОАЭ) урегулированы положениями Закона Саудовской Аравии о гражданских сделках (далее также – ГК СА), а именно – Главой 6 «Договоры о партнерстве» ГК СА. В целом, соответствующие договорные конструкции в саудовском правопорядке сходны с аналогичными договорами в правопорядке ОАЭ.

Так, в соответствии со ст. 529 ГК СА договор о партнерстве («договор о компании») представляет собой договор, по которому два или более партнера совместно участвуют в определенной деятельности в форме предоставления имущества или выполнения работ (включая коммерческую работу) с распределением полученной прибыли и убытков. Положения ст. 529 ГК СА содержат в себе стандартную конструкцию договора мушарака.

Вклады партнеров могут иметь форму имущества, работ, а также могут быть выражены в виде предоставления оборудования и материалов для выполнения работ (ч. 2 ст. 531 ГК СА). В то же время вклад не может иметь форму влияния, репутации или кредитоспособности (ст. 530 ГК СА).

---

[170] Companies Law (28 June 2023).[Электронный ресурс]. URL: https://mc.gov.sa/ar/Documents/SEN.pdf (дата обращения: 13.05.2024).

Если иное не установлено договором, ответственность каждого из партнеров пропорциональна размеру его вклада (ч. 1 ст. 531 ГК СА). Также договором может устанавливаться солидарная ответственность партнеров (ч. 2 ст. 543 ГК СА). Однако, в части распределения убытков ГК СА не предусматривает возможность изменения порядка их распределения договором – в силу указания ч. 2 ст. 534 ГК СА они императивно распределяются пропорционально вкладу партнеров.

Пропорционально вкладу партнеров распределяется и прибыль, если иной порядок ее распределения не устанавливается договором (ч. 1 ст. 534 ГК СА). При этом условие о том, что доля одного из партнеров в прибыли представляет собой фиксированную сумму, не зависящую от фактической прибыли, является недействительным. Также недействительными являются условия договора о том, что один из партнеров не получает прибыли или не участвует в распределении убытков (ст. 535 ГК СА).

Договор мушарака в соответствии с ГК СА может заключаться на определенный срок. В таком случае партнер не имеет права свободно выйти из договора до истечения срока его действия. Для такого выхода необходимо обращаться в суд (ч. 2 ст. 545 ГК СА). Соответствующее положение призвано не допустить обхода требования о пропорциональном распределении убытков за счет досрочного выхода из партнерства с перенесением бремени потенциальных убытков на оставшихся партнеров.

В целом, договор мушарака в правопорядке Саудовской Аравии представляют собой традиционную форму договора совместного участия, которая широко используется для оформления договоров финансирования в соответствии с требованиями шариата. За счет гибкого механизма распределения прибыли договор мушарака может применяться для финансирования определенной коммерческой сделки (если договор заключен на определенный срок) или коммерческой деятельности определенного лица (если договор носит бессрочный характер).

В частности, договор мушарака может оформлять финансирование купли-продажи определенного имущества с целью его последующей перепродажи и в данном случае выступать в качестве аналога договора мурабаха, который напрямую в торговом и гражданском законодательстве Саудовской Аравии не поименован. Однако, в отличие от мурабахи, использование договорной конструкции мушарака будет требовать участия инвестора не только в рамках покупки имущества, но и в рамках его последующей продажи. Только после получения прибыли от такой перепродажи она может быть распределена между партнерами.

Что же касается договора мудараба, то (в отличие от правопорядка ОАЭ, где соответствующая договорная конструкция именуется спекулятивным партнерством) в ГК СА он прямо поименован. Так, в соответствии со ст. 550 ГК СА, под договором мудараба понимается договор, по которому владелец капитала передает его под управление агента (мудараба-агента) для осуществления коммерческой деятельности с распределением полученной прибыли[171].

Доля прибыли каждой из сторон определяется договором, а в отсутствие договорных условий – в соответствии с обычаем (ст. 558 ГК СА). Однако, прибыль всегда должна носить относительный (долевой) характер. Не допускается включение в договор условий о фиксированном размере прибыли любой из сторон[172]. Исключения допускаются только для случаев установления в договоре вознаграждения для одной из сторон за выполнение определенного задания (ст. 559 ГК СА).

Мудараба-агенту должны быть предоставлены возможности управлять капиталом и распоряжаться им (ст. 552 ГК СА). Распоряжение капиталом осуществляется на тех же основаниях, что и управление делами третьим лицом в рамках договора мушарака в соответствии с требованиями ст.ст. 539-541 ГК СА. Мудараба-агент обязан отчитываться об управлении капиталом ежегодно (в

[171] Гутенева А. В. Возможности использования в отечественном правопорядке исламского коммерческого договора мудараба // Хозяйство и право. 2025. № 3(578). С. 87-102.
[172] Там же. С. 93.

случае заключения бессрочного договора) или по истечении срока действия договора мудараба (ст. 554 ГК СА).

При этом, согласно ст. 555 ГК СА, в договоре могут быть предусмотрены ограничения деятельности мудараба-агента по времени, месту, видам деятельности и по иным основаниям. Более того, соответствующие ограничения будут подлежать применению даже в тех случаях, когда они напрямую договором не предусматриваются (когда договор мудараба является абсолютным) – на основании обычаев (в т.ч. обычаев исламского права договоров и деловых сделок).

В то же время, по общему правилу все риски возможным убытков от использования капитала мудараба-агентом возложены на владельца капитала. Не допускается включение в договор условий, иным образом распределяющих соответствующие риски. Однако, мудараба-агент все же несет ответственность за понесенные убытки и ущерб, причиненный владельцу капитала, в случаях, когда такие убытки и ущерб возникли вследствие правонарушения или халатности со стороны агенты (ст. 557 ГК СА).

Договор мудараба прекращается после достижения цели (реализации проекта), для которой он был заключен, или по истечении срока его действия (ст. 561 ГК СА). Односторонний отказ от договора допускается только, если он носит бессрочный характер, и при условии, что такой отказ не содержит в себе признаков мошенничества и не совершен в «неподходящее» время. Если договор мудараба был заключен на определенный срок, то односторонний отказ от него возможен только в судебном порядке при условии справедливой компенсации ущерба, причиненного другой стороне досрочным расторжением договора (ст. 562 ГК СА).

В любом случае, после прекращения действия договора мудараба основной капитал, предоставленный мудараба-агенту, подлежит возврату его первоначальному владельцу (ст. 564 ГК СА).

Как следствие, на практике договор мудараба в Саудовской Аравии (как и в ОАЭ) может выполнять функции инвестиционных коммерческих договоров.

Владелец капитала (в т.ч. исламский банк) за счет использования договорной конструкции мудараба может взимать с агента (*de facto* – заемщика) плату за пользование предоставленными денежными средствами в форме доли от полученной агентом прибыли. При этом возможность устанавливать ограничения по времени, месту и виду деятельности (а также по иным основаниям) позволяет достаточно гибко настраивать договорную конструкцию мудараба таким образом, чтобы предоставленный капитал был защищен от нецелевого использования. В крайних случаях, в целях сохранения вложенного капитала, возможен и односторонний отказ от договора (в т.ч. в судебном порядке), после чего основная сумма капитала подлежит возврату его владельцу[173].

Также стоит отметить, что ГК СА не содержит в себе запрета на включение в договор мудараба условий о поэтапном выкупе основного капитала у его владельца, что позволяет использовать его в качестве аналога кредитного договора, договора коммерческого займа или договора финансовой аренды.

Впрочем, что касается договора финансовой аренды (который в правопорядке ОАЭ может оформляться с использованием договора иджара), то в Саудовской Аравии в настоящее время он фактически регулируется положениями Раздела 3 Главы 4 ГК СА «Договоры о разделе продукции». Соответствующая категория договоров (несмотря на сходство в названии с отечественными соглашениями о разделе продукции) призвана оформлять в соответствии с требованиями шариата именно договоры лизинга.

Так, согласно ст. 566 ГК СА, под договором о разделе продукции понимается договор, в рамках которого одна сторона («владелец капитала», т.е. лизингодатель) передает в пользование другой стороне («работнику», т.е. лизингополучателю) непотребляемую вещь в обмен на долю в общей продукции, произведенной с использованием данной вещи.

Категория «продукция», по смыслу ст. 569 ГК СА, скорее, понимается как произведенные товары. Так, в случае аннулирования договора о разделе

[173] Гутенева А. В. Возможности использования в отечественном правопорядке исламского коммерческого договора мудараба // Хозяйство и право. 2025. № 3(578). С. 87-102.

продукции, владелец капитала (лизингодатель) становится собственником произведенной продукции, а работник (лизингополучатель) имеет право на получение оплаты за производство продукции по рыночной стоимости. При этом, если при изготовлении продукции были использованы материалы работника (лизингополучателя), то право собственности на произведенную продукцию переходит именно к нему, а владелец капитала (лизингодатель) приобретает право на компенсацию за использование его капитала по рыночной ставке.

В целом, из положений ст. 569 ГК СА следует, что в рамках договоров о разделе продукции должно осуществляться производство каких-либо товаров, право на собственности на которые в случае аннулирования договора может перейти либо к владельцу капитала (лизингодателю), либо к работнику (лизингополучателю).

Однако, в то же время, ГК СА косвенно допускает возможность заключения договоров о разделе продукции и для выполнения работ. Так, в ч. 1 ст. 567 ГК СА предусмотрено, что ключевой обязанностью владельца капитала (лизингодателя) является обязанность предоставить работнику (лизингополучателю) возможность свободно выполнять свою работу. Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 567 ГК СА установлено, что работник (лизингополучатель) вправе привлекать третьих лиц для помощи в выполнении всей или части работ. Таким образом, предоставление предмета лизинга по договорам о разделе продукции может осуществляться и для выполнения лизингодателем определенных работ.

Таким образом, категория «продукция» может пониматься достаточно широко и не обязательно будет включать в себя только товары. Продукцией также могут выступать результаты выполненных работ.

Также стоит отметить, что ГК СА не содержит в себе императивного требования о том, что «продукция» обязательно должна иметь овеществленную форму (произведенных товаров или результатов выполненных работ). Как следствие, допустимым могло бы являться заключение договоров о разделе продукции (договоров лизинга) и в сфере предоставления услуг. На это, в частности, указывают положения ч. 1 ст. 568 ГК СА, в соответствии с которыми

устанавливается, что каждая сторона имеет право на определенную долю в произведенной продукции при ее реализации. При этом между сторонами потенциально может быть заключено соглашение о методах расчета продукции. Такими соглашениями, в том числе, могли бы устанавливаться методы расчета предоставленных услуг как продукции.

Впрочем, положения ГК СА о договорах о разделе продукции (о договорах лизинга) все же ориентированы именно на производство определенных товаров или выполнение определенных работ, результаты которых имеют овеществленную форму. Квалификация оказанных услуг в качестве продукции является затруднительной. Право собственности на оказанные услуги не может возникнуть, что может повлечь за собой нарушение требований ст. 569 ГК СА в случаях аннулирования договоров о разделе продукции. Таким образом, договоры лизинга в целях оказания услуг с использованием предмета лизинга, скорее, должны оформляться при помощи договорной конструкции мудараба (которая также предполагает возможность предоставления капитала не в денежной, а в иной форме), а не посредством договоров о разделе продукции.

В целом, именно отмеченные три договора (мушарака, мудараба и договор о разделе продукции) являются основными коммерческими договорами, поименованными в ГК СА. При этом, как следует из текста проекта ТК СА, соответствующие категории договоров не планируется переносить в специальное торговое законодательство (что дополнительно подтверждается и опытом ОАЭ, где мушарака и мудараба также были закреплены в гражданском, а не в торговом законодательстве).

Таким образом, система коммерческих договоров в правопорядке Саудовской Аравии включает в себя три группы:

1. Коммерческие договоры, правовое регулирование которых осуществляется специальными положениями общего гражданского законодательства (Закона СА «О гражданских сделках», ГК СА): мушарака, мудараба и договор о разделе продукции (договор финансовой аренды).

2. Коммерческие договоры, правовое регулирование которых будет осуществляться в рамках общего торгового законодательства (в Законе СА «О коммерческих сделках», ТК СА): купля-продажа между коммерсантами (в т.ч. форвардная продажа салям); открытый аукцион; поставка; посреднические коммерческие договоры (поручительство, агентский договор, договор комиссии); а также договоры с коммерческими ценными бумагами (чеком, простым и переводным векселем).

3. Коммерческие договоры, правовое регулирование которых осуществляется в специальном торговом законодательстве (в специальных законах об отдельных категориях договоров): коммерческая концессия, коммерческий агентский договор, коммерческое (ответственное) хранение, коммерческий залог, договоры с ценными бумагами, договоры в сфере электронной коммерции, залог движимого имущества[174].

Приведенные три группы торговых договоров расположены в соответствии с принципом: от общего закона – к специальному. При этом приоритет отдается специальному законодательству. Так, общие положения ГК СА будут подлежать применению только в случае отсутствия специального регулирования в ТК СА или в специальных торговых законах (как, например, в случае с договорами мушарака, мудараба и договорами о разделе продукции, которые не урегулированы в торговом законодательстве). В свою очередь, положения ТК СА применяются в части, не противоречащей установлениям специальных торговых законов об отдельных видах коммерческих договоров (например, в рамках правового регулирования агентского договора или договоров с ценными бумагами приоритет будет иметь специальное торговое законодательство, а не общие торговые положения ТК СА).

Иными словами, к коммерческим договорам в Саудовской Аравии в качестве наиболее общей нормы подлежат применению положения Закона Саудовской Аравии о гражданских сделках (ГК СА). Как установлено в ст. 1 ГК

[174] Гутенева А. В. Система торговых (коммерческих) договоров в мусульманских странах: основные модели // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 7(131). С. 178-186.

СА, к сфере его действия относятся любые вопросы, соответствующие ему «по букве» и «по духу». Таким образом, в случае отсутствия специального торгового регулирования к коммерческим договорам будут подлежать общие правила ГК СА о порядке заключения договоров, их прекращении, взыскании убытков и ущерба и т.п.[175]

Подобный подход отличается от подхода ОАЭ, где торговое законодательство носит специальный секуляризированный характер и не подчинено общим положениям религиозного гражданского законодательства (применение общих принципов шариата к торговым договорам в ОАЭ допускается только при отсутствии специальных положений договора, торгового закона и торговых обычаев).

В то же время, подход СА в большей мере приближен к исламским традициям, в соответствии с которыми не осуществляется дробление правового регулирования на гражданское и торговое, а формируется единый комплекс исламского права договоров и деловых сделок (муамалат).

При этом гражданское законодательство Саудовской Аравии напрямую опирается на религиозно-правовые принципы шариата, которые нашли свое непосредственное закрепление в ГК СА. Так, в Разделе «Заключительные положения» ГК СА соответствующим общим принципам посвящена специальная ст. 720 «Общие правила». Подобные общие правила (в силу прямого указания ч. 1 ст. 720 ГК СА) применяются таким образом, чтобы не противоречить положениям законодательства (т.е. выступают в качестве общих принципов регулирования гражданских и торговых отношений).

Правило 6, в частности, устанавливает запрет высокой (толстой) неопределенности (*Гарар-е-Касир*): любое дело, которое является маловероятным, приравнивается к делу, которое является невозможным. Запрет рибы в общих правилах не упоминается (что еще раз указывает на их

[175] Abuhimed F. et al. Civil Transactions Law of Saudi Arabia. AS&H Clifford Chance, 2024. 5 p.

универсальный характер и на возможность их применения к торговым договорам).

В целом, общие правила, закрепленные в ст. 720 ГК СА, а также само законодательное регулирование гражданских сделок оценивается экспертами как акт кодификации именно исламского гражданского права[176]. Такая кодификация обеспечила определенность и предсказуемость правового регулирования гражданских и коммерческих сделок в правопорядке Саудовской Аравии. Законодательное закрепление конкретных шариатских подходов (сформировавшихся в рамках исламской правовой доктрины – фикха) по определенным вопросам позволили устранить проблемы с отсутствием единообразного правового регулирования соответствующих общественных отношений (которое до кодификации могло основываться в разных ситуациях на позициях различных шариатских школ).

Таким образом, в рамках кодификации торгового законодательства в ОАЭ и в Саудовской Аравии изначально ставились разные задачи. ТК ОАЭ был призван сформировать секуляризированный светский режим осуществления коммерческой деятельности, не предполагающий обязательного соблюдения религиозно-правовых ограничений шариата (ТК ОАЭ напрямую допускается взимание долговой рибы – ставки процента). В свою очередь, кодификация гражданского законодательства, осуществленная в рамках ГК СА, а также будущая кодификация торгового законодательства в ТК СА ориентированы, напротив, на формирование систематизированного и непротиворечивого религиозно-правового режима осуществления коммерческой деятельности[177].

Отмеченные различия в подходах к кодификации объясняют и отсутствие специального торгового законодательства об исламских коммерческих договорах в рамках проекта ТК СА: все гражданское и торговое законодательство

---

[176] The Saudi Arabian Civil Transactions Law. ZAMAKHCHARY & CO. [Электронный ресурс]. URL: https://www.legal500.com/doing-business-in/focus-on-the-saudi-arabian-civil-transactions-law/ (дата обращения: 13.05.2024); Civil transaction law of Saudi Arabia. Clifford Chance, 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cliffordchance.com/briefings/2024/02/civil-transaction-law-of-saudi-arabia.html (дата обращения: 13.05.2024).

[177] Гутенева А. В. Система торговых (коммерческих) договоров в мусульманских странах: основные модели // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 7(131). С. 178-186.

Саудовской Аравии построено в соответствии с требованиями шариата. Кодификация соответствующего законодательства здесь была направлена не на его секуляризацию, а на закрепление конкретных религиозно-правовых подходов и конструкций.

В целом, именно по данной линии осуществляется разграничение концепции коммерческих договоров в мусульманских странах с (квази)западной и с фундаменталистской моделями правовой системы. Государства с (квази)западной моделью правовой системы в рамках кодификации торгового законодательства обеспечивают его секуляризацию, выведение правового регулирования коммерческих отношений из-под действия религиозно-правовых требований шариата, с параллельным формированием специальных исламских конструкций коммерческих договоров. В свою очередь, государства с фундаменталистской моделью правовой системы посредством кодификации обеспечивают систематизацию именно религиозно-правового регулирования торговых договоров посредством законодательного закрепления конкретных подходов, сформулированных или разработанных в рамках отдельных шариатских школ (мазхабов)[178].

[178] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 185.

Глава III. Проблемы и перспективы использования исламских коммерческих договоров в российском правопорядке

3.1. Возможности использования исламских коммерческих договоров в отечественном правопорядке

Концепция торговых договоров, сформировавшаяся к настоящему моменту в отечественном правопорядке, во многом схожа с зарубежными европейскими концепциями, однако, ввиду историко-политических особенностей развития российской государственности институт торговых договоров в России отличается собственной спецификой. Соответствующая специфика носит дискуссионный характер, а представители отечественных теорий торговых договоров указывают на необходимость более строго разграничения общегражданских и торговых правоотношений (вплоть до разработки и принятия обособленного торгового кодекса Российской Федерации[179]).

Впрочем, как отмечает, например, В.А. Белов, уже в настоящее время Гражданский кодекс Российской Федерации[180] (далее – ГК РФ) содержит в себе ряд правовых институтов и конструкций, которые на практике используются только в рамках торгового (шире – предпринимательского) оборота. На этом основании В.А. Белов приходит к выводу о том, что по существу действующий ГК РФ можно рассматривать не как единый общегражданский акт, а как объединенные в рамках единой кодификации гражданский и торговый кодексы, а также общие положения, применимые одновременно и к общегражданского обороту, и к торговым (предпринимательским) отношениям[181].

---

[179] См., например: Янкин Г.Н. Проблемы принятия торгового кодекса // Аллея науки. 2017. Т. 2, № 11. С. 94-97; Власов А. А. Торговый кодекс как ключевой инструмент коммерческого регулирования / А. А. Власов, В. Н. Коваленко // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 2(33). С. 68-72; Попондопуло, В. Ф. Модельный Торговый кодекс (Закон о торговле) для государств-участников СНГ: концепция и структура / В. Ф. Попондопуло // Коммерческое право: актуальные проблемы и перспективы развития: сборник статей: к юбилею доктора юридических наук, профессора Бориса Ивановича Пугинского. Москва: Статут, 2011. С. 12-27; Коваленко В. Торговый кодекс России - основа коммерческого права // Закон и право. 2008. № 12. С. 109; Платонов С. В. К вопросу о концепции Торгового кодекса // Таможенное дело. 2008. № 2. С. 28-29.

[180] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

[181] Белов В. А. «Торговая (коммерческая)» составляющая Гражданского кодекса Российской Федерации: основные компоненты // Законодательство. 2021. № 2. С. 17-27.

О возможности подобной дифференциации гражданского и торгового права внутри ГК РФ свидетельствуют и многочисленные исследования, посвященные перспективам развития правового регулирования отдельных видов торговых (предпринимательских) договоров[182]. В частности, в настоящее время большое количество трудов посвящено совершенствованию правового регулирования договора коммерческой концессии (Глава 54 ГК РФ)[183]. Также в современной отечественной литературе активно исследуются перспективы совершенствования правового регулирования договора поставки (§ 3 Главы 30 ГК РФ)[184]. Как договор коммерческой концессии, так и договор поставки по своей правовой природе являются коммерческими договорами, однако напрямую закрепляются в ГК РФ (что подтверждает наличие в нем как общегражданской, так и торговой кодификации).

В то же время, потребности современного торгового оборота чрезвычайно разнообразны, в связи с чем ГК РФ, не будучи изначально актом торговой кодификации, не способен в полной мере урегулировать все используемые конструкции торговых договоров.

В целях преодоления отмеченных ограничений гражданского законодательства в 2009 г. был принят Федеральный закон «Об основах

---

[182] Левушкин А. Н. Договоры в предпринимательской деятельности. Учебник. М.: Проспект, 2023. 400 с.; Левушкин А. Н., Алборов С. В. Правовая природа предпринимательских договоров и обязательств, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности // Lex Russica. 2021. №2 (171). С. 29-39.

[183] См., например: Артемов Г.А. Сравнительный анализ договора коммерческой концессии и франчайзинга (франшизы) // Юрист. 2024. № 2. С. 25-28; Мареев Ю.Л. Договор коммерческой концессии: особенности предмета // Законность и правопорядок. 2022. № 3(35). С. 31-37; Еремин А.А. Франчайзинг и договор коммерческой концессии: теория и практика применения: монография. М.: Юстицинформ, 2017. 208 с.; Титова М.Н. Правовое регулирование отношений франчайзинга при осуществлении предпринимательской деятельности по законодательству Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. 239 с.; Бондаренко Д.П. Правовое регулирование договора коммерческой концессии в российском праве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. 169 с.

[184] См., например: Барбоев И. Н. Актуальные проблемы в договоре поставки и ответственность за невыполнение условий договора / И. Н. Барбоев, О. В. Халматова // Достижения науки и образования. 2024. № 1(92). С. 32-36; Курбатова Г. В. Виды договора поставки и его отличия от смежных гражданско-правовых договоров / Г. В. Курбатова, С. Н. Бакунин // Евразийский юридический журнал. 2023. № 3(178). С. 148-149; Шляпина В. А. Актуальные проблемы договора поставки товаров в системе договоров гражданского права / // Вестник науки. 2022. Т. 1, № 1(46). С. 108-111; Карпов Н.Н. Правовое регулирование поставки товаров в торговые сети: дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. 258 с.; Дарькина М.М. Проблемы переквалификации судом коммерческого договора с одного вида на другой // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № (7). С. 153-160.

государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»[185].

В отличие от ГК РФ он является ключевым нормативным правовым актом, закрепляющим основы публично-правового регулирования торговых отношений в России. Закон направлен на обеспечение единства экономического пространства, формирование конкурентной среды, защиту интересов участников торгового оборота и потребителей, а также на разграничение полномочий между уровнями публичной власти в данной сфере. При этом законодатель сознательно ограничил сферу действия данного акта, исключив из нее внешнеторговые отношения, организованные торги, розничные рынки и оборот ряда специфических объектов, подлежащих специальному правовому регулированию (ст. 1).

Данный закон определяет торговую деятельность как разновидность предпринимательской деятельности, содержанием которой являются операции по приобретению и реализации товаров (п 1. ст. 2). Законодатель дифференцирует ее на оптовую (п. 2 ст. 2) и розничную (п. 3 ст. 2) формы в зависимости от целевого назначения приобретаемого товара – для предпринимательского использования или для личного потребления соответственно.

Вместе с тем, несмотря на детальную регламентацию торговой деятельности как таковой, действующее отечественное законодательство не содержит легального определения торгового договора. При этом само понятие торгового договора, хотя и используется в отечественной науке и судебной практике, законодательно не закреплено и лишь отчасти корреспондирует европейской концепции торгового договора.

Анализ доктринальных подходов позволяет выявить множественность ракурсов, с которых может быть рассмотрено понятие торгового договора. С позиций общей теории права он представляет собой особую категорию гражданско-правовых сделок, характеризующуюся специфическим предметом

[185] Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 1. Ст. 2.

(товары, участвующие в торговом обороте), особым субъектным составом (профессиональными участниками рынка) и целевой направленностью на извлечение прибыли. С точки зрения коммерческого права акцент смещается на функциональное назначение таких договоров – установление, изменение или прекращение прав и обязанностей, связанных с передачей товаров, выполнением работ или оказанием услуг на возмездной основе. В контексте международного частного права торговый договор трансформируется во внешнеторговый контракт, подпадающий под действие как национального законодательства, так и международных конвенций. Наконец, с экономической точки зрения торговые договоры выступают инструментом координации деятельности участников рынка и формирования цепочек создания стоимости.

Существенное значение имеет и то, что границы понятия торгового договора не могут быть сведены исключительно к договорам купли-продажи товаров. Как отмечает Д.П. Стригунова[186], торговые договоры обеспечивают движение товаров как «вверх по течению» – в части поставки сырья и материалов, так и «вниз по течению» – в части распределения и реализации продукции. Это означает, что в систему торговых договоров входят и организационные соглашения (рамочные, дистрибьюторские, франчайзинговые договоры), и так называемые сервисные или маркетинговые договоры, направленные на продвижение товаров, и договоры финансового характера, обеспечивающие финансовую инфраструктуру торгового оборота.

С учетом изложенного представляется обоснованным предложить следующее рабочее определение торгового договора в российском правопорядке.

Торговый договор – это соглашение, заключаемое субъектами предпринимательской деятельности, по которому хотя бы для одной из сторон возникающие обязательства представляют собой элемент осуществляемой ею коммерческой деятельности, понимаемой в широком смысле как не только непосредственное обеспечение оборота товаров, но и любые сопутствующие

[186] Стригунова Д. П. Понятие и признаки международного коммерческого договора // Вестник экономической безопасности. 2015. №4. С. 91.

этому операции организационного, маркетингового, финансового или иного характера, направленные на содействие товарообороту.

Квалифицирующими признаками такого договора выступают: субъектный критерий – участие профессиональных участников торгового оборота; целевой критерий – направленность на обслуживание торговой деятельности; предметный критерий – связь с торговыми операциями в широком понимании; функциональный критерий – обеспечение движения товаров в обороте.

Данное определение, в отличие от узкой трактовки, ограничивающей торговые договоры лишь соглашениями о передаче права собственности на товар, позволяет охватить все многообразие договорных форм, реально обслуживающих торговый оборот в современных условиях, включая электронную коммерцию, трансграничные операции и цифровые финансовые инструменты (цифровые финансовые активы, утилитарные токены и пр.).

Такой подход корреспондирует тенденции, отмечаемой в доктрине, к расширению системы торговых договоров за счет нетипичных конструкций, которые тем не менее имеют прямое отношение к различным аспектам торговой деятельности. В частности, отдельным блоком выделяются перспективы развития правового регулирования непоименованных и смешанных торговых договоров. К ним, например, можно отнести дистрибьюторский договор[187]. Соответствующие договоры как часть предмета науки коммерческого (торгового) права находят свое освещение и в современной учебной литературе[188].

---

[187] См., например: Власова Н. В. Трансграничный дистрибьюторский договор в национальном законодательстве и международной коммерческой практике // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19, № 3. С. 78-89; Стригунова Д. П. Проблемы юридической квалификации и правового регулирования международного дистрибьюторского договора // Право и экономика. 2023. № 4(422). С. 5-9; Шейхов М. Г. Место дистрибьюторского договора в системе гражданско-правовых договоров Российской Федерации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022. № 11. С. 207-211; Хабичев Р. Х. Квалификация дистрибьюторских договоров // Вестник Академии права и управления. 2021. № 1(62). С. 113-117; Григорьев Т.Ю. Трансграничные дистрибьюторское соглашение и договор торгового представительства в российском и зарубежном праве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. 246 с.; Доронькина В.Ю. Имплементация дистрибьюторского договора в российское право: дис. … канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2016. 166 с.

[188] См., например: Андреева Л. В. Коммерческое (торговое) право: учебник / Л. В. Андреева. Москва: КноРус, 2024. 250 с.; Коммерческое право: учебник для вузов / Е. А. Абросимова [и др.] ; под общей редакцией Е. А. Абросимовой, В. А. Белова, Б. И. Пугинского. 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 606 с.; Коммерческое право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Юриспруденция» и «Коммерция (торговое дело)» / Н. Д. Эриашвили, М. Н. Илюшина, А. В. Барков; под ред. Н. Д. Эриашвили. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 671 с.

В целом же, перспективы развития правового регулирования коммерческих договоров в России весьма разнообразны, что, с одной стороны, предопределяется особенностями развития концепции торговых договоров и предпринимательского (хозяйственного) законодательства в отечественном правопорядке, а, с другой стороны – чрезвычайной широтой и многогранностью коммерческих отношений.

Последний аспект свидетельствует о том, что при определении потенциальных направлений развития правового регулирования коммерческих договоров в России в качестве теоретико-методологической основы выступает общая концепция торгового права.

В рамках научной школы коммерческого права, основателем которой является Л.В. Андреева, оно рассматривается как часть предпринимательского (а ранее – хозяйственного) права, в рамках которой регулируются отношения на оптовом товарном рынке (действия по закупке товаров и их последующей продаже, а также по оказанию связанных с этим услуг)[189].

Исходя из приведенной концепции торгового права, можно сделать вывод о том, что в российском правопорядке банковская деятельность не может напрямую рассматриваться как предмет торгового права. Банкам и иным кредитным организациям в силу прямого указания ч. 6 ст. 5 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»[190] нельзя заниматься торговой деятельностью.

Однако, когда речь заходит об исламских коммерческих договорах, банковская деятельность подпадает под торговое правовое регулирование (т.е. под правовое регулирование отношений в сфере оптовой торговли). Концепция исламских коммерческих договоров (в отличие от традиционных светских концепций) предполагает непосредственное участие банковских организаций в торговой деятельности в качестве партнера. Только в таком случае банковская деятельность может квалифицироваться как соответствующая запретам и дозволениям шариата.

---

[189] См.: Андреева Л.В. Теоретические проблемы коммерческого права России: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004. 536 с.

[190] Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 08.08.2024) «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

Как следствие, несмотря на то что светская банковская деятельность исключена из-под торгового правового регулирования, исламская банковская деятельность все же будет выступать объектом такого регулирования. Исламские банки напрямую работают по специфическим торговым договорам, которые в светском правопорядке должны регулироваться торговым правом.

Подобная особенность правового конструирования исламской банковской деятельности на базе светских правопорядков (в т.ч. на базе российского правопорядка) означает, что к перспективам развития правового регулирования коммерческих договоров в России можно отнести и формирование особого правового регулирования исламской банковской деятельности (но только в той части, которая связана с заключением и исполнением исламских торговых договоров). И, наоборот, внедрение в России исламского банкинга неизбежно требует разработки правового регулирования специфических конструкций исламских торговых договоров.

Работа, связанная с возможной имплементацией в российский правопорядок отдельных элементов исламского банкинга (в т.ч. в части законодательного закрепления особых правовых конструкций исламских торговых договоров), ведется уже давно. Однако, вплоть до настоящего времени полноценно в отечественный правопорядок исламские торговые договоры не имплементированы.

При этом ввиду действия общего принципа о свободе воли (п. 2 ст. 1 ГК РФ) и свободы договора (ст. 421 ГК РФ) заключение исламских торговых договоров в российском правопорядке, в целом, не встречает серьезных препятствий. Принцип свободы договора (в т.ч. в его понимании судебной практикой[191]) подразумевает, что субъекты гражданского права могут, действуя своей волей и в своем интересе, самостоятельно определять условия гражданско-правовых соглашений друг с другом (в пределах, установленных императивными

[191] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации №16 от 14 марта 2014 г. №16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. №5.

нормами закона)[192]. Договорные конструкции не исчерпываются теми, которые поименованы в ГК РФ и допускается заключение договоров, содержащих элементы различных договорных конструкций (смешанные договоры), а также заключение непоименованных в гражданском законодательстве договоров (к подобным смешанным непоименованным договорам, например, относится традиционный для торгового права дистрибьюторский договор).

Отечественное гражданское законодательство не содержит в себе императивных требований, препятствующих заключению исламских торговых договоров. Положения ГК РФ, потенциально способные нарушить запреты шариата, носят диспозитивный характер и могут быть пересмотрены условиями конкретного торгового договора (например, правила о процентах, установленные ст. 395 ГК РФ). Сами же такие договоры могут квалифицироваться как непоименованные и уже известны отечественному торговому обороту[193].

Начиная с 2010-х гг. договоры партнерского финансирования (исламского банкинга) достаточно активно заключаются в регионах России со значительной долей мусульманского населения[194]. При этом используются договорные конструкции купли-продажи в рассрочу с фиксированной платой за «коммерческую работу» (мурабаха), лизинга (иджара), инвестиционного финансирования (мудараба –спекулятивное партнерство, где одна из сторон может участвовать только в форме предоставления капитала) и участия в уставных капиталах организаций-замещиков (подобным образом оформляется исламский торговый договор мушарака – деловое партнерство, где не допускается участие одной из сторон сугубо в форме предоставления капитала).

Таким образом, диспозитивный характер правового регулирования гражданско-правовых отношений, в целом, позволяет свободно конструировать

---

[192] Гутенева А. В. Возможности использования в отечественном правопорядке исламского коммерческого договора мудараба // Хозяйство и право. 2025. № 3(578). С. 87-102.
[193] Гутенева А. В. Указ. соч. С. 97.
[194] См.: Иванов О. М. Регулирование партнерского финансирования: правовой эксперимент и его участники // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 1(101). С. 60-69; Алексеева Д. Г., Михеева И. Е. Правовые проблемы имплементации исламского банкинга в России // Право и экономика. 2017. № 7. С. 72-79; Гутенева А. В. Указ. соч. С. 90.

смешанные и непоименованные договорные конструкции исламских торговых договоров.

Ключевые причины сложностей, возникших с имплементацией исламского банкинга в российский правопорядок, лежат в сфере правового регулирования банковской деятельности и связаны с тем, что отдельные положения банковского законодательства оказываются несовместимы с религиозно-правовыми запретами и дозволениями, сформированными в рамках исламской концепции коммерческих договоров[195].

Речь здесь идет о запрете кредитным организациям заниматься торговой деятельностью (что делает невозможным заключение кредитными организациями исламских торговых договоров, основанных на принципе недопустимости образования дохода, не зависящего от совершения реальной деятельности).

При этом, как можно проследить на примере ТК ОАЭ, к ключевым договорным конструкциям, используемым в рамках исламского банкинга, относятся: мурабаха (купля-продажа по запросу о финансировании); истисна (поставка по запросу о финансировании); салям (форвардная продажа); иджара (часть договорной конструкции финансовой аренды); продажа в рассрочку (как основное расчетное обязательство); а также мушарака (деловое партнерство) и мудараба (спекулятивное партнерство)[196].

Салям (форвардная продажа), продажа в рассрочку (как основное расчетное обязательство), а также мушарака (деловое партнерство, в рамках которого не допускается участие только в форме предоставления капитала и требуется осуществление определенной «работы» каждым из партнеров) полностью недоступны российским кредитным организациям.

Учитывая ограничение на занятие торговой деятельностью, банки в российском правопорядке могут свободно заключать только договоры мудараба – партнерские договоры (договоры простого товарищества, договоры

---

[195] Ефимова Л. Г. Банковские сделки: актуальные проблемы: дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 2000. 520 с.; Ефимова Л. Г. Банковские сделки: право и практика. М.: НИМП, 2001. 654 с.

[196] Гутенева А. В. Система торговых (коммерческих) договоров в мусульманских странах: основные модели // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 7(131). С. 178-186.

доверительного управления, агентские договоры и др.), в рамках которых допускается участие одной из сторон только в форме предоставления капитала или иного имущества с распределением полученной прибыли. Как следствие, договоры мудараба могут использоваться для выдачи кредитов бизнесу. При этом банк как владелец капитала может взимать с заемщика (по договору мудараба – агента) плату за пользование предоставленными денежными средствами в форме доли от полученной агентом прибыли (но не в форме процентов от суммы вложенного капитала и не в форме фиксированной денежной суммы). Аналогичным образом договоры мудараба могут использоваться для оформления договоров банковского счета или в рамках банковского доверительного управления капиталом (в данном случае банк будет делиться с клиентами долей прибыли от совершения «коммерческой работы» с полученным капиталом)[197].

С ограничениями, установленными банковским законодательством, также могут заключаться договоры иджара – договоры финансовой аренды. Возможность банков совершать лизинговые операции прямо предусматривается ст. 5 Федерального закона «О банках и банковской деятельности». Однако, в сравнении с правовой конструкцией лизинга (финансовой аренды) в отечественном правопорядке исламский торговый договор иджара, не может включать в себя условия о приобретении предмета лизинга и о выкупе предмета лизинга (о переходе права собственности на него). В подобной усеченной форме договор иджара выступает, скорее, как договор аренды (имущественного найма). Тем не менее, в рамках банковской (или в рамках торговой деятельности) возможно использование сложных договорных конструкций, включающих в себя одновременно три договора: договор купли-продажи предмета лизинга у поставщика; договор иджара; договора купли-продажи предмета лизинга между банком (лизингодателем) и клиентом банка (лизингополучателем) с рассрочкой оплаты. Впрочем, правовая квалификация подобных сложносоставных договорных конструкций неоднозначна, а их заключение может быть расценено

[197] Гутенева А. В. Возможности использования в отечественном правопорядке исламского коммерческого договора мудараба // Хозяйство и право. 2025. № 3(578). С. 87-102.

ЦБ РФ как нарушение требований банковского законодательства (поскольку формально-юридически банки будут заключать договоры аренды имущества, не предусмотренного в ст. 5 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»).

На основе предоставленной кредитным организациям возможности совершать лизинговые операции также потенциально могли бы заключаться и договоры мурабаха и истисна. Во многом трехсторонняя финансовая аренда (используемая в отечественном законодательстве) по своей договорной конструкции близка к соответствующим договорным конструкциям. В рамках трехстороннего лизинга лизингодатель фактически выполняет роль кредитора (или инвестора), который за свой счет приобретает актив и передает его в лизинг лизингополучателю в обмен на получение периодических платежей (аналогичным образом осуществляется приобретение и передача товара по запросу о финансировании от покупателя в рамках договора мурабаха; а также производство и поставка товара в рамках договора истисна).

Однако, здесь опять же деятельность кредитных организаций будет сильно сближаться с реальной торговой деятельностью, что может вызвать опасения у банковского регулятора. По своей правовой конструкции договор мурабаха (как и договор истисна) представляет собой договор перепродажи, который в рамках светского правопорядка, допускающего взимание процентов и получение прибыли в отсутствие «коммерческой работы», прямо относится к торговой деятельности.

На практике для квалификации договоров мурабаха и истисна в качестве соответствующих российскому банковскому законодательству требуется использование усложненных правовых конструкций. Как, в частности, отметила Ассоциация Региональных Банков России (далее – «АРБР») в одном из писем ЦБ РФ[198], в рамках договоров мурабаха и истисна банком может приобретаться не сам товар, а ценная бумага – складское свидетельство, предоставляющее клиенту

[198] Письмо от Ассоциации региональных банков России директору департамента банковского надзора Банка России, Амирьянцу Р. В. от 14 августа 2014 года № 06/190.

банка право получить приобретенный товар на складе. Впрочем, подобный подход также подвержен существенным рискам. Договор мурабаха (или истисна) может быть квалифицирован как притворная сделка, призванная замаскировать договор купли-продажи (или поставки) и, тем самым, обойти требования банковского законодательства. Кроме того, при использовании подобной конструкции возникают риски, связанные с дополнительным налогообложением совершенных операций НДС.

Таким образом, в соответствии с действующим законодательством (исключая реализуемый в настоящее время пилотный проект в сфере исламского банкинга, о котором речь пойдет ниже) для заключения банками большинства исламских торговых договоров требуется усложнение субъектного состава правоотношений. Речь здесь идет о необходимости организации партнерских объединений нескольких юридических лиц, включающих в свой состав, как минимум, одну кредитную организацию и одну иную организацию.

Так, например, именно по такому пути в середине 2010-х гг. пошел Татарстанский аграрно-промышленный банк. В структуре банка был создан обособленный филиал – Центр партнерского банкинга (ЦПБ), предоставлявший услуги исламского банкинга (обособление филиала позволяло признать его халяльным, так как не происходило смешения со светской банковской деятельностью, связанной с использованием процентов). При этом ЦПБ, действовавший на основании лицензии Татагропромбанка, оказывал своим клиентам только часть услуг, не подпадающих под запреты, установленные отечественным банковским законодательством (как было установлено нами выше, из числа исламских торговых договоров такие услуги могли быть связаны только с заключением договоров мудараба). В свою очередь, для заключения договоров мудараба (купля-продажа по запросу о финансировании), истисна (поставка по запросу о финансировании) и мушарака (деловое партнерство/простое товарищество) ЦПБ использовал специально созданную дочернюю организацию в форме общества с ограниченной ответственностью.

В целом, подход Татагропромбанка был призван обеспечить соответствие одновременно банковскому законодательству и требованиям шариата. Однако, чрезмерное усложнение субъектного состава банковских операций привело к возникновению дополнительных издержек[199], а также, в целом, было негативно оценено ЦБ РФ. В итоге, в 2017 г. лицензия Татагропромбанка была отозвана, а сам банк был признан банкротом.

Ввиду наличия отмеченных сложностей с использованием исламских торговых договоров кредитными организациями, обладающих специальной правоспособностью, на практике предоставлением услуг исламского банкинга в России стали заниматься юридические лица, учрежденные в организационно-правовых формах хозяйственных товариществ и обществ, потребительских кооперативов и др. Особенности исламского банкинга привели к тому, что специфические исламские торговые договоры стали заключаться небанковскими организациями, правосубъектность которых не ограничивается банковским законодательством.

В частности, как отмечает О.М. Иванов, исламские торговые договоры мурабаха (финансирование под покупку) в отношении жилых помещений (в качестве аналога ипотеки) стали заключаться жилищно-накопительными кооперативами. В свою очередь, организации банковского сектора преимущественно заключают договоры мудараба (в форме договоров доверительного управления, реализации паев инвестиционных фондов, торгового финансирования), а также договоры иджара (лизинговые операции)[200].

При этом участники рынка партнерского финансирования (исламского банкинга) в России отмечают ограниченный перечень доступных исламских торговых договоров, высокую сложность структурирования договорных отношений в соответствии с шариатом, а также серьезные нормативные

[199] Чокаев Б. Исламские финансы: возможности для российской экономики // Вопросы экономики. 2015. №6. С. 119.
[200] Иванов О.М. Указ. соч. С. 62.

ограничения и надзорные риски, являющиеся следствием правовой неопределенности[201].

Наличие отмеченных проблем правового регулирования исламского банкинга (включая исламские торговые договоры) в совокупности с потребностями мусульманской части населения России привела к тому, что начиная с 2010-х гг. экспертное сообщество и субъекты законодательной инициативы активно выступают за реформирование правового регулирования банковской деятельности.

Так, в 2015 г. некоммерческая организация IFDB при поддержке Правительства Республики Татарстан представила федеральному законодателю и ЦБ РФ технико-экономическое обоснование необходимости внедрения в российском правопорядке института исламского банкинга. IFDB отметила основные ограничения действующего законодательства, а также предложила потенциальные пути их преодоления[202]. В 2016 г. Ассоциация региональных банков России (АРБР) направила официальное письмо Директору Департамента финансовой политики Министерства финансов РФ С.В. Барсукову[203]. В своем письме АРБР, в том числе, указала на ключевые препятствия для заключения исламских торговых договоров в рамках партнерского (исламского) банкинга, а также сформулировала ряд предложений по устранению существующих проблем и правовой неопределенности.

Работа по исследованию вопроса имплементации исламского банкинга (и исламских торговых договоров) в отечественный правопорядок велась и на уровне Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. В 2014 г. была сформирована специальная рабочая группа, занимавшаяся проработкой соответствующих вопросов, а в 2016 г. данной группой были

---

[201] Там же. С. 63.

[202] Представлена финальная версия ТЭО по исламскому банкингу в России [Электронный ресурс] // Islamic Finance Business. 7 декабря 2015 г. URL: http://islamic-finance.ru/news/2015-12-07-1559 (дата обращения: 20.10.2024).

[203] Письмо АРБ Директору Департамента финансовой политики Министерства финансов РФ Барсукову С.В. «Об информационных материалах в части развития партнерского (исламского) банкинга в РФ» (№ А-01/1Э-01 от 11.01.2016) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Ассоциации российских банков. URL: https://arb.ru/b2b/docs/pismo_arb_direktoru_departamenta_finansovoy_politiki_ministerstva_finansov_rf_ba-9980161/?sphrase_id=497771/ (дата обращения: 20.10.2024)

представлены официальные отчеты об особенностях осуществления «непроцентной финансовой деятельности» и об особенностях налогообложения «непроцентной финансовой деятельности»[204]. Впрочем, в 2016 г. результаты деятельности рабочей группы были оставлены без серьезного внимания.

Кроме того, в 2015 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации по инициативе депутата Д.И. Савельева был внесен пакет из шести законопроектов, направленных на формирование в России непротиворечивого широкого правового режима исламского банкинга (включающего предоставление кредитным организациям возможности заключать отдельные исламские торговые договоры). Пакет депутата Д.И. Савельева включал в себя следующие законопроекты:

1. Законопроект № 960451-6 «О внесении изменений в федеральный закон «О банках и банковской деятельности» (в части доверительного управления имуществом)»[205]. В соответствии с данным законопроектом предполагалось предоставить кредитным организациям возможность создавать общие фонды под банковским доверительным управлением. Такие общие фонды должны были стать особыми имущественными комплексами, формируемыми за счет привлечения денежных средств и ценных бумаг учредителей банковского доверительного управления.

Иными словами, в соответствии с анализируемым законопроектом предлагалось внедрение в российский правопорядок прямой банковский аналог договора мудараба (спекулятивное партнерство) на базе договора доверительного управления специальным общим фондом. Впрочем, как было установлено нами выше, договор мудараба и так может применяться кредитными организациями.

2. Законопроект № 983065-6 «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об инвестиционном товариществе" (в части партнерского

---

[204] Алексеева Д. Г., Михеева И. Е. «Партнерский банкинг: проблемы правового регулирования, защиты прав участников, перспективы внедрения»: обзор выступлений в рамках совместной научно-практической конференции Юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 12 (73). С. 208.

[205] Законопроект № 960451-6 «О внесении изменений в федеральный закон «О банках и банковской деятельности» (в части доверительного управления имуществом). [Электронный ресурс]. // СОЗД. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/960451-6 (дата обращения: 20.10.2024).

товарищества)»[206], в свою очередь, предполагал дополнение отечественного правопорядка договором партнерского товарищества в качестве разновидности инвестиционного товарищества. По замыслу авторов законопроекта, договор партнерского товарищества должен был стать отечественным аналогом исламского торгового договора мудараба (спекулятивное партнерство, где допускается участие одного из партнеров только в форме вложения капитала). На договор партнерского товарищества не должны были распространяться отдельные положения об инвестиционном товариществе, потенциально не соответствующие запретам шариата.

Иными словами, договор партнерского товарищества также должен был стать аналогом исламского торгового договора мудараба. Однако, трансформация правовой конструкции инвестиционного товарищества в данном случае видится не вполне уместной. Вместо применения к договору мудараба скорректированного правового регулирования инвестиционного товарищества более целесообразным видится использовать диспозитивные положения гражданского законодательства для заключения смешанных договоров (что и без законодательных новелл реализуется участниками рынка исламского банкинга).

3. Законопроект № 937165-6 « О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "О финансовой аренде (лизинге)" (в части уточнения порядка перехода права собственности на предмет лизинга)»[207]. Цель данного законопроекта состояла в корректировке правового регулирования договора лизинга таким образом, чтобы общая законодательная конструкция данного договора не предусматривала перехода права собственности к лизингополучателю.

В случае наличия в договоре лизинга соответствующего условия по правилам муамалата (исламского права договоров и деловых сделок) он должен

---

[206] Законопроект № 983065-6 «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об инвестиционном товариществе" (в части партнерского товарищества)» [Электронный ресурс] // СОЗД. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/983065-6 (дата обращения: 20.10.2024).

[207] Законопроект № 937165-6 « О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "О финансовой аренде (лизинге)" (в части уточнения порядка перехода права собственности на предмет лизинга)» [Электронный ресурс] // СОЗД. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/937165-6 (дата обращения: 20.10.2024).

квалифицироваться не как идажара (лизинг), а как мурабаха (финансирование под куплю-продажу) или истисна (финансирование под поставку) с применением соответствующих правил. В соответствии с фикхом (исламской правовой доктриной) включение в договор иджара условий о переходе праве собственности фактически трансформирует соответствующий договор в перепродажу (по общему правилу, запрещенную). Коммерческой работы лизингодатель не совершает и получает не связанный с реальной деятельностью доход, что подпадает под запрет торговой рибы.

Однако, стоит отметить, что положения анализируемого законопроекта носили избыточный характер. Внесения изменений в законодательную конструкция лизинга в данном случае не требовалось, поскольку и в текущем виде она позволяет заключать договоры лизинга без перехода права собственности к лизингополучателю. Более того, кредитные организации еще до введения пилотного проекта в сфере исламского банкинга использовали конструкцию исламского договора иджара для совершения банковских лизинговых операций.

4. Законопроект № 987933-6 «О внесении дополнений в часть вторую Гражданского кодекса Российской Федерации (в части договора счета эскроу-инвестиционный)»[208] по своей цели был направлен уже на формирование правового регулирования непосредственно банковских продуктов, а именно – расчетных банковских операций в виде перевода долговых средств от должника к кредитору. По своей правовой конструкции договор счета эскроу-инвестиционный был призван выступить в качестве аналога договора хавала[209], применяемого исламскими банками. Несмотря на связь с исламским банкингом, в данном случае речь идет сугубо о расчетных банковских операциях, которые не являются предметом настоящего исследования.

---

[208] Законопроект № 987933-6 «О внесении дополнений в часть вторую Гражданского кодекса Российской Федерации (в части договора счета эскроу-инвестиционный)». [Электронный ресурс] // СОЗД. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/987933-6 (дата обращения: 20.10.2024).

[209] Арчакова-Ужакова М.Б. Исламские финансовые инструменты как альтернативный способ привлечения инвестиций // Глобальные рынки и финансовый инжиниринг. Т. 4. № 2. 2017. С. 140-145.

5. Законопроект № 960422-6 «О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части инструментов традиционного (партнерского) банкинга)»[210] предусматривал внедрение в отечественный правопорядок договора беспроцентной ссуды (кард аль-хасан[211]). В данный договор не могут быть включены условия об обещании выплаты вознаграждения ссудодателю, однако ссудополучатель по своему усмотрению может его вознаградить после исполнения договора. Беспроцентная ссуда также в большей степени относится к договорам банковской сферы. Использование беспроцентной ссуды в рамках коммерческого оборота весьма ограничено.

6. Законопроект № 746023-6 «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона "О банках и банковской деятельности" (о запрете кредитной организации заниматься производственной и страховой деятельностью)»[212]. В соответствии с данным законопроектом предполагалось устранить ключевое ограничение для предоставления исламских банковских услуг отечественными кредитными организациями, а именно – отменить запрет осуществления ими торговой деятельности.

В целом, пакет законопроектов депутата Д.И. Савельева носил комплексный характер и был направлен на создание правовых условий для полноценного внедрения исламского банкинга (и отдельных договорных форм исламских торговых договоров) в отечественный правопорядок. Однако, степень проработки вопросов совершенствования российского законодательства была недостаточной, что послужило основанием для отклонения всех внесенных законопроектов.

При этом ключевым препятствием для реализации законодательной инициативы Д.И. Савельева стало предложение об отмене запрета на занятие торговой деятельностью для кредитных организаций. Как, в частности, отметило

---

[210] Законопроект № 960422-6 «О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части инструментов традиционного (партнерского) банкинга)» [Электронный ресурс] // СОЗД. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/960422-6 (дата обращения: 20.10.2024).

[211] Исаева Е.А. Исламский банкинг: основные правила и принципы, перспективы развития в современных условиях // Финансовые рынки и банки. 2023. №6. С. 140-146.

[212] Законопроект № 746023-6 «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона "О банках и банковской деятельности" (о запрете кредитной организации заниматься производственной и страховой деятельностью)» [Электронный ресурс] // СОЗД. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/746023-6 (дата обращения: 20.10.2024).

Правительство Российской Федерации в своем официальном отзыве на соответствующий законопроект, запрет на осуществление торговой деятельности представляет собой неотъемлемый элемент системы защиты прав и законных интересов вкладчиков кредитных организаций. Исключение данного запрета из банковского законодательства приведет к серьезному росту рисков направления денежных средств вкладчиков в торговлю и снижению возможностей эффективного надзора за банковским сектором[213]. Аналогичную позицию занял и Комитет Государственной Думы по финансовому рынку, который дополнительно отметил, что столь серьезное расширение правоспособности кредитных организаций требует более серьезных оснований[214].

Тем не менее, несмотря на отклонение приведенного пакета законопроектов в полном объеме, проблемы и потребности, связанные с осуществлением в России исламской банковской деятельности сохранились. Ограничения банковского законодательства, препятствующие свободному предоставлению населению исламских банковских продуктов (на основе исламских торговых договоров), на которые указывало экспертное банковское сообщество, продолжили действовать[215].

В подобном контексте критика инициатив по внедрению в отечественный правопорядок институтов исламского банкинга (включая внедрение специальных исламских договорных конструкций) касалась не самой идеи, а предлагаемых способов ее реализации. В то же время, эффективный подход к решению возникших проблем, который бы соответствовал и светскому, и исламскому регулированию, в 2010-х гг. не был найден.

---

[213] Официальный отзыв Правительства Российской Федерации на проект федерального закона № 746023-6 «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона "О банках и банковской деятельности"» [Электронный ресурс] // СОЗД. URL: http://sozd.duma.gov.ru/download/467EB5B8-DBDE-4474-8B44-76FA36A0E332 (дата обращения: 20.10.2024).

[214] Заключение ответственного комитета (Комитета Государственной Думы по финансовому рынку) на проект федерального закона № 746023-6 «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона "О банках и банковской деятельности"» [Электронный ресурс] // СОЗД. URL: http://sozd.duma.gov.ru/download/AB7C2C18-EEC9-4E36-892F-5DA59AA10A56 (дата обращения: 20.10.2024).

[215] Беккин Р. И., Алискеров М. С. Особенности исламского финансового сектора в России на современном этапе и перспективы его роста // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 60-64.

Однако, в 2020 г. в отечественном правопорядке появилась принципиальная возможность протестировать возможные решения отмеченных проблем на базе относительно новой концепции экспериментального правового режима (ЭПР). В соответствии со ст. 3 Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»[216], экспериментальный правовой режим позволят на протяжении определенного отрезка времени применять специальное правовое регулирования в отношении конкретной группы лиц или конкретной территории. При этом в рамках ЭПР также могут устанавливаться исключения для его участников из отдельных императивных требований, запретов или порядка лицензирования.

Именно такой экспериментальный правовой режим был использован для тестирования потенциальных направлений и способов имплементации в отечественный правопорядок институтов исламского банкинга.

В августе 2023 г. был принят Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации»[217] (далее – Закон № 417-ФЗ).

К целям проведения эксперимента было отнесено, во-первых, определение эффективности специального регулирования, а, во-вторых, подготовка предложений по внесению изменений в законодательство. Срок проведения эксперимента был установлен с 1 сентября 2023 г. по 1 сентября 2025 г. Территорией проведения стали Республика Башкортостан, Республика Дагестан, Республика Татарстан (Татарстан) и Чеченская Республика (ст. 1 Закона № 417-ФЗ).

---

[216] Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5006.

[217] Федеральный закон от 04.08.2023 № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6149.

Участниками эксперимента могут стать юридические лица, внесенные в специальный реестр в соответствии со ст. 4 Закона № 417-ФЗ. Процедура включения в данный реестр и исключения из него в целом аналогична регулированию, установленному для микрофинансовых организаций[218]. Приобрести статус участника эксперимента могут как кредитные организации (и некредитные организации, работающие по банковскому законодательстве), так и хозяйственные товарищества, хозяйственные общества, общественно полезные фонды, АНО и потребительские кооперативы. Таким образом, ЭПР не предусматривает ни формирования специальных субъектов исламского банкинга, ни ограничения на участие кредитных организаций.

При этом кредитные организации и иные финансовые организации (например, микрофинансовые) вправе осуществлять деятельность в сфере партнерского финансирования параллельно с осуществлением своей основной деятельности. Ключевым ограничением является только требование об обособлении имущества, привлеченного и/или используемого в рамках партнерского финансирования от иного имущества участников эксперимента (ч. 1 ст. 3 Закона № 417-ФЗ). Подобный подход, с одной стороны, призван обеспечить соблюдение требований банковского законодательства в рамках обычной деятельности кредитных организаций, а, с другой стороны – гарантировать участникам партнерского финансирования, что их отношения с кредитной организацией будут обособлены от харамной деятельности, связанной с взиманием процентов (рибы).

Как отмечает О.М. Иванов, не являющиеся кредитными организациями участники ЭПР в сфере партнерского финансирования при условии успешного завершения эксперимента могут трансформироваться в организации со специальной правоспособностью – нефинансовые организации, осуществляющие деятельность по партнерскому финансированию на основании специальной

[218] Иванов О.М. Указ. соч. С. 64.

лицензии под надзором Центрального Банка России (по аналогии с микрофинансовыми организациями)[219].

Подобный подход, сопряженный с формированием специального правового режима осуществления партнерского финансирования, может стать перспективным направлением имплементации исламского банкинга в отечественный правопорядок. Соответствующие НФО будут подчинены банковскому законодательству и надзору со стороны ЦБ РФ, но, в то же время, смогут пользоваться исключениями из запретов, установленных для кредитных организаций.

Впрочем, в рамках настоящего исследования больший интерес представляет правовая конструкция самого партнерского финансирования (как отечественного аналога исламской банковской деятельности) и используемых для осуществления такого финансирования договорных конструкций.

Как установлено в ст. 2 Закона № 417-ФЗ, партнерское финансирование – это осуществляемое в соответствии с запретом ставки процента (ч. 2 ст. 2) и запретом на финансирование отдельных («харамных») видов деятельности[220] (ч. 3 ст. 2) совершение сделок (операций), связанных с:

1) привлечением денежных средств и иного имущества в форме займа (кард аль-хасан), размещения облигаций (сукук), приема имущества в доверительное управление (мудараба) или приема вклада в уставный (складочный) капитал (мушарака, мудараба или конструкции корпоративного исламского права);

2) предоставлением денежных средств в форме займа (кард аль-хасан);

3) финансированием путем купли-продажи на условиях рассрочки (отсрочки) оплаты с взиманием вознаграждения (мурабаха);

4) финансированием путем предоставления имущества по договору финансовой аренды/лизинга (иджара), внесения вклада в уставный (складочный) капитал (мушарака, мудараба или конструкции корпоративного исламского

[219] Иванов О.М. Указ. соч. С. 65.

[220] К соответствующим видам деятельности в соответствии с ч. 3 ст. 2 Закона № 417-ФЗ отнесена деятельность, связанная с производством табачной и алкогольной продукции, оружия, боеприпасов, торговлей такими товарами, а также с игорным бизнесом.

права), осуществления совместной деятельности по договору простого товарищества (мушарака), инвестиционного товарищества (мудараба);

5) выдачей поручительств за третьих лиц.

Кард аль-хасан (беспроцентный заем) и сукук (исламский эквивалент облигаций) не рассматривались отдельно в рамках настоящего исследования. В исламской торговой деятельности сукук используется для подтверждения права на определенные материальные активы[221] и выполняет правоустанавливающие и правоподтверждающие функции. Как правило, сукук выдается при заключении договоров мудараба и мушарака. В свою очередь, кард аль-хасан в торговой деятельности, связанной с извлечением прибыли, используется редко. Данный исламский договор беспроцентного займа характерен преимущественно для исламского банкинга.

Остальные сделки, совершение которых допускается в рамках партнерского финансирования, связаны с четырьмя ключевыми исламскими торговыми договорами: мудараба, мушарака, иджара и мурабаха.

При этом и вне рамок эксперимента в отечественном правопорядке отдельные кредитные организации (например, Банк «Ак Барс») предоставляли своим клиентам услуги по договорам мудараба (в форме доверительного управления) и иджара (лизинговые операции). Таким образом, уникальными для российской практики стали только договоры мушарака и мурабаха. Заключение таких договоров напрямую связано с осуществлением торговой деятельности (финансирование под куплю-продажу – мурабаха) или с участием в ней (простое товарищество, участие в уставном капитале – мушарака). Однако, в силу прямого указания ч. 7 ст. 2 Закона № 417-ФЗ было установлено, что совершение сделок в рамках партнерского финансирования не является нарушением запретов и ограничений, установленных банковским законодательством.

Исходя из положений ст. 2 Закона № 417-ФЗ, можно сделать вывод, что *договор мудараба* может заключаться либо в форме договора доверительного

[221] Токмаков Е.А. Исламский банкинг: понятие, факторы становления и предпосылки развития в России // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2023. Том 15. № 3 (49). С. 83-105.

управления (если имущество привлекается банками и другими участниками ЭПР), либо в форме договора инвестиционного товарищества (если денежные средства предоставляются клиентам от участников ЭПР)[222].

Договор доверительного управления в рамках партнерского финансирования подчиняется общим положениям ГК РФ и Федерального закона «О рынке ценных бумаг»[223] с особенностями, предопределенными запретом рибы (включая запрет установления любого вознаграждения, не связанного с «коммерческой работой»). Как прямо указано в ч. 2 ст. 2 Закона № 417-ФЗ, включение в договоры партнерского финансирования условий об установлении вознаграждения в виде процентной ставки не допускается. Вознаграждение может устанавливаться в виде переменной величины, значение которой зависит от результатов коммерческой деятельности (эффективности доверительного управления имуществом клиентов). В целом, именно подобные условия о распределении прибыли (о вознаграждении сторон) свойственны для договоров мудараба. При этом подобный подход не противоречит общим положениям ГК РФ о вознаграждении доверительного управляющего[224].

Вознаграждение определяется в виде части дохода, полученного от использования привлеченных по договору партнерского инвестирования денежных средств при условии, что вознаграждение может быть выплачено только за счет дохода от использования таких денежных средств. Управляющий теряет право на вознаграждение при отсутствии дохода в результате использования денежных средств. Клиент теряет право на получение дохода при досрочном возврате денежных средств по его требованию, если иное не предусмотрено договором[225].

Договор может предусматривать условия определения клиентом способов использования денежных средств, перечня видов активов или объектов вложения

---

[222] Гутенева А. В. Возможности использования в отечественном правопорядке исламского коммерческого договора мудараба // Хозяйство и право. 2025. № 3(578). С. 87-102.
[223] Федеральный закон от 22.04.1996 N 39-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.
[224] Гутенева А. В. Указ. соч. С. 95.
[225] Там же.

денежных средств либо условия использования денежных средств клиента отдельно от денежных средств иных клиентов без права их объединения[226].

Приведенные положения в полной мере соответствуют правовой конструкции договора мудараба.

Впрочем, что примечательно, правовая конструкция договора мудараба не соответствует общегражданским положениям о доверительном управлении. Так, в соответствии с п. 2 ст. 1013 ГК РФ устанавливается, что объектом доверительного управления не могут быть деньги за исключением случаев, прямо предусмотренных законом (именно такой случай устанавливается в ст. 5 Закона о РЦБ, что позволяет использовать договор доверительного управления участникам эксперимента по партнерскому финансированию). В то же время, по договору мудараба в управление предоставляется именно капитал. Данный договор изначально ориентирован на создание халяльного аналога инвестиционного («спекулятивного») партнерства[227].

В подобном контексте для использования договора мудараба в рамках обычной коммерческой деятельности, не связанной с партнерским финансированием, требуется формирование специальной правовой конструкции договора мудараба. В рамках действующего законодательства договор доверительного управления может использоваться в качестве российского аналога договора мудараба только в тех случаях, когда законом прямо предусмотрено доверительное управление денежными средствами[228].

Учитывая все вышеизложенное, представляется оправданным согласиться с О.М. Ивановым, который предлагает рассматривать договор доверительного управления, применяемый в рамках эксперимента по партнерскому инвестированию, в качестве особого договора партнерского инвестирования[229].

По такому договору исламская банковская организация обязуется принимать денежные средства клиента на определенный срок без гарантии их

---

[226] Там же. С. 96.
[227] Гутенева А. В. Указ. соч. С. 97.
[228] Там же.
[229] Иванов О.М. Указ. соч. С. 67.

возврата в номинальном выражении, выплачивать по ним доход в зависимости от результатов использования переданных денежных средств в порядке, предусмотренном договором партнерского инвестирования. Аналогичные требования установлены в ст. 52-6 Закона Республики Казахстан «О банках и банковской деятельности»[230] в отношении договора инвестиционного депозита, который был внедрен в казахстанский правопорядок в рамках процесса имплементации исламских финансов[231].

К договору партнерского инвестирования правила о договоре доверительного управления подлежат применению сугубо в качестве общих норм, то есть с учетом установленных специальным законодательством особенностей управления денежными средствами, порядка их возврата, распределения рисков и прибыли между сторонами, способа определения вознаграждения управляющего и др.[232]

При этом за пределами сферы партнерского финансирования (т.е. вне сферы исламского банкинга) заключение договоров мудараба должно осуществляться при помощи договоров инвестиционного товарищества. Договоры инвестиционного товарищества в качества аналога договора мудараба уже предлагались к использованию в российском правопорядке. Кроме того, соответствующие договоры в соответствии со ст. 2 Закона № 417-ФЗ также могут заключаться в рамках партнерского финансирования, но уже в качестве халяльного аналога кредита (а не банковского доверительного управления). В целом, действующее правовое регулирование инвестиционного товарищества подходит для соответствующих целей[233].

Тем не менее, возможные направления совершенствования отечественного законодательства в соответствующей сфере станут окончательно ясны после завершения эксперимента по партнерскому финансированию[234].

---

[230] Закон Республики Казахстан от 31 августа 1995 года № 2444 «О банках и банковской деятельности» [Электронный ресурс]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002444_/z952444.htm (дата обращения: 20.10.2024).
[231] Гутенева А. В. Указ. соч. С. 98.
[232] Гутенева А. В. Указ. соч. С. 98.
[233] Там же.
[234] Там же. С. 99.

Так, что примечательно, в уже сложившейся практике участников ЭПР по применению партнерского финансирования, для привлечения денежных средств клиентов в целях их последующего инвестирования используются не договоры доверительного управления (и не договоры мудараба), а агентские договоры (именуемые в рамках исламской правовой традиции вакаля). Вакаля представляют собой агентские договоры, по которым одна сторона уполномочивает другую сторону вести предпринимательскую деятельность от ее имени за вознаграждение или без такового[235]. При этом действующее законодательство не содержит в себе каких-либо ограничений на его применение[236].

Например, ПАО «Сбербанк» предоставляет услуги по халяльному управлению инвестициями клиентов именно на базе агентских договоров вакаля, включая: Биржевый ПИФ «Халяльные инвестиции»[237] и Стратегию доверительного управления «Халяльные инвестиции»[238]. В целом, исламский агентский договор вакаля используется ПАО «Сбербанк» достаточно широко. В то же время, стоит отметить, что Банк «Ак Барс» для соответствующих целей использует предусмотренный Законом № 417-ФЗ договор доверительного управления[239]. В подобном контексте предложение О.М. Иванова о введении специального договора партнерского инвестирования выглядит еще более перспективным, поскольку позволит устранить сложившуюся неопределенность банковской практики[240].

Договор иджара как исламский аналог лизинга в рамках отечественного правопорядка аналогично оформляется договорами финансовой аренды (лизинга).

---

[235] Токмаков Е.А. Указ. соч. С. 88.
[236] Гутенева А. В. Указ. соч. С. 99.
[237] Биржевый паевый инвестиционный фонд «Халяльные инвестиции». Официальная фетва [Электронный ресурс] // ПАО «Сбербанк»: официальный сайт. URL: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/islamic-banking/pai_fond_invest_fetva.pdf (дата обращения: 20.10.2024).
[238] Стратегия доверительного управления «Халяльные инвестиции». Официальная фетва [Электронный ресурс] // ПАО «Сбербанк»: официальный сайт. URL: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/islamic-banking/doverit_upr_fetva.pdf (дата обращения: 20.10.2024).
[239] Типовая форма договора доверительного управления активами физического лица для стандартной стратегии «ЛАЛЭ» [Электронный ресурс] // Банк «Ак Барс»: официальный сайт. URL: https://akbars-capital.ru/trust-control/ (дата обращения: 20.10.2024).
[240] Гутенева А. В. Указ. соч. С. 99.

Проблематика использования отечественной договорной конструкции финансовой аренды для заключения договоров иджара преимущественно касается условия о переходе права собственности на предмет лизинга к лизингополучателю (т.е. условия о выкупе предмета лизинга).

В соответствии с исламской правовой традицией (подтвержденной нормами национального права ОАЭ и Саудовской Аравии) договор иджара не может предполагать перехода права собственности на предмет договора. При наличии в договоре соответствующих условий исламские правопорядки квалифицируют его как договор мурабаха или истисна (договоры финансирования под куплю-продажу или поставку с фиксированной наценкой). Извлечение прибыли в рамках данных договорных конструкций возможно только в виде фиксированной суммы прибыли, заранее однозначно определенной в договоре. Получение дополнительной имущественной выгоды (как в виде процентов, так и в ином виде), поставленной под переменные условия, договорами мурабаха и истисна не допускаются как противоречащие шариату. А именно такие переменные условия и дополнительная имущественная выгода предусматриваются правовой конструкцией договора иджара.

Аналогичным образом отмеченный запрет перепродажи с установлением переменной наценки влечет за собой и отказ от включения в традиционную конструкцию договора иджара условия о приобретении предмета лизинга лизингодателем у поставщика. Переход права собственности к лизингодателю от поставщика здесь рассматривается как дополнительный риск, связанный с возможной квалификацией договорных отношений в качестве перепродажи (с применением требований о запрете переменных ставок вознаграждения лизингодателя). Впрочем, ключевым условием является все же отсутствие перепродажи предмета лизинга, в связи с чем договор иджара может включать в себя условия о переходе права собственности к лизингодателю.

Также стоит отметить, что при оформлении иджары посредством договора финансовой аренды (лизинга) действуют общие запреты шариата, связанные с запретом рибы. Вознаграждение лизингодателя (торговая риба) не может носить

безусловный характер, а должно быть связано с совершением им «коммерческой работы» (поиска поставщика, заключения сделок, сопровождения расчетов и т.п.). Установление вознаграждения в виде процентов (долговая риба) на сумму денежных средств, потраченных для приобретения предмета лизинга, не допускается.

Таким образом, оформление договора иджара в отечественном правопорядке может осуществляться посредством договора финансовой аренды (лизинга), который:

1) не содержит в себе условий о переходе права собственности на предмет лизинга к лизингополучателю;

2) содержит в себе условия о вознаграждении лизингодателя в виде фиксированной суммы или в виде переменной суммы, поставленной в зависимость от определенных показателей или критериев;

3) исключает взимание процентов за просрочку и иных штрафных процентов.

Дополнительно повышению степени соответствия договора лизинга правовой конструкции иджара может способствовать исключение из него условий о приобретении предмета лизинга у поставщика. При этом переход права собственности на предмет лизинга может оформляться иными договорами, в частности, договорами купли-продажи между поставщиком и лизингодателем, а также между лизингодателем и лизингополучателем.

В целом, соблюдения данных ограничений достаточно для обеспечения соответствия требованиям шариата. Однако, стоит отметить, что в отдельных исламских правовых школах (мазхабах) подход к договорной конструкции иджара может носить более жесткий характер. Так, в частности, в правопорядке Саудовской Аравии заключение договора иджара возможно только в виде договора о совместной деятельности (договора о разделе продукции), по которому одна сторона («владелец капитала», т.е. лизингодатель) передает в пользование другой стороне («работнику», т.е. лизингополучателю)

непотребляемую вещь в обмен на долю в общей продукции, произведенной с использованием данной вещи (ст. 566 ГК СА).

Приведенные ограничения осознаются и участниками ЭПР в сфере партнерского финансирования. Так, в частности, в ПАО «Сбербанк» в целях оформления лизинговых операций в соответствии с требованиями шариата используется сложный состав исламских торговых договоров, включающий в себя: 1) договор вакаля (агентский договор); 2) договор иджара (лизинг); и 3) договор ограниченной мударабы (договор о совместной деятельности). В совокупности система приведенных исламских торговых договоров именуется «Аккредитив – Ограниченная мудараба»[241] (несмотря на термин «аккредитив» в названии соответствующий банковский продукт используется для оформления именно лизинговых операций в соответствии с требованиями шариата).

В рамках данной договорной системы ПАО «Сбербанк» заключает договор Вакаля биль Иджара (агентский договор с лизингополучателем на заключение договора лизинга с лизинговой компанией). По данному агентскому договору ПАО «Сбербанк» подбирает лизинговую компанию и заключает с ней от имени лизингополучателя договор иджара и договор ограниченной мударабы. По договору иджара лизингополучатель обязуется выплачивать лизинговой компании фиксированные платежи. По договору ограниченной мударабы лизингополучатель обязуется выплачивать лизинговой компании часть прибыли, полученной от использования предмета лизинга. В свою очередь, лизинговая компания предоставляет ПАО «Сбербанк» независимые поручительства и гарантии (Кафаля биль Маль) на уплату фиксированных платежей.

Подобное структурирование банковских лизинговых операций оправданно коммерческими соображениями ПАО «Сбербанк» (получением поручительства и гарантий от лизинговой компании на фиксированные платежи, что гарантирует возврат суммы основного долга). Однако, стоит отметить, что правовая конструкция договора иджара позволяет и без использования договора мудараба

[241] Продукт «Аккредитив – Ограниченная мудараба». Официальная фетва. [Электронный ресурс] // ПАО «Сбербанк»: официальный сайт. URL: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/islamic-banking/prod_akkred_ogr_fetva.pdf (дата обращения: 20.10.2024).

взимать с лизингополучателя платежи, зависящие от результатов использования предмета лизинга (именно подобная конструкция обязательств лизингополучателя/работника использована в правопорядке Саудовской Аравии).

В то же время, подход ПАО «Сбербанк» в части использования правовой конструкции договора мудараба для оформления лизинга по правилам шариата может быть оправданным. Договор мудараба позволяет лизингодателю вступать в совместную партнерскую деятельность с лизингополучателем и в качестве партнера претендовать на часть полученного дохода. При этом лизингодатель может участвовать в партнерстве только в форме предоставления предмета лизинга. Лизингополучатель, в свою очередь, при использовании предмета лизинга будет выступать как управляющий партнер.

Однако, существенным ограничением использования договора мудараба для структурирования лизинговых операций является: 1) невозможность включения в договор условия о переходе права собственности на предмет лизинга; 2) невозможность установления фиксированных платежей, не зависящих от прибыли. Если первое ограничение тождественно ограничениям договорной конструкции иджара и может быть компенсировано за счет заключения отдельного договора купли-продажи предмета лизинга, то второе ограничение не позволяет устанавливать никаких дополнительных платежей в пользу лизингодателя кроме доли от прибыли (что несет в себе слишком серьезные риски для лизингодателя в случаях, когда деятельность лизингополучателя не приносит прибыли).

Таким образом, в отечественном правопорядке лизинговые операции приоритетнее оформлять при помощи исламского торгового договора иджара (а не мудараба). При этом использования договора мудараба в данном случае, по общему правилу, не требуется. Договор иджара позволяет устанавливать не только фиксированное вознаграждение лизингодателя, но и переменное вознаграждение, поставленное в зависимость от определенных показателей (например, от полученной лизингополучателем прибыли).

Впрочем, возвращаясь к проблематике внедрения договора иджара в отечественный правопорядок, стоит отметить, что ввиду наличия ряда ограничений на применение общей правовой конструкции договора финансовой аренды (лизинга) может быть оправданным признание за договором иджара особой правовой природы как специального договора партнерского лизинга (по аналогии с договором партнерского финансирования).

В отличие от договора финансовой аренды (лизинга), договор партнерского лизинга должен носить двухсторонний характер (связывать только лизингодателя и лизингополучателя), исключать переход права собственности на предмет лизинга к лизингополучателю, предусматривать условия о вознаграждении лизингодателя в виде фиксированной суммы или в виде переменной суммы, поставленной в зависимость от определенных показателей или критериев, а также исключать взимание процентов за просрочку и иных штрафных процентов.

Договор мурабаха (финансирование под куплю-продажу с фиксированной наценкой) до начала эксперимента по партнерскому финансированию был недоступен отечественным кредитным организациям ввиду его непосредственной связи с торговой деятельностью. При этом, исходя из положений ст. 2 Закона № 417-ФЗ, а также практики участников ЭПР, можно сделать вывод о том, что именно договором мурабаха является указанное в законе финансирование путем купли-продажи на условиях рассрочки (отсрочки) оплаты с взиманием вознаграждения.

По договору мурабаха продавец на основе запроса о финансировании со стороны покупателя в рассрочку продает ему определенный актив, фактически находящийся в собственности у продавца или принадлежащий продавцу в виде права требования по договору.

При этом стоимость актива для покупателя в рамках договора мурабаха складывается из двух составляющих[242]:

[242] См., например: Идрисов Х. В. Договор исламской рассрочки (мурабаха): понятие, существенные условия и сравнительно- правовой анализ / Х. В. Идрисов, А. С. Тазбаев // Закон. 2023. № 10. С. 157-165.

1) себестоимости, по которой актив был приобретен продавцом (размера обязательства продавца перед третьим лицом, у которого был приобретен указанный покупателем актив),

2) фиксированной суммы прибыли, которая полагается продавцу за выполнение запроса о финансировании со стороны покупателя (халяльный аналог ставки процента, размер которого не может быть изменен и не может быть привязан к переменным индикаторам как, например, ставка рефинансирования).

Таким образом, договорное оформление мурабахи в отечественном правопорядке осуществляется заключением договоров купли-продажи (если к продавцу по договору с третьим лицом уже перешло право собственности на актив) или договоров уступки права требования (если по договору с третьим лицом право собственности еще не перешло к продавцу, обязательства по договору не были исполнены третьими лицом в полном объеме). При этом ключевыми условиями подобных договоров купли-продажи или уступки права требования будут являться следующие:

1) условия приобретения предмета договора продавцом у третьего лица (стоимость, характеристики, сроки приобретения);

2) условие о рассрочке (отсрочке) платежей по договору;

3) условие о фиксированном размере вознаграждения продавца за предоставление финансирования и приобретение указанного покупателем актива;

4) условия, исключающие применение штрафных или иных процентов к договорным отношениям.

При этом, несмотря на то что в ст. 2 Закона № 417-ФЗ говорится о финансировании только путем купли-продажи (что коррелирует с договором мурабаха), в практике участников ЭПР по партнерскому финансированию соответствующие положения закона трактуются широко и рассматриваются как включающие в себя не только куплю-продажу, но и уступку права требования и поставку. Так, в частности, в ПАО «Сбербанк» банковский продукт «Ипотека

Мурабаха»[243], несмотря на свое название, предполагает использование не только договора мурабаха, но и договора истисна. Последний применяется для оформления в соответствии с требованиями шариата договоров ипотеки строящегося жилья (в т.ч. в рамках участия граждан в коллективном строительстве на основании договоров долевого участия). Иными словами, мурабаха используется для оформления ипотеки на построенную недвижимость, а истисна – для оформления ипотеки на недвижимость, находящуюся на этапе строительства.

По своей конструкции *договор истисна* представляет собой финансирование под поставку товара, находящегося в производстве. При этом здесь поставка товара понимается не в том значении, которое используется в отечественном правопорядке, а более широко – как приобретение любых товаров, которые еще не произведены.

В договорах истисна продавец продает покупателю описанный им товар, который еще не произведен, по фиксированной общей цене с указанием срока производства и поставки (передачи) данного товара. Помимо срока в договоре истисна существенными условиями выступают класс, тип и количество товара, который должен быть произведен и поставлен покупателю.

При этом продавец по договору истисна обязан обеспечить выполнение работ по его производству. Выполнение работ может осуществляться как самим продавцом, так и третьим лицом, не являющимся стороной договора истисна. Цена договора фиксированная с фиксированной надбавкой за «коммерческую работу» продавца.

Приведенные особенности договорной конструкции истисна вполне укладываются в рамки общей системы ипотечного кредитования участников коллективного строительства. Ключевым отличием здесь будет являться только то, что стороной договора долевого участия в строительстве первоначально будет

[243] Продукт «Ипотека Мурабаха». Официальная фетва. [Электронный ресурс] // ПАО «Сбербанк»: официальный сайт. URL: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/islamic-banking/ipoteka_fetva.pdf (дата обращения: 20.10.2024).

выступать не гражданин, а кредитная организация, которая впоследствии уступит право требования по ДДУ гражданину.

Таким образом, для структурирования договорных отношений, связанных с истисна, по отечественному законодательству необходимо использование двух последовательных договоров:

1) договор на производство или поставку актива, запрошенного «покупателем», заключенный между лицом, предоставляющим финансирование, и третьим лицом (договор подряда, договор строительного подряда, договор поставки и др.);

2) договор уступки права требования (истисна) между лицом, предоставляющим финансирование, и лицом, запрашивающим финансирование («покупателем»).

Условия подобного договора уступки права требования будут аналогичны условиям договора уступки права требования в рамках оформления мурабахи.

В целом, действующее российское гражданское законодательство не содержит в себе императивных норм, препятствующих приведенному выше структурированию договорных отношений по модели мурабаха и истисна. Однако, в целях повышения правовой определенности соответствующие договорные конструкции в отечественном правопорядке могут быть обозначены как договоры партнерской купли-продажи (мурабаха) и партнерской уступки права требования (истисна).

Впрочем, стоит отметить, что для кредитных организаций использование договоров мурабаха и истисна в настоящее время осложнено требованиями налогового законодательства, а именно – правилами обложения сделок купли-продажи и уступки прав требования налогом на добавленную стоимость. В рамках системы договоров, оформляющих мурабаху и истисну, последовательно реализуется две сделки купли-продажи. При этом цена первой сделки (с третьим лицом) ниже цены второй сделки (с лицом, запросившим финансирование) на размер фиксированной прибыли лица, предоставившего финансирование. Как

следствие, возникает дополнительное обложение НДС фиксированного вознаграждения банка.

В целях устранения данной проблемы О.М. Иванов предлагает при применении п. 2 ст. 146 НК РФ «не признавать объектом налогообложения по НДС: 1) наценку по заключаемым договорам [партнерской] купли-продажи в рассрочку; 2) вознаграждения, получаемые по договорам партнерского инвестирования, а также агентским и посредническим договорам, заключаемым при осуществлении операций партнерского финансирования»[244]. Учитывая, что на практике банки применяют не только мурабаху, но и истисну, целесообразным представляется также освободить от обложения НДС наценку по договорам партнерской уступки права требования.

Наконец, *договор мушарака* в соответствии с положениями ст. 2 Закона № 417-ФЗ в рамках партнерского финансирования может оформляться посредством заключения договора простого товарищества. Также в качестве способа правового оформления договора мушарака могут быть использованы договоры о внесении вклада в складочный капитал полного товарищества или коммандитного товарищества (при условии, что стороны договора мушарака являются полными товарищами). Однако, в контексте настоящего исследования нас интересует только договор простого товарищества (как организационный торговый договор).

Договор простого товарищества, заключенный в целях ведения предпринимательской деятельнсти, в силу прямого указания ст. 1041 ГК РФ отнесен к торговым (предпринимательским) договорам и может заключаться только ИП и коммерческими организациями. Подобный подход ГК РФ соответствует и исламской правовой доктрине (а также национальному законодательству ОАЭ и Саудовской Аравии), в соответствии с которой договор мушарака рассматривается как договор о деловом партнерстве.

Положения об общем имуществе полных товарищей (ст. 1043 ГК РФ), порядке ведения общих дел (ст. 1044 ГК РФ), порядке покрытия расходов и

[244] Иванов О.М. Указ. соч. С. 68.

убытков (ст. 1046 ГК РФ), солидарной ответственности товарищей-предпринимателей (п. 2 ст. 1047 ГК РФ), распределении прибыли (ст. 1048 ГК РФ) практически полностью совпадают с аналогичными условиями договора мушарака.

Единственным серьезным отличием правового регулирования договора простого товарищества в отечественному правопорядке от подхода к регулированию договора мушарака является тот факт, что мушарака не допускает совершение вклада в форме влияния, репутации или кредитоспособности. В подобном контексте к договору мушарака не подлежат применению положения п. 1 ст. 1042 ГК РФ в части, допускающей признание вкладом деловой репутации и деловых связей.

Договор мушарака в настоящее время не применяется участниками ЭПР по партнерскому инвестированию, а положения п. 1 ст. 1042 ГК РФ носят диспозитивный характер, в связи с чем договор мушарака в отечественном правопорядке может рассматриваться как договор простого товарищества, заключенного в целях ведения предпринимательской деятельности и не допускающего внесения вклада в виде деловой репутации и деловых связей. Дополнительного специального обособления договора мушарака в отечественном правопорядке не требуется.

Таким образом, завершая анализ перспектив применения концепции мусульманских коммерческих договоров в отечественном правопорядке, можно отметить, что концептуальных препятствий для использования исламских договорных конструкций российское гражданское законодательство не содержит. Существенные трудности с имплементацией исламских торговых договоров в отечественный правопорядок связаны исключительно с более комплексной задачей по внедрению исламского банкинга (партнерского финансирования). Однако, ввиду того деятельность исламских банков непосредственно связана с заключением исламских торговых договоров, проблемы и препятствия, существующие в банковском законодательстве, также должны учитываться при конструировании отечественных аналогов исламских договорных конструкций.

При этом исходя из положений Закона № 417-ФЗ и первичных результатов эксперимента по партнерскому финансированию можно сделать вывод о том, что на текущем этапе в рамках российского исламского банкинга востребованы шесть основных категорий исламских коммерческих договоров: мудараба, иджара, мурабаха, истисна, вакаля и мушарака.

По российскому праву договор мудараба может быть оформлен посредством двух альтернативных видов договоров: 1) договор доверительного управления; 2) договор инвестиционного товарищества[245].

Однако, ввиду того что договор мудараба предполагает передачу в управление капитала (в т.ч. денежных средств) к нему не могут быть применены общегражданские положения о доверительном управлении. Заключение договора доверительного управления денежными средствами допускается только в случаях, предусмотренных законом. Таким образом, договор мудараба может оформляться договором доверительного управления только в рамках партнерского финансирования (исламского банкинга).

Учитывая узкую сферу применения договора доверительного управления как аналога договора мудараба, а также специфику банковского законодательства и законодательства об РЦБ, представляется оправданным в соответствующей сфере использовать специальный договор партнерского инвестирования.

По такому договору исламская банковская организация (включая некредитные финансовые организации) обязуется принимать денежные средства клиента на определенный срок без гарантии их возврата в номинальном выражении, выплачивать по ним доход в зависимости от результатов использования переданных денежных средств. Включение в договоры условий об установлении вознаграждения в виде процентной ставки не допускается[246].

По общему правилу, договор мудараба должен оформляться посредством заключения договоров об инвестиционном товариществе. Именно данный

[245] Гутенева А. В. Возможности использования в отечественном правопорядке исламского коммерческого договора мудараба // Хозяйство и право. 2025. № 3(578). С. 87-102.
[246] Гутенева А.В. Указ. соч. С. 100.

договор в наибольшей степени подходит для надлежащего оформления соответствующих правоотношений за пределами банковской сферы[247].

Конструкция договора об инвестиционном товариществе, оформляющая договор мудараба, следующая: одна сторона (товарищ-инвестор) обязуется предоставить капитал (сделать имущественный вклад), а другая сторона (управляющий товарищ) – собственные усилия и «коммерческую работу», направленные на получение прибыли из предоставленного капитала. Полученная прибыль распределяется между сторонами в соответствии с согласованными в договоре условиями[248].

Товарищ-инвестор несет риски потери вложенного капитала. Включение в договор условий, защищающих «инвестора» от потери инвестированного капитала при отсутствии небрежности со стороны управляющего товарища, запрещается. Договором могут быть предусмотрены детальные условия осуществления коммерческой деятельности, гарантирующие имущественные интересы товарища-инвестора. Нарушение таких ограничивающих условий влечет за собой возложение понесенных убытков управляющего товарища[249].

При этом, по общему правилу, управляющий товарищ должен осуществлять управление капиталом лично (передача капитала для «спекуляций» третьему лицу допускается только с согласия товарища-вкладчика, внесшего такой капитал).

Оформление договора иджара в отечественном правопорядке может осуществляться посредством договора финансовой аренды (лизинга), который: 1) не содержит в себе условий о переходе права собственности на предмет лизинга к лизингополучателю; 2) содержит в себе условия о вознаграждении лизингодателя в виде фиксированной суммы или в виде переменной суммы, поставленной в зависимость от определенных показателей или критериев (включая долю в прибыли от использования предмета лизинга); 3) исключает взимание процентов за просрочку и иных штрафных процентов. Дополнительно повышению степени соответствия договора лизинга правовой конструкции иджара может

[247] Там же.
[248] Там же.
[249] Там же.

способствовать исключение из него условий о приобретении предмета лизинга у поставщика.

Ввиду наличия ряда ограничений на применение общей правовой конструкции договора финансовой аренды (лизинга) может быть оправданным признание за договором иджара особой правовой природы как специального договора партнерского лизинга (по аналогии с договором партнерского финансирования).

В отличие от договора финансовой аренды (лизинга), договор партнерского лизинга должен носить двухсторонний характер (связывать только лизингодателя и лизингополучателя), исключать переход права собственности на предмет лизинга к лизингополучателю, предусматривать условия о вознаграждении лизингодателя в виде фиксированной суммы или в виде переменной суммы, поставленной в зависимость от определенных показателей или критериев, а также исключать взимание процентов за просрочку и иных штрафных процентов.

Договорная конструкция мурабахи в отечественном правопорядке требует последовательного заключения двух договоров: 1) договор купли-продажи между лицом, предоставляющим финансирование, и третьим лицом (поставщиком); 2.1) договор купли-продажи между лицом, предоставляющим финансирование, и лицом, запрашивающим финансирование, (если к продавцу по договору с третьим лицом уже перешло право собственности на актив), либо 2.2) договор уступки права требования по первоначальному договору купли-продажи (если по договору с третьим лицом право собственности еще не перешло к продавцу).

Договором мурабаха будет второй договор в данной цепочке. Однако, условиями договора мурабаха будет заключение договора с третьим лицом (поставщиком) первого договора купли-продажи.

Ключевыми условиями договоров купли-продажи или уступки права требования как договоров мурабаха будут являться следующие: 1) условия приобретения предмета договора продавцом у третьего лица (стоимость, характеристики, сроки приобретения); 2) условие о рассрочке (отсрочке) платежей по договору; 3) условие о фиксированном размере вознаграждения

продавца за предоставление финансирования и приобретение указанного покупателем актива; 4) условия, исключающие применение штрафных или иных процентов к договорным отношениям.

Для структурирования договорных отношений, связанных с истисна, по отечественному законодательству необходимо использование двух последовательных договоров: 1) договор на производство или поставку актива, указанного лицом, запрашивающим финансирование, заключенный между лицом, предоставляющим финансирование, и третьим лицом (договор подряда, договор строительного подряда, договор поставки и др.); 2) договор уступки права требования (истисна) между лицом, предоставляющим финансирование, и лицом, запрашивающим финансирование.

Условия подобного договора уступки права требования будут аналогичны условиям договора уступки права требования в рамках оформления мурабахи.

Действующее российское гражданское законодательство не содержит в себе императивных норм, препятствующих приведенному выше структурированию договорных отношений по модели мурабаха и истисна. Однако, в целях повышения правовой определенности соответствующие договорные конструкции в отечественном правопорядке могут быть обозначены как договоры партнерской купли-продажи (мурабаха) и партнерской уступки права требования (истисна).

Вакаля оформляется заключением агентских договоров, по которым одна сторона уполномочивает другую сторону вести предпринимательскую деятельность от ее имени за вознаграждение или без такового. При этом действующее законодательство не содержит в себе каких-либо ограничений на его применение[250].

Договор мушарака в отечественном правопорядке представляет собой договор простого товарищества, заключенного в целях ведения предпринимательской деятельности и не допускающего внесения вклада в виде

[250] Гутенева А. В. Возможности использования в отечественном правопорядке исламского коммерческого договора мудараба // Хозяйство и право. 2025. № 3(578). С. 87-102.

деловой репутации и деловых связей. Дополнительного специального обособления договора мушарака в отечественном правопорядке не требуется.

Тем не менее, возможные направления совершенствования отечественного законодательства в соответствующей сфере станут окончательно ясны после завершения эксперимента по партнерскому финансированию.

3.2. Электронные сделки и цифровизация коммерческого права в мусульманских странах: возможности применения зарубежного опыта в России

Современный этап развития экономики характеризуется стремительной цифровой трансформацией, затрагивающей все без исключения сферы хозяйственной деятельности[251]. Глобальная цифровизация торговых отношений не могла обойти стороной и мусульманские правопорядки, перед которыми встала задача адаптации религиозно-правовых принципов шариата к реалиям информационного общества[252]. Данный процесс представляет особый научный интерес, поскольку затрагивает фундаментальные вопросы совместимости традиционных исламских договорных конструкций с инновационными технологическими решениями.

Переход торговой деятельности в электронную среду поставил перед исламской правовой доктриной ряд принципиальных вопросов относительно допустимости заключения договоров посредством цифровых коммуникаций.

Так, в частности, классическая исламская теория договора традиционно уделяла значительное внимание форме волеизъявления сторон, требуя наличия четко выраженных предложения и акцепта[253]. В условиях электронного взаимодействия возникла необходимость переосмысления данных требований с

---

[251] Сафина Т. А. Актуальность и значимость исследования процессов трансформации и цифровизации экономики в современном мире // Евразийский юридический журнал. 2021. № 6(157). С. 228-229.

[252] Медушевский Н. А. Современные институты исламского права / Н. А. Медушевский, А. С. Громова // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Т. 12, № 5А-6А. С. 89-100; Ахмедов Р. М. Некоторые особенности соотношения традиций мусульманского сообщества и современных цифровых технологий / Р. М. Ахмедов, Н. Д. Эриашвили, Ю. А. Иванова // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. С. 35-38.

[253] Кузнецова А.Н., Тенберга И. Купля-продажа и запрет неопределенности (гарар) в исламской традиции // Правоведение. 2022. №2. С. 162-192.

учетом специфики дистанционного заключения сделок (что, впрочем, характерно и для светского торгового права[254]).

Исламская правовая доктрина (фикх) достаточно гибко подошла к разрешению данной проблемы. Большинство современных мусульманских правоведов[255] признали допустимость заключения торговых договоров посредством электронных средств связи, опираясь на принцип дозволенности (ибаха[256]) в сфере муамалат и общую направленность шариата на проведение торговых операций. Ключевым требованием при этом остается соблюдение базовых условий действительности исламского договора: определенность предмета сделки, отсутствие запрещенных элементов (гарар, мейсир, риба), соответствие общим целям шариата (макасид аль-шариа).

С точки зрения исламского торгового права электронные торговые договоры не составляют отдельной категории договоров, а представляют собой традиционные исламские договорные конструкции (мурабаха, истисна, иджара, салям и др.), заключаемые с использованием электронных средств связи. Соответственно, к ним применяются все общие требования шариата в отношении соответствующих договорных типов. Электронная форма заключения договора не освобождает стороны от необходимости соблюдения запретов рибы, гарара и мейсира, а также не изменяет существенные условия договоров.

Вместе с тем электронная форма договора порождает специфические правовые риски, связанные с идентификацией сторон, подтверждением волеизъявления, фиксацией момента заключения договора. Практическое значение имеет также вопрос о возможности применения электронной формы к

---

[254] См., например: Джумагулов Д. Д. Заключение договора путем совершения конклюдентных действий в сети Интернет // Закон. 2023. № 5. С. 167-176; Джумагулов Д. Д. Проблемы согласования воли сторон при заключении договоров цифровой подписки // Закон. 2025. № 9. С. 171-181.

[255] См., например: Uriawan W., Tarigan M. F., Zebua H. K., Andriansyah M. N., Sukarya M., Haikal M. R. E-commerce Transactions in Islam: Fiqh Muamalah on The Validity of Buying and Selling on Digital Platforms [Электронный ресурс] // arXiv. 2025. DOI: 10.48550/arXiv.2601.02384; Firouzkah Z., Montazeri Z., Faghani R. Examining the Legitimacy of Electronic Commerce in Islamic Jurisprudence // Comparative Studies in Jurisprudence, Law, and Politics. 2026. Vol. 8, № 1. P. 1-12; دراسة :الشرعية وأحكامه الإلكتروني البيع .عجاج العزيز عبد إبراهيم محمد مسعود، مايدالح عبد القادر عبد أحمد [Электронная торговля и ее шариатские предписания: аналитическое исследование фикх] // المجلة التحليلية الفقهية [Ливийский журнал современных академических исследований]. 2025. Т. 3, № 2. С. 1-10. DOI: 10.65417/ljcas.v3i2.181.

[256] Аль-Захрави М. А., Салимов М. Р. Методология Ибн аль-Хумама в книге «ат-Тахрир фи усуль аль-фикх» // Minbar. Islamic Studies. 2023. Т. 16, № 4. С. 848–858.

договорам, для которых традиционно требовалось присутствие сторон или свидетелей.

Данные риски потенциально могут рассматриваться как проявления неопределенности (гарар), запрещенной шариатом. В этой связи законодательство мусульманских стран идет по пути детальной регламентации порядка заключения электронных торговых договоров, минимизирующей соответствующие правовые риски.

Объединенные Арабские Эмираты одними из первых в регионе приняли специальное законодательство об электронной торговле. Федеральный закон ОАЭ № 1 от 2006 г. «Об электронной торговле и сделках»[257] заложил правовые основы для признания юридической силы электронных документов, электронных подписей и электронных записей.

Данный закон установил принцип функциональной эквивалентности, согласно которому электронные документы приравниваются по своей юридической силе к документам на бумажном носителе при соблюдении установленных требований. Аналогичное правило о приравнивании электронных документов к письменной форме сделки сегодня закреплено в абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ[258].

Однако, в отличие от российского гражданского кодекса, который предусматривает только возможность воспроизведения на материальном носителе в неизменном виде, а также возможность достоверной идентификации стороны сделки, Закон ОАЭ также регламентировал порядок определения времени и места заключения электронного договора, что имеет принципиальное значение для установления применимого права и юрисдикции при трансграничных сделках. Здесь достаточно явно прослеживается торговая направленность Закона ОАЭ, что дистанцирует его от религиозного гражданско-правового регулирования.

---

[257] Federal Law № 1 of 2006 On Electronic Commerce and Transactions [Электронный ресурс] // URL: https://tahseen.ae/media/2670/uae-2006-ecommerce-and-transactions-law-english.pdf (дата обращения: 05.02.2026).

[258] Подробнее см.: Татаркина К. П. Форма сделок в гражданском праве России. Томск: Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 2012. 263 с.; Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 3-е изд. М.: Статут, 2020. 920 с.; Джумагулов Д. Д. Электронная форма соглашения: правовые проблемы идентификации лица, выразившего волю // Юридические исследования. 2025. № 7. С. 89-106.

Последующая эволюция законодательства ОАЭ в сфере электронной коммерции была направлена на усиление защиты прав потребителей. Федеральный закон ОАЭ № 15 от 2020 г. «О защите прав потребителей»[259] установил специальные требования к поставщикам цифровых услуг, включая обязанность обеспечения защиты персональных данных потребителей (п. 5 ст. 5), запрет использования данных в маркетинговых целях без согласия потребителя, а также требование учета религиозных убеждений, обычаев и традиций потребителей при предоставлении товаров и услуг (п. 6 ст. 5). Последнее требование имеет особое значение для обеспечения соответствия электронной торговли принципам шариата[260].

Королевство Саудовская Аравия приняло комплексный Закон об электронной коммерции в 2019 г.[261], который установил всеобъемлющую нормативную базу для регулирования электронной торговой деятельности. Закон определил обязательные требования к субъектам электронной коммерции, включая требования о раскрытии информации, регистрации электронных торговых площадок, соблюдении стандартов защиты данных. Имплементирующие положения Закона, принятые в январе 2020 г.[262], детализировали процедуры регистрации субъектов электронной коммерции, требования к содержанию электронных договоров, порядок рассмотрения споров.

Особенностью саудовского подхода стала интеграция требований электронной коммерции с общими принципами торгового законодательства, построенного на базе шариата. Закон об электронной коммерции Саудовской Аравии не создает отдельного правового режима для электронных сделок, а встраивает их в существующую систему торгового регулирования с учетом

---

[259] Federal Law № 15 of 2020 on Consumer Protection [Электронный ресурс] // URL: https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1455/download (дата обращения: 05.02.2026).

[260] Benseghir M., Zerara A., Bentria M. Consumer Protection in Digital Markets: A Comparative Legal Analysis of E-Commerce Regulation in the United Arab Emirates and Indonesia // Jurisdictie: Jurnal Hukum dan Syariah. 2025. Vol. 16, № 2. P. 374-416;

[261] Royal Decree No. (M/126) dated 10/7/1440 H. E-Commerce Law [Электронный ресурс] // URL: https://www.lexismiddleeast.com/law/SaudiArabia/RoyalDecree_126_1440/en (дата обращения: 05.02.2026).

[262] Ministerial Decision No. 200/1441 approving the Implementing Regulations of the E-Commerce Law [Электронный ресурс] // URL: https://www.lexismiddleeast.com/law/SaudiArabia/MinisterialDecision_200_1441/en (дата обращения: 05.02.2026)

технологической специфики. Такой подход обеспечивает единообразие правового регулирования торговых отношений независимо от формы их осуществления и гарантирует соблюдение религиозно-правовых требований.

Тем не менее, мусульманская академическая литература последних лет свидетельствует о неоднозначной оценке саудовского Закона об электронной коммерции.

С одной стороны, исследователи подчеркивают, что данный акт получил одобрение Совета улемов, подтвердившего его полную совместимость с нормами шариата, что придало ему дополнительную легитимность в глазах участников рынка и способствовало стремительному росту сектора мусульманской электронной коммерции[263]. Закон оценивается как шаг к воплощению шариатских принципов защиты имущества (хифз аль-маль) и справедливости (адль)[264].

С другой стороны, отмечаются сохраняющиеся регуляторные пробелы, в частности в сфере верификации продавцов и определения ответственности цифровых торговых площадок. Кроме того, указывается на необходимость дополнения Закона механизмами, более детально учитывающими специфические риски цифровой торговли – прежде всего риски обмана (тадлис) и неопределенности (гарар), присущие онлайн-транзакциям[265]. В этой связи предлагается формирование шариатско-совместимой модели регулирования, основанной на принципе доверительности (амана), которая позволила бы укрепить доверие потребителей к электронной коммерции без отступления от религиозно-правовых оснований торгового права Саудовской Аравии[266].

Таким образом, анализ законодательства ОАЭ и Саудовской Аравии в сфере электронной коммерции позволяет констатировать, что мусульманские правопорядки в целом успешно адаптировали традиционные исламские

---

[263] Hijazi D. Electronic Commercial Contracts in Saudi Arabia: Legal and Regulatory Challenges / D. Hijazi, M. Omran, E. Alzubi, R. Aldmour // International Journal of Innovative Science and Research Technology. 2024. Vol. 9, № 9. P. 2214-2221.

[264] Aloufi A. Legal Gaps, Islamic Ethics, and Digital Trust: Building a Regulatory Framework for Saudi E-Commerce Under Vision 2030 / A. Aloufi, M. A. Khan, B. Hussain // Journal of Cultural Analysis and Social Change. 2025. Vol. 10, № 4. P. 3860-3880.

[265] Hijazi D. Op. cit. P. 2219.

[266] Aloufi A. Op. cit. P. 3875.

договорные конструкции к условиям цифровой торговли, сохранив при этом верность базовым принципам шариата.

Оба рассмотренных государства избрали путь нормативной легитимации электронных сделок посредством принципа функциональной эквивалентности, однако различия в моделях правовых систем обусловили существенную специфику регуляторных подходов: секуляризированное торговое законодательство ОАЭ и интегрированная в шариатское регулирование модель Саудовской Аравии. При этом общей проблемой остается необходимость дальнейшего совершенствования механизмов противодействия повышенным рискам гарара (неопределенности) и тадлиса (обмана) в сфере электронной коммерции.

Вместе с тем регулирование электронной формы заключения договоров составляет лишь первый уровень цифровизации торгового права. Качественно новые возможности и вызовы для исламской правовой доктрины порождает распространение технологии распределенных реестров (блокчейн) и основанных на ней смарт-контрактов, которые позволяют не только фиксировать, но и автоматически исполнять договорные обязательства. Базовые характеристики данных технологий (прозрачность, неизменяемость записей, децентрализация) обнаруживают примечательное созвучие с фундаментальными принципами исламского торгового права[267], что делает анализ их правового потенциала и ограничений особенно актуальным.

Так, прозрачность (аль-сидк) является одним из краеугольных камней исламской экономической этики[268]. Блокчейн обеспечивает беспрецедентный уровень прозрачности финансовых операций, поскольку все транзакции записываются в распределенный реестр и доступны для верификации всеми участниками сети. Данная характеристика технологии непосредственно

[267] Rizwan A., Qureshi S., Hashmi M. A. I. Smart Contracts and Shariah Compliance: A Legal Paradox? // Annual Methodological Archive Research Review. 2025. Vol. 3, № 12. P. 369-379; Atiyah G. A., Manap N. A., Ibrahim A. I., Rahman A. Legitimacy of Smart Contracts from the Perspective of Islamic Law: A Case Study of Blockchain Transactions // Al-Istinbath: Jurnal Hukum Islam. 2024. Vol. 9, № 1. P. 155-192.

[268] Важенин С. Г. Доверие в торговых традициях исламских стран / С. Г. Важенин, В. В. Сухих // ЭКО. 2010. № 7(433). С. 136-147; Islamic Commercial Law (Fiqh al-Muamalat). Selangor: LexisNexis, 2009. 143 p.

способствует реализации исламского требования честности и открытости в торговых отношениях. В традиционных финансовых системах информационная асимметрия между сторонами сделки часто создавала предпосылки для возникновения элементов неопределенности (гарар). Блокчейн позволяет существенно снизить данные риски за счет обеспечения равного доступа всех участников к информации о сделке.

Неизменяемость записей в блокчейне гарантирует сохранность и достоверность информации о совершенных транзакциях. Данная характеристика приобретает особое значение в контексте исламского требования надежности и доверия (амана) в договорных отношениях[269]. Невозможность ретроактивного изменения данных о сделке исключает риски мошенничества и манипуляций, что укрепляет доверие между участниками торговых отношений. Помимо аманы, неизменяемость блокчейна корреспондирует принципу тавсик (документирование)[270], обеспечивая надлежащую фиксацию условий сделки, а также принципу хифз аль-маль (защита имущества)[271], поскольку исключает возможность несанкционированного изменения данных об имущественных правах сторон.

Децентрализованная архитектура блокчейна, устраняющая необходимость участия посредников, также находит обоснование в шариатском принципе тайсир (облегчение)[272], направленном на снижение излишних обременений для участников торгового оборота.

Автоматическое исполнение обязательств посредством смарт-контрактов корреспондирует кораническому предписанию о верности договорным

---

[269] Hegazy W. Islamic Liability (Îamân) as Practiced by Islamic Financial Institutions // Wisconsin International Law Journal. 2008. Vol. 25, № 4. P. 797-835.

[270] Dikko M. Documenting Contracts in Shari'ah: Rules and Implications in an Era of Advances in Technology // LexScriptio: A Journal of the Department of Jurisprudence and Islamic Law. 2025. Vol. 2, № 2. P. 342-358.

[271] Ali M. R., Amanullah M. The Purpose Of Saving Money In Islamic Law And Its Applications According To Ibn Nujaym Al-Hanafi: An Analytical Study: الحنفي نجيم ابن عند وتط بيقاته الإسلامية الشريعة في المال حفظ مقصد: تحليلية دراسة // Al-Qanatir: International Journal of Islamic Studies. 2025. Vol. 34, № 1. P. 181–204.

[272] Naseer A. Mitigation (Takhfeef) and Facilitation (Tayseer): In the Context of Islamic Law: A Jurisprudential Study / Naseer A., Tahir M., Haq Z. // Remittances Review. 2024. Vol. 9, № 3. P. 529-538; Musadad A. The Role of The Taysir Manhaji Method in The Development of Islamic Economic Law in Indonesia Through DSN-MUI Fatwas / Musadad A., Baihaqi, Nasik K., Khazin A.M., Syaifudin M. // Journal of Islamic Economic Laws. 2025. Vol. VIII, № 1. P. 130-154.

обязательствам (Коран, 5:1) и доктринальному принципу обязывающей силы договора (лузум аль-акд)[273].

В целом, с точки зрения исламского права смарт-контракты могут рассматриваться как техническое средство обеспечения исполнения договорных обязательств, программирующее условия сделки непосредственно в коде. При надлежащем структурировании смарт-контракты способны автоматически обеспечивать соблюдение требований шариата, исключая возможность исполнения операций, противоречащих религиозно-правовым нормам.

Как следствие, современная мусульманская правовая доктрина квалифицирует смарт-контракты как дозволенные на основании принципа первоначальной дозволенности (ибаха)[274] в сфере муамалат, проводя при этом аналогию с традиционными формами договора[275]. Условиями действительности смарт-контракта с точки зрения шариата выступают наличие надлежащего волеизъявления сторон, отсутствие элементов неопределенности (гарар), а также соответствие программного кода нормативным предписаниям шариата.

При этом смарт-контракты могут быть запрограммированы таким образом, чтобы автоматически проверять соответствие сделки принципам шариата, исключать операции с процентными ставками (риба), обеспечивать привязку финансовых операций к реальным активам, автоматизировать распределение прибыли и убытков между участниками партнерских договоров (мушарака, мудараба). Немаловажно и то, что блокчейн создает верифицируемые цифровые следы, позволяющие шариатским советам осуществлять контроль соответствия финансовых операций религиозно-правовым нормам в режиме реального времени, что существенно повышает эффективность шариатского комплаенса.

---

[273] Al-Khalaileh L. Smart contracts in light of the provisions of Islamic jurisprudence and the civil law of Jordan / Al-Khalaileh L., Al-Billeh T., Al-Findi A.S., Al-Hailat O. // Corporate Law & Governance Review. 2025. Vol. 7, № 3. P. 180-189.

[274] Kamali M.H. The Principle of Original Permissibility (Ibahah) / in: Shariah and the Halal Industry. New York, 2021. P. 26-33.

[275] Atiyah G. A., Manap N. A., Ibrahim A. I., Rahman A. Legitimacy of Smart Contracts from the Perspective of Islamic Law: A Case Study of Blockchain Transactions // Al-Istinbath: Jurnal Hukum Islam. 2024. Vol. 9, № 1. P. 155-192.

Как следствие, концепция «шариатского оракула»[276] как системы, интегрирующей религиозно-правовые предписания в программный код смарт-контракта получает все большее признание.

Вместе с тем применение смарт-контрактов в исламских финансах порождает ряд доктринальных затруднений. Автоматический и безусловный характер исполнения смарт-контракта вступает в потенциальное противоречие с рядом традиционных институтов исламского договорного права, в частности с механизмом расторжения договора и практикой коммерческого иджтихада как индивидуального правового суждения, допускающего корректировку условий обязательства с учетом конкретных обстоятельств[277]. Кроме того, центральной нерешенной проблемой остается вопрос о намерении сторон: классическое исламское договорное право исходит из презумпции добросовестного намерения контрагентов, однако в условиях автоматизированного исполнения, когда результат определяется программным кодом, а не непосредственной волей стороны в момент исполнения, категория намерения требует существенного переосмысления. Не менее значим и вопрос о распределении ответственности при ошибках в программном коде, для разрешения которого необходима выработка специальных фетв, учитывающих технологическую специфику смарт-контрактов.

Тем не менее, практические примеры внедрения блокчейн-технологий в исламские финансы демонстрируют жизнеспособность данного подхода.

Особенно перспективным направлением является применение блокчейна и смарт-контрактов для выпуска и обращения исламских облигаций (сукук). Традиционный процесс эмиссии сукук характеризуется высокой сложностью, необходимостью участия многочисленных посредников, значительными транзакционными издержками. Токенизация сукук[278] (как процесс оформления исламских облигаций в форме цифровых токенов на блокчейне) позволяет

[276] Rizwan A. Op. cit. P. 376.
[277] Ibid. P. 370.
[278] Khan N. Tokenization of sukuk: Ethereum case study / Khan N., Kchouri B., Yatoo N.A., Kräussl Z., Patel A., State R. // Global Finance Journal. 2022. Vol. 51. Article 100539.

существенно упростить процесс эмиссии, снизить издержки, обеспечить возможность дробного владения и повысить ликвидность вторичного рынка.

Концепция смарт-сукук[279] предполагает выпуск и управление исламскими облигациями посредством смарт-контрактов на блокчейне. При этом все процессы, связанные с сукук, включая привлечение средств, выпуск сертификатов владения, управление денежными потоками, распределение прибыли, автоматизируются посредством программного кода. Смарт-контракты обеспечивают автоматическое исполнение условий сукук в соответствии с заранее определенными правилами, что повышает предсказуемость и надежность исламской облигации.

Компания Blossom Finance в Индонезии стала первой частной организацией, реализовавшей смарт-сукук на базе блокчейна Ethereum в 2017 г. Все процессы, связанные с выпуском сукук, включая сбор средств, эмиссию сертификатов владения инвесторам в форме токенов стандарта ERC20. Международные денежные переводы, конвертацию валют, управление выплатами и распределение прибыли, осуществлялись посредством смарт-контрактов. Данная автоматизация позволила снизить издержки на международные переводы микрофинансовых взносов приблизительно на 40%[280].

В Бахрейне платформа INABLR, прошедшая регуляторную песочницу Центрального банка, предлагает услуги по выпуску и распределению дробных сукук на базе блокчейна Tezos[281]. Платформа функционирует по модели «Сукук-как-услуга» (Sukuk as a Service[282], по аналогии с концепцией Software as a Service[283]), позволяя исламским финансовым институтам выпускать сукук с

[279] Pekerti R.D. Smart Sukuk on Blockchain Technology: A Systematic Literature Review / Pekerti R.D., Hikmatyar M., Rizal D., Nurzaman I. // Advances in Economics, Business and Management Research. 2024. Vol. 288. P. 434-439.
[280] Pekerti R.D. Op. cit. P. 437.
[281] Islamic Finance 2.0: Innovation, Tokenisation, and the Evolution of Sukuk Markets in the GCC [Электронный ресурс] // White & Case Insights. 2025. URL: https://www.whitecase.com/insight-alert/islamic-finance-20-innovation-tokenisation-evolution-sukuk-markets-gcc (дата обращения: 05.02.2026).
[282] Zoair M., Mohamed A. Smart Sukuk Issuance Platforms based on Blockchain Technology to Finance Small and Medium Enterprises in the Kingdom of Saudi Arabia: Opportunities and Challenges. Saudi Central Bank, 2022. 65 p.
[283] См., например: Savelyev A. Software-as-a-service - Legal nature: Shifting the existing paradigm of copyright law // Computer Law & Security Review. 2014. Vol. 30, No. 5. P. 560-568.

интегрированными процедурами проверки клиентов, цифровым хранением и встроенными механизмами шариатского контроля.

Объединенные Арабские Эмираты также активно развивают инфраструктуру цифровых исламских финансов. Abu Dhabi Islamic Bank (ADIB) запустил платформу Smart Sukuk, обеспечивающую розничным инвесторам доступ к дробным долям сукук[284]. Кроме того, в ОАЭ развиваются инициативы по токенизации недвижимости, что открывает возможности для структурирования сукук, обеспеченных правами на недвижимое имущество.

Вместе с тем применение смарт-контрактов в исламских финансах сопряжено с рядом нерешенных религиозно-правовых вопросов.

Так, в настоящее время отсутствует унифицированная методология оценки соответствия программного кода смарт-контрактов принципам шариата. Различные шариатские советы и органы сертификации могут приходить к разным выводам относительно допустимости одних и тех же смарт-контрактных решений, что создает правовую неопределенность для участников рынка.

Совет по исламским финансовым услугам (IFSB) разрабатывает стандарты пруденциального регулирования для исламских финансовых институтов, включая рекомендации по управлению технологическими рисками. Международный исламский финансовый рынок (IIFM) разрабатывает стандартную документацию для исламских финансовых инструментов, что способствует гармонизации практики и снижению транзакционных издержек. Организация бухгалтерского учета и аудита для исламских финансовых институтов (AAOIFI) устанавливает стандарты бухгалтерского учета и шариатского соответствия, которые все чаще учитывают специфику цифровых операций.

Однако, несмотря на прогресс большинство мусульманских стран пока не располагают комплексной нормативной базой для регулирования блокчейн-операций в исламском финансовом секторе. Отсутствуют и единые

[284] ADIB and UAE MoF launch first AED-denominated sovereign Sukuk for individual investors // Zawya. 2025. URL: https://www.zawya.com/en/press-release/companies-news/adib-and-uae-mof-launch-first-aed-denominated-sovereign-sukuk-for-individu (дата обращения: 05.02.2026); Abu Dhabi Islamic Bank becomes the first UAE bank to safely test fractional Sukuks offering to retail investors // ADIB News. 2024. URL: https://www.adib.com/en/Pages/News_Details.aspx?id=494 (дата обращения: 05.02.2026).

международные стандарты для цифровых исламских финансовых инструментов, что создает барьеры для трансграничных операций и затрудняет масштабирование успешных решений.

Особенно явно отмеченная ситуация проявляется в сфере регулирования светских криптовалют (или цифровых финансовых активов, ЦФА[285]). В мусульманском сообществе отсутствует единство мнений относительно допустимости криптовалют с точки зрения шариата. Так, например, Исламский совет Индонезии в 2021 г. объявил сделки со светскими криптовалютами недозволенными (харам) ввиду сопряженных с ними неопределенности, азарта и вреда[286]. Центральные банки ОАЭ[287] и Саудовской Аравии[288] заняли более сдержанную позицию, предостерегая о рисках без установления прямых запретов. Они также поддерживают стартапы, выпускающие криптовалюты, обеспеченные реальными активами (RWA)[289], что представляет собой попытку легитимизации цифровых активов в контексте исламского требования привязки финансовых операций к реальной экономической активности.

В целом, проведенный анализ свидетельствует о том, что блокчейн-технологии и смарт-контракты обладают значительным потенциалом для развития исламского торгового права, однако их интеграция в систему шариатского регулирования остается незавершенной. Практический опыт токенизации сукук в Индонезии, Бахрейне и ОАЭ подтверждает технологическую жизнеспособность цифровых исламских финансовых активов (исламских ЦФА).

---

[285] Фетисов Н. И. Криптовалюты, цифровые финансовые активы и цифровой рубль: финансовые инструменты в условиях развития цифрового общества // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2024. № 1-2. С. 209-213; Кресс В. В. Цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровая валюта и криптовалюта: проблемы правового содержания и взаимодействия // Экономика. Право. Общество. 2023. Т. 8, № 4(36). С. 66-71.

[286] Indonesian Islamic body forbids crypto as currency [Электронный ресурс] // Reuters. 2021. URL: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/indonesian-islamic-body-forbids-crypto-currency-2021-11-11/ (дата обращения: 05.02.2026).

[287] Shari'ah-Compliant Digital Assets and the Future of Ethical Crypto Investment: Ruya's Regulated Bitcoin Service Reshaping Islamic Finance in the UAE [Электронный ресурс] // AInvest. 2025. URL: https://www.ainvest.com/news/shari-ah-compliant-digital-assets-future-ethical-crypto-investment-ruya-regulated-bitcoin-service-reshaping-islamic-finance-uae-2512/ (дата обращения: 05.02.2026).

[288] Is Crypto Legal in Saudi Arabia? Regulations & Compliance [Электронный ресурс] // Lightspark. 2025. URL: https://www.lightspark.com/knowledge/is-crypto-legal-in-saudi-arabia (дата обращения: 05.02.2026).

[289] Rud M. UAE Crypto Regulation 2025: Complete Guide to VARA, ADGM, SCA, CBUAE Stablecoin Rules, Security Tokens, & On-Chain Real Estate [Электронный ресурс] // ComplyFactor. 2025. 13 сентября. URL: https://complyfactor.com/uae-crypto-regulation-2025-complete-guide-to-vara-adgm-sca-cbuae/ (дата обращения: 05.02.2026).

Однако, доктринальные затруднения (проблемы намерения, расторжения договора, ответственности за ошибки в коде) и отсутствие унифицированных стандартов указывают на необходимость дальнейшей законотворческой и религиозно-правовой работы. При этом неоднородность позиций мусульманских юрисдикций в отношении светских криптовалют дополнительно иллюстрирует сложность формирования единого правового пространства для цифровой исламской торговли.

Тем не менее, накопленный мусульманскими странами опыт правовой адаптации цифровых технологий к требованиям шариата представляет не только сравнительно-правовой, но и практический интерес для Российской Федерации. Развитие эксперимента по партнерскому финансированию и формирование соответствующей нормативной базы ставят вопрос о возможности и целесообразности внедрения цифровых инструментов оформления исламских торговых договоров (исламских смарт-контрактов) и исламских ЦФА в российский правопорядок.

Как мы уже отмечали выше, в России электронная форма сделок основана на положениях абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ, в соответствии с которым устанавливается два ключевых требования для приравнивания электронных форм заключения сделок к письменной форме: 1) возможность воспроизведения на материальных носителях без потери содержания; 2) возможность достоверно идентифицировать лицо, выразившее волю.

Формулировка указанной нормы достаточно расплывчата, в связи с чем в отечественной доктрине существуют устоявшиеся дискуссии относительно широты трактовки абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ. Не вдаваясь в подробности соответствующих дискуссий отметим, что, в наиболее общем виде, можно выделить два альтернативных подхода: 1) либеральный[290], предполагающий, что

[290] Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2019. С. 282 (автор комментария к ст. 808 ГК РФ – А.Г. Карапетов); Карлаш Д.С. Электронный документооборот: вопросы правового регулирования // Право и экономика. 2019. № 8. С. 22–28; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

письменная форма будет являться соблюденной в любых случаях, когда конкретный способ совершения сделки (посредством обмена электронными сообщениями, составления единого документа, совершению конклюдентных действий на сайте и др.), позволяет достоверно определить лицо, выразившее волю; 2) консервативный[291], предполагающий соблюдение письменной формы только в случаях, когда закон прямо указывает на свойство определенных электронных форм достоверно определять лицо, выражающее волю.

К исламским торговым договорам, скорее, следует применять либеральный подход ввиду ярков выраженной специфики их формы, содержания и религиозно-правовых требований действительности. Как уже отмечалось выше, заключение исламских торговых договоров в электронной форме требует особых стандартов раскрытия личности сторон (некоторые исламские торговые договоры, как, например, форвардная продажа салям в Саудовской Аравии, могут заключаться только между коммерсантами). Кроме того, электронная форма исламских торговых сделок также должна обеспечивать верифицируемость соблюдения ключевых требований и запретов шариата (например, должна обеспечиваться привязка к реальной хозяйственной деятельности, к реальным активам).

В целом, разнообразие требований к форме сделок в исламском торговом праве (муамалат) достаточно велико.

Потенциально они могут быть все предусмотрены и закреплены в специальном законодательстве (в частности, в законодательстве о партнерском финансировании).

Однако, в настоящее время Закон № 417-ФЗ о проведении эксперимента в сфере партнерского финансирования соответствующих требований не содержит. Форма соответствующих сделок преимущественно определяется участниками ЭПР самостоятельно. Более того, в целях унификации соответствующей

[291] Татаркина К.П. Указ. соч. С. 136, 141-142, 147; Савельев А.И. Электронная коммерция в России без ЭЦП: иллюзия или реальность? // Вестник гражданского права. 2013. № 3. С. 43-88; Шелепина Е.А. Применение электронных документов в гражданских правоотношениях: условия и возможности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 10. С. 31-39; Танага А.Н. Момент заключения договора в российском гражданском праве. М.: Проспект, 2023. 120 с.; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.08.2023 № 9-КГ23-10-К1 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

деятельности в 2025 г.[292] в Закон № 417-ФЗ была введена новая ст. 12.1, которой было установлено, что стандарты партнерского финансирования разрабатываются специальным комитетом, созданным ассоциацией кредитных организаций-участниц ЭПР.

Все это позволяет сделать вывод о том, что регулирование исламских торговых договоров (в т.ч. цифровых/электронных) строится, скорее, на частно-публичной стандартизации соответствующей деятельности (по модели регулирования отдельных секторов экономики посредством актов саморегулируемых организаций). Соответственно, применение консервативного подхода к пониманию электронной формы исламских торговых сделок, скорее всего, будет не востребовано и в будущем.

Выбор подобного подхода видится оправданным, поскольку специфика партнерского финансирования состоит в том, что стандарты должны одновременно отвечать требованиям российского законодательства и принципам шариата, что создает уникальную для отечественного правопорядка ситуацию «двойного нормативного стандарта».

Модель саморегулирования, хорошо знакомая российскому праву по опыту строительной отрасли, аудиторской и оценочной деятельности, в данном случае приобретает дополнительное измерение: если в названных секторах стандарты саморегулируемых организаций конкретизируют исключительно нормы российского законодательства, то стандарты партнерского финансирования призваны обеспечить соответствие и светскому закону, и религиозно-правовым предписаниям, природа и источники которых принципиально отличны от позитивного права.

Данное обстоятельство предполагает участие в разработке стандартов не только представителей банковского и юридического сообщества, но и специалистов в области исламского права, что, в свою очередь, ставит вопрос о

[292] Федеральный закон от 31.07.2025 № 337-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" и статью 28 Федерального закона "О рекламе"» // СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4691.

механизмах разрешения потенциальных коллизий между требованиями двух нормативных систем. В отсутствие прямого законодательного регулирования подобных коллизий именно стандарты комитета, предусмотренного статьей 12.1 Закона № 417-ФЗ, призваны выполнить функцию согласования, обеспечивая такие формы и условия заключения электронных исламских торговых договоров, которые были бы одновременно действительны с позиции российского гражданского права и допустимы с точки зрения шариата.

В перспективе, по мере накопления практики применения стандартов и завершения ЭПР, представляется целесообразным рассмотреть вопрос о возможности включении в будущий Федеральный закон «О партнерском финансировании» специальных норм, регламентирующих статус, функции и полномочия саморегулируемых организаций в данной сфере.

Действующая ст. 12.1 Закона № 417-ФЗ лишь в самых общих чертах определяет механизм разработки стандартов, не устанавливая ни требований к процедуре их принятия, ни порядка обеспечения шариатского комплаенса разрабатываемых стандартов, ни механизмов контроля за их соблюдением участниками рынка.

Между тем именно эти вопросы имеют ключевое значение для формирования устойчивой и предсказуемой регулятивной среды. Специальное регулирование могло бы закрепить обязательное участие шариатских экспертов в процедуре разработки и утверждения стандартов, установить требования к квалификации членов шариатских советов при саморегулируемых организациях, предусмотреть порядок разрешения коллизий между стандартами и нормами российского законодательства, а также определить юридическую силу стандартов в контексте судебного и досудебного разрешения споров.

Подобное законодательное оформление позволило бы преобразовать сложившуюся модель из экспериментального механизма *ad hoc* в полноценный институт частно-публичного регулирования, обеспечивающий правовую определенность для всех участников отношений партнерского финансирования и, шире, исламской торговой деятельности на территории Российской Федерации.

Особенно актуальны все эти вопросы цифровых исламских торговых договоров. При этом, если взглянуть на соответствующий процесс с точки зрения религиозно-правовой, то его завершение должно привести к формированию общероссийской мусульманской правовой школы – национального российского мазхаба.

Переходя непосредственно к вопросам цифровых исламских торговых договоров, стоит отметить действующее российское законодательство о цифровых правах и цифровых финансовых активах, которое создает определенную нормативную базу для цифровизации договорных отношений.

В 2019 г.[293] перечень объектов гражданских прав, закрепленный в ст. 128 ГК РФ был дополнен специальным указанием на отнесение к ним цифровых прав (как подвида имущественных прав). Кроме того, ГК РФ был дополнен новой ст. 141.1, прямо посвященной цифровым правам. Не вдаваясь в подробности доктринальных дискуссий[294] относительно понятия, содержания и перечня цифровых прав, отметим лишь, что ст. 141.1 ГК РФ использует узкий подход: в качестве цифровых прав она позволяет квалифицировать только те права, которые прямо поименованы в законе (принцип легалитета[295]).

По состоянию на момент написания настоящего исследования приняты только два таких закона: Федеральный закон «О цифровых финансовых активах»[296] (далее – Закон о ЦФА) и Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений

---

[293] Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

[294] Рожкова М.А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 3-13; Василевская Л.Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // Хозяйство и право. 2019. № 5. С. 3–14; Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2020. № 6. С. 29; Гонгало Б.М., Новоселова Л.И. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права? // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 179–192; Право цифровой среды: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. М., 2022. С. 428; Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование): монография: в 5 т. Т. I. М.: Проспект, 2022. С. 29, 91.

[295] Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М., 2020. С. 149.

[296] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[297] (далее – Закон об утилитарных токенах).

Указанные законы регулируют только светские цифровые права. В то же время, как уже было отмечено выше, сегодня в мусульманских правопорядках отсутствует однозначное признание халяльности криптовалюты (шире – цифровых прав). Специфика исламских торговых договоров требует дополнительной адаптации ЦФА и утилитарных токенов.

Прежде всего, стоит отметить, что исламские торговые договоры (мурабаха, истисна, иджара, мудараба, мушарака, вакаля) имеют сложную структуру, нередко предполагающую последовательное или параллельное заключение нескольких взаимосвязанных договоров (возникновение, изменение и прекращение разнообразных цифровых прав). Автоматизация подобных договорных конструкций посредством смарт-контрактов требует тщательного программирования всей цепочки сделок с обеспечением соблюдения требований шариата на каждом этапе.

Примером может служить договорная конструкция мурабахи, требующая последовательного заключения договора купли-продажи между финансирующим лицом и поставщиком, а затем договора купли-продажи или уступки права требования между финансирующим лицом и получателем финансирования. Смарт-контракт для автоматизации данной конструкции должен обеспечивать: верификацию приобретения актива финансирующим лицом у поставщика посредством перехода к первому определенного ЦФА, автоматическую передачу прав получателю финансирования (переход к нему соответствующего ЦФА), расчет и фиксацию вознаграждения финансирующего лица, автоматизацию рассрочки платежей, исключение начисления процентов или штрафных санкций процентного характера. Аналогичная логика применима к иным исламским договорным конструкциям.

---

[297] Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.

Очевидно, что действующие Закона о ЦФА и Закон об утилитарных токенах не содержат в себе правового регулирования соответствующих аспектов. Отсутствуют положения о цифровых правах (включая ЦФА) и в Законе № 417-ФЗ.

Таким образом, если придерживаться принципа легалитета, закрепленного в ст. 141.1 ГК РФ, то отмеченные выше договорные конструкции не могут напрямую квалифицироваться как цифровые права. Соответствующие нормы могут применяться к ним только по аналогии закона по усмотрению суда или на основе унифицирующих актов Верховного Суда Российской Федерации.

Представляется, что подобный подход далек от оптимального, и в перспективе оправданным было бы отказаться от принципа легалитета в ст. 141.1 ГК РФ посредством исключения из ее текста фразы «названные в таком качестве в законе». Впрочем, этот вопросы носит дискуссионный характер и не входит напрямую в предмет настоящего исследования.

Соответственно, оставаясь в русле действующего гражданского законодательства и учитывая особенности структурирования цифровых исламских сделок, необходимым становится закрепление в потенциальном Федеральном законе «О партнерском финансировании» специальных положений об исламских цифровых финансовых актива и исламских утилитарных токенах.

В частности, таким специализированным ЦФА может стать смарт-сукук.

Действующий Закон о ЦФА определяет цифровые финансовые активы как цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, а также право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Данный перечень, однако, не учитывает специфику исламских финансовых инструментов, в основе которых лежит не долговое требование и не корпоративное участие в традиционном понимании, а право на долю в конкретном активе или проекте.

Сукук, в отличие от конвенциональных облигаций, удостоверяет именно долевое участие владельца в базовом активе, что обусловливает принципиально

иную природу прав держателя и, соответственно, требует адаптации законодательных дефиниций.

Смарт-сукук как разновидность исламского ЦФА может быть определен как цифровое право, удостоверяющее долю владельца в праве собственности или ином имущественном праве на определенный актив либо совокупность активов, выпуск, учет и обращение которого осуществляются посредством внесения записей в распределенный реестр, а исполнение обязательств по которому обеспечивается автоматически на основании смарт-контракта.

Ключевыми квалифицирующими признаками смарт-сукук, отличающими его от иных цифровых финансовых активов, должны выступать:

- обязательная привязка к реальному базовому активу (недвижимое имущество, оборудование, права требования из договоров аренды или поставки и т.д.);

- запрет на включение в структуру инструмента элементов рибы, гарара и мейсира;

- распределение доходов между владельцами пропорционально их долям в базовом активе, а не в форме фиксированного процентного дохода;

- наличие заключения (фетвы) шариатского совета о соответствии условий выпуска принципам исламского права.

Законодательное закрепление смарт-сукук потребует также определения требований к эмитентам данного инструмента. На текущем этапе представляется обоснованным установить, что выпуск смарт-сукук вправе осуществлять участники эксперимента по партнерскому финансированию (а впоследствии – субъекты, получившие соответствующую лицензию в соответствии с постоянным законодательством), при условии наличия у них действующего шариатского совета или договора с аккредитованной организацией шариатского аудита.

Информационная система, в которой осуществляется выпуск смарт-сукук, должна быть включена в реестр операторов информационных систем, ведение которого осуществляется Банком России в соответствии с Законом о ЦФА, и

дополнительно отвечать требованиям, обеспечивающим верифицируемость шариатского комплаенса совершаемых операций.

Существенное значение имеет регламентация содержания смарт-контракта, опосредующего выпуск и обращение смарт-сукук. Программный код смарт-контракта должен обеспечивать автоматическую проверку соблюдения условий, вытекающих из природы соответствующего вида сукук (иджара-сукук, мушарака-сукук, мудараба-сукук и др.), исключать возможность совершения операций, противоречащих принципам шариата, и обеспечивать прозрачность распределения доходов от базового актива между держателями. Целесообразным представляется закрепление требования об обязательном аудите программного кода смарт-контракта как на предмет технической безопасности, так и на предмет соответствия шариатским стандартам.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о защите прав владельцев смарт-сукук. Поскольку автоматическое исполнение смарт-контракта не исключает возможности ошибок в программном коде или непредвиденных обстоятельств, влияющих на базовый актив, законодательство должно предусматривать механизмы правовой защиты, совместимые как с нормами российского гражданского права, так и с принципами исламского договорного права. В частности, представляется необходимым закрепить право владельцев смарт-сукук требовать возмещения убытков, причиненных ненадлежащим исполнением смарт-контракта, от эмитента и/или оператора соответствующей цифровой информационной системы. Также целесообразным видится предусмотреть возможность внесения изменений в условия смарт-контракта по решению квалифицированного большинства владельцев смарт-сукук при наличии соответствующего заключения шариатского совета.

Реализация предложенной концепции потребует координации усилий нескольких регуляторов. Банк России как орган, осуществляющий регулирование и надзор в сфере цифровых финансовых активов, должен будет разработать подзаконные акты, детализирующие требования к выпуску и обращению смарт-сукук. Комитет по стандартам партнерского финансирования, формируемый в

соответствии со ст. 12.1 Закона № 417-ФЗ, должен обеспечить разработку типовых условий смарт-сукук различных видов, соответствующих как российскому законодательству, так и стандартам международных организаций в сфере исламских финансов.

При этом взаимодействие с AAOIFI и IFSB позволило бы обеспечить совместимость российских смарт-сукук с международными стандартами исламских финансовых инструментов, что, в свою очередь, открыло бы возможности для трансграничного обращения и привлечения инвестиций из мусульманских стран. Банк России уже сегодня поддерживает сотрудничество с международными организациями и странами, в которых партнерское финансирование широко распространено, включая Меморандум о взаимопонимании между Банком России и AAOIFI, подписанный в 2024 г.[298]

В целом, интеграция российских участников эксперимента по партнерскому финансированию в международные экосистемы исламских цифровых финансов является перспективным направлением. Сотрудничество с платформами токенизации сукук, цифровыми исламскими банками, финтех-компаниями из мусульманских стран может способствовать обмену технологиями и лучшими практиками, привлечению инвестиций, расширению спектра доступных услуг.

Интероперабельность российских цифровых платформ партнерского финансирования с международными системами представляет практический интерес для развития трансграничных операций. Стандартизация технических протоколов, форматов данных, процедур верификации позволила бы обеспечить бесшовное взаимодействие между российскими и зарубежными исламскими финансовыми институтами. В контексте развития торговых отношений России со странами ЕАЭС, рядом которых (в частности, Казахстан) также проявляется интерес к исламским финансам, вопросы трансграничной интероперабельности приобретают особую значимость.

---

[298] Меморандум Банка России и AAOIFI [Электронный ресурс] // Банк России. 2024. URL: https://cbr.ru/press/event/?id=21125 (дата обращения: 05.02.2026).

В целом же, стоит отметить, что в российском правопорядке существуют определенные законодательные предпосылки для регулирования цифровых исламских торговых договоров, однако действующая нормативная база требует существенного развития.

Разработанная концепция отечественного смарт-сукук как специализированного исламского ЦФА демонстрирует принципиальную возможность интеграции цифровых исламских финансовых инструментов в российский правопорядок при условии закрепления соответствующих положений в будущем Федеральном законе «О партнерском финансировании» и координации усилий Банка России, комитета по стандартам партнерского финансирования и международных организаций в сфере исламских финансов. При этом формирующаяся модель частно-публичной стандартизации партнерского финансирования, основанная на «двойном нормативном стандарте», создает гибкий механизм согласования требований российского законодательства и принципов шариата (который, впрочем, может не работать в полную силу вследствие несовершенства ст. 141.1 ГК РФ).

В то же время, действующее законодательство о цифровых правах не учитывает специфику исламских финансовых инструментов, в основе которых лежит не долговое требование, а долевое участие в базовом активе. А закрепленный в статье 141.1 ГК РФ принцип легалитета создает дополнительные препятствия для квалификации исламских договорных конструкций в качестве цифровых прав в отсутствие их прямого поименования в законе.

Подводя итог проведенному исследованию, представляется возможным сформулировать следующие выводы.

Цифровизация торгового права в мусульманских странах представляет собой многоуровневый процесс, включающий как адаптацию традиционных исламских договорных конструкций к электронной форме заключения сделок, так и интеграцию принципиально новых технологических решений (блокчейна и смарт-контрактов) в систему шариатского регулирования. Исламская правовая доктрина продемонстрировала значительную гибкость в отношении цифровых

инноваций, квалифицировав электронные торговые договоры и смарт-контракты как дозволенные на основании принципа первоначальной дозволенности в сфере муамалат при условии соблюдения базовых требований и запретов шариата.

Примечательно, что базовые характеристики блокчейн-технологий соответствуют фундаментальным принципам исламского торгового права: прозрачность распределенного реестра корреспондирует требованию честности в торговых отношениях; неизменяемость записей – требованиям надежности, надлежащего документирования и защиты имущества; децентрализация – принципу облегчения бремени участников оборота; автоматическое исполнение – кораническому предписанию о верности договорным обязательствам. Вместе с тем интеграция смарт-контрактов в систему шариатского регулирования порождает доктринальные затруднения, связанные с проблемами намерения сторон, расторжения договора и распределения ответственности при ошибках в программном коде.

Отсутствие унифицированных международных стандартов шариатской сертификации смарт-контрактов и неоднородность позиций мусульманских юрисдикций в отношении криптовалют создают дополнительные барьеры для формирования единого правового пространства цифровой исламской торговли.

Сравнительный анализ законодательства ОАЭ и Саудовской Аравии выявил два альтернативных подхода к правовому регулированию электронной коммерции:

- секуляризированную модель ОАЭ, основанную на международных стандартах с дополнительными требованиями шариатского соответствия;

- интегрированную модель Саудовской Аравии, встраивающую электронные сделки в единую систему торгового права, построенного на принципах шариата.

При этом обе модели сталкиваются с общей проблемой – необходимостью совершенствования механизмов противодействия рискам неопределенности (гарара) и обмана, имманентно присущим дистанционным торговым операциям.

Применительно к российскому правопорядку установлено, что формирующаяся модель частно-публичной стандартизации партнерского финансирования представляет собой адекватный механизм согласования требований российского законодательства и принципов шариата в условиях «двойного нормативного стандарта». В свою очередь, разработанная концепция смарт-сукук как специализированного исламского цифрового финансового актива демонстрирует принципиальную возможность интеграции цифровых исламских финансовых инструментов в отечественный правопорядок при условии закрепления соответствующих положений в будущем Федеральном законе «О партнерском финансировании» и координации усилий Банка России, комитета по стандартам партнерского финансирования и международных организаций в сфере исламских финансов.

Заключение

В завершение настоящего исследования, исходя из поставленной перед ним цели, представляется возможным сформулировать следующие основные выводы и положения:

1. В мусульманских странах сложились уникальные условия формирования концепции коммерческих договоров. Правовая система таких стран исторически была основана на религиозно-правовых нормах шариата.

В мусульманских странах религиозно-правовые основы доминируют над сферой договоров и деловых сделок. Однако, признание правовой доктрины (фикха) в качестве источника права обеспечивает достаточную гибкость для адаптации религиозных запретов и дозволений к коммерческой практике.

Подобная адаптация осуществляется на базе строгих императивных требований шариата. Они включают в себя: запрет харамной деятельности; запрет ставки процента; запрет высокой, «толстой», неопределенности; запрет преднамеренного риска, а также подчинение правового регулирования коммерческой деятельности общим целям исламского права (макасид аль-шари'а).

Соответствующая система запретов и дозволений создает более узкие пределы заключения и исполнения коммерческих договоров в мусульманских странах, а также достаточно сильно ограничивает количество доступных коммерческих инструментов (договоров).

При этом шариат представляет собой единую правовую систему, в рамках которой отсутствует строгое разделение не только гражданского и торгового права, но и публичного и частного права. Как следствие, система религиозно-правовых запретов и дозволений оказывается в равной степени применима как к гражданским, так и к коммерческим правоотношениям (и, соответственно, к коммерческим договорам). Подобное единство шариата как системы права является отличительной особенностью исламской теории коммерческого договора

Впрочем, в результате исторического развития шариата в нем был сформирован условно обособленный правовой комплекс – муамалат – исламское право договоров и деловых сделок. Источником для формирования муамалата

выступили торговые обычаи, которые были использованы исламской правовой доктриной (фикхом) для формирования эффективных правовых механизмов, опосредующих совершение коммерческих операций и коммерческий оборот в целом. Муамалат представляет собой религиозно-правовой аналог европейского *lex mercatoria*.

2. «Исламское право» (шариат) и «правопорядок мусульманских государств» – это различные категории. Шариат в принципе не является нормативной системой, призванной урегулировать все те аспекты современных отношений, которые регулируются позитивным правом (как в частной, так и в публичной сфере).

Начиная с XIX в. в мусульманских правопорядках начинается рецепция европейских светских институтов гражданского и торгового права. Религиозные нормы (включая муамалат) перестают исключительным образом регулировать коммерческие отношения (за исключением отдельных государств Аравии). Вместо них принимаются национальные торговые кодексы, базирующиеся на французском торговом праве (например, Торговый кодекс Османской империи 1850 г.).

В результате, нормы коммерческого права государств Ближнего Востока во многом приобрели светский характер.

Однако, «вестернизация» права мусульманских государств не отменила их национальные и религиозные традиции.

К настоящему моменту в мусульманских странах был осуществлен синтез традиционных принципов шариата и светского коммерческого права европейских государств. Итогом подобного синтеза становится исторически нетипичная для мусульманских стран дифференциации гражданского и торгового права. Однако, основания для подобного дуализма в мусульманских странах дополнительно включают в себя необходимость определения сферы действия шариата и степени гибкости при его применении к коммерческим отношениям: гражданское право традиционно опирается именно на шариат; в то время как, торговое право носит более светский (в отдельных странах – полностью секуляризированный) характер.

3. Шариат представляет собой основу правовых системы всех мусульманских стран (точнее, здесь будет верна обратная логика – правопорядок может быть квалифицирован как мусульманский, если в нем центральное место занимают религиозно-правовые нормы шариата). В таких странах шариату отводится основополагающая роль – роль конституционно-правовой основы всей правовой системы.

Однако, роль и значение шариата в рамках отдельных национальных правопорядков различается. В наиболее общем виде, по критерию правового значения шариата в рамках национальной правовой системы можно выделить два типа мусульманских стран: страны с (квази)западной моделью правовой системы и страны с фудаменталистской моделью правовой системы.

Ключевым отличием между мусульманскими странам с (квази)западной моделью правовой системы и с фундаменталистской моделью является степень гибкости при соблюдении религиозно-правовых запретов, ограничений и дозволений шариата (в т.ч. в рамках разработки и принятия торгового законодательства, а также при рассмотрении и разрешении коммерческих споров судами).

Мусульманские страны с (квази)западной моделью правовой системы обеспечивают полную секуляризацию торгового законодательства, выводя общее правовое регулирование коммерческих отношений из-под действия запретов и дозволений шариата. Параллельно в таких странах принимается специальный комплекс правовых норм, закрепляющих правовое регулирование исламских коммерческих договоров, соответствующих требованиям шариата (в его интерпретации национальными правовыми школами – мазхабами).

В большинстве мусульманских стран с (квази)западной моделью правовой системы применение шариата к коммерческим договорам осуществляется только в случаях отсутствия: 1) положений законодательства, прямо и косвенно регулирующих коммерческие отношения; а также 2) правовых традиций (правовых обычаев), сформировавшихся в национальной и международной исламской коммерческой практике. В Катаре в дополнение к указанным двум

ограничениям применение шариата допускается только при отсутствии договорного регулирования конкретных коммерческих отношений.

Мусульманские страны с фундаменталистской моделью правовой системы признают за шариатом (включая исламскую правовую доктрину – фикх) характер закона, обладающего высшей юридической силой и прямым действием. В рамках регулирования коммерческих отношений шариат в фундаменталистских правовых системах носит характер общей нормы, которая применяется к соответствующим общественным отношениям с учетом особенностей, установленных национальным торговым законодательством.

Как следствие, непосредственное применение норм шариата к коммерческим отношениям в мусульманских странах с фундаменталистской моделью правовой системы осуществляется в двух основных случаях:

1) в случае отсутствия специальной нормы в национальном торговом законодательстве;

2) в случае противоречия положений национального торгового законодательства религиозно-правовым ограничениям и запретам шариата.

4. В подавляющем большинстве современных мусульманских правопорядков шариату все больше придается роль основополагающих принципов, запретов и дозволений, составляющих основу публичного порядка, но подлежащего применению к конкретным коммерческим отношениям лишь субсидиарно (в странах с (квази)западной моделью) или в качестве общей нормы (в странах с фудаменталистской моделью).

Непосредственное же регулирование коммерческих договоров осуществляется на основе кодифицированного торгового законодательства, опирающегося на европейскую правовую традицию (в частности, на Торговый кодекс Франции и английское общее право) и *новое lex mercatoria* (в т.ч. на исламские международные стандарты коммерческой деятельности).

Однако, кодификация торгового законодательства в странах с (квази)западной и в странах с фундаменталистской моделями правовых систем осуществляется на основании различных подходов, что наиболее отчетливо

можно проследить на примере сравнительного анализа торгового законодательства ОАЭ и Саудовской Аравии.

В рамках современного этапа кодификации торгового законодательства в ОАЭ и в Саудовской Аравии изначально ставились разные задачи.

ТК ОАЭ 2022 г. был призван сформировать секуляризированный светский режим осуществления коммерческой деятельности, не предполагающий обязательного соблюдения религиозно-правовых ограничений шариата (ТК ОАЭ напрямую допускает взимание долговой рибы – ставки процента) за пределами специальных исламских договорных конструкций.

В свою очередь, кодификация гражданского законодательства, осуществленная в рамках ГК СА 2023 г., а также проект ТК СА 2022 г. ориентированы, напротив, на формирование систематизированного и непротиворечивого религиозно-правового режима осуществления коммерческой деятельности.

Отмеченные различия в подходах к кодификации предопределяют отсутствие специального торгового законодательства об исламских коммерческих договорах в рамках проекта ТК СА 2022 г.: все гражданское и торговое законодательство Саудовской Аравии построено в соответствии с требованиями шариата. Кодификация соответствующего законодательства здесь была направлена не на его секуляризацию, а на закрепление конкретных религиозно-правовых подходов и конструкций.

В целом, именно по данной линии осуществляется разграничение концепции коммерческих договоров в мусульманских странах с (квази)западной и с фундаменталистской моделями правовой системы.

Государства с (квази)западной моделью правовой системы в рамках кодификации торгового законодательства обеспечивают его секуляризацию, выведение правового регулирования коммерческих отношений из-под действия религиозно-правовых требований шариата, с параллельным формированием специальных исламских конструкций коммерческих договоров.

В свою очередь, государства с фундаменталистской моделью правовой системы посредством кодификации обеспечивают систематизацию именно религиозно-правового регулирования коммерческих договоров посредством законодательного закрепления конкретных подходов, сформулированных или разработанных в рамках отдельных шариатских школ (мазхабов).

5. Что касается перспектив применения мусульманских коммерческих договоров в отечественном правопорядке, то концептуальных препятствий для использования исламских договорных конструкций российское гражданское законодательство не содержит.

При этом исходя из положений Закона № 417-ФЗ и первичных результатов эксперимента по партнерскому финансированию можно сделать вывод о том, что на текущем этапе практикой исламского банкинга востребовано применение шести исламских коммерческих договоров: мудараба, иджара, мурабаха, истисна, вакаля и мушарака.

Договор мудараба может оформляться посредством двух альтернативных видов договоров: 1) договор доверительного управления; 2) договор инвестиционного товарищества.

Учитывая узкую сферу применения договора доверительного управления как аналога договора мудараба, а также специфику банковского законодательства и законодательства об РЦБ, представляется оправданным в соответствующей сфере использовать специальный договор партнерского инвестирования (который в настоящее время предусмотрен Федеральным законом об ЭПР в сфере партнерского финансирования).

При этом, по общему правилу, в рамках гражданского оборота договор мудараба может оформляться посредством заключения договоров об инвестиционном товариществе. Именно данный договор в наибольшей степени подходит для надлежащего оформления соответствующих правоотношений за пределами банковской сферы.

Оформление договора иджара в отечественном правопорядке может осуществляться посредством договора финансовой аренды (лизинга). Однако,

ввиду особых условий договора иджара оправданным видится в рамка ЭПР по партнерскому финансированию признать за ним особую правовую природу как специального договора партнерского лизинга (по аналогии с договором партнерского финансирования).

В отличие от договора финансовой аренды (лизинга), договор партнерского лизинга носит двухсторонний характер (связывает только лизингодателя и лизингополучателя), исключает переход права собственности на предмет лизинга к лизингополучателю, предусматривает условия о вознаграждении лизингодателя в виде фиксированной суммы или в виде переменной суммы, поставленной в зависимость от определенных показателей или критериев, а также исключает взимание процентов за просрочку и иных штрафных процентов.

Договор мурабаха в отечественном правопорядке может оформляться: 1) договором купли-продажи между лицом, предоставляющим финансирование, и лицом, запрашивающим финансирование, (если к продавцу по договору с третьим лицом уже перешло право собственности на актив), либо 2) договором уступки права требования по первоначальному договору купли-продажи (если по договору с третьим лицом право собственности еще не перешло к продавцу).

Для структурирования договорных отношений, связанных с истисна, по отечественному законодательству можно использовать два последовательных договора: 1) договор на производство или поставку актива, указанного лицом, запрашивающим финансирование, заключенный между лицом, предоставляющим финансирование, и третьим лицом (договор подряда, договор строительного подряда, договор поставки и др.); 2) договор уступки права требования (истисна) между лицом, предоставляющим финансирование, и лицом, запрашивающим финансирование.

Действующее российское гражданское законодательство не содержит в себе императивных норм, препятствующих приведенному выше структурированию договорных отношений по модели мурабаха и истисна.

Исламский коммерческий договор какаля оформляется заключением агентских договоров, по которым одна сторона уполномочивает другую сторону

вести предпринимательскую деятельность от ее имени за вознаграждение или без такового. При этом действующее законодательство не содержит в себе каких-либо ограничений на его применение.

Договор мушарака в отечественном правопорядке представляет собой договор простого товарищества, заключенного в целях ведения предпринимательской деятельности и не допускающего внесения вклада в виде деловой репутации и деловых связей.

6. Отдельно была исследована проблематика электронных сделок и цифровизации коммерческого права в мусульманских странах.

Цифровизация коммерческого права в мусульманских странах представляет собой многоуровневый процесс, включающий 1) адаптацию традиционных исламских договорных конструкций к электронной форме заключения сделок и 2) интеграцию блокчейн-технологий и смарт-контрактов в систему шариатского регулирования.

Сравнительный анализ законодательства ОАЭ и Саудовской Аравии в соответствующей сфере выявил два альтернативных подхода к правовому регулированию электронной коммерции: секуляризированную модель ОАЭ и интегрированную в шариатское регулирование модель Саудовской Аравии.

При этом, по общему правилу, исламская правовая доктрина квалифицирует электронные коммерческие договоры и смарт-контракты как дозволенные на основании принципа первоначальной дозволенности в сфере муамалат при условии соблюдения базовых требований шариата.

Более того, базовые характеристики блокчейн-технологий обнаруживают соответствие фундаментальным принципам исламского коммерческого права: прозрачность распределенного реестра корреспондирует требованию честности, неизменяемость записей – требованиям надежности и защиты имущества, децентрализация – принципу облегчения бремени участников оборота, автоматическое исполнение – предписанию о верности договорным обязательствам.

Вместе с тем интеграция смарт-контрактов в систему шариатского регулирования порождает доктринальные затруднения, связанные с проблемами выявления истинного намерения сторон, расторжения договора и распределения ответственности при ошибках в программном коде.

Действующее российское законодательство о цифровых финансовых активах содержит определенные предпосылки для применения цифровых исламских коммерческих договоров. Однако закрепленный в статье 141.1 ГК РФ принцип легалитета препятствует квалификации исламских договорных конструкций в качестве цифровых прав без их прямого поименования в законе.

Тем не менее, разработанная в исследовании концепция смарт-сукук как специализированного исламского цифрового финансового актива демонстрирует принципиальную возможность интеграции цифровых исламских финансовых инструментов в отечественный правопорядок при условии закрепления соответствующих положений в будущем Федеральном законе «О партнерском финансировании» и координации усилий Банка России, комитета по стандартам партнерского финансирования (а в будущем – саморегулируемых организаций исламской торговли) и международных организаций в сфере исламских финансов.

Список использованных источников и литературы

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

3. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 08.08.2024) «О банках и банковской деятельности» // СЗ РФ. – 1996. – № 6. – Ст. 492.

4. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. – 1996. – № 17. – Ст. 1918.

5. Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» // СЗ РФ. – 1998. – № 44. – Ст. 5394.

6. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2019. – № 12. – Ст. 1224.

7. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2019. – № 31. – Ст. 4418.

8. Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5006.

9. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5018.

10. Федеральный закон от 04.08.2023 № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2023. – № 32 (Часть I). – Ст. 6149.

11. Федеральный закон от 31.07.2025 № 337-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" и статью 28 Федерального закона "О рекламе"» // СЗ РФ. – 2025. – № 31. – Ст. 4691.

Нормативные правовые акты зарубежных стран

12. Закон Республики Казахстан от 31 августа 1995 года № 2444 «О банках и банковской деятельности» [Электронный ресурс]. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002444_/z952444.htm (дата обращения: 20.10.2024).

13. Великая Хартия Вольностей 1215 г. [Электронный ресурс]. URL: https://pnu.edu.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/ipgzio12/ (дата обращения: 2.01.2024).

14. Le Code civil des Français (1804) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/legitext000006070721/ (дата обращения: 5.01.2024).

15. Code de commerce (1807) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000005634379/ (дата обращения: 18.01.2024)

16. Bürgerliches Gesetzbuch (1896) [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/ (дата обращения: 5.01.2024).

17. United Arab Emirates Constitution of 1971 [Электронный ресурс] // UAE Ministry of justice: official website. URL: https://elaws.moj.gov.ae/English.aspx?val=EL1 (дата обращения: 19.04.2024).

18. Federal Law of UAE No. 5 issued on 15/12/1985 (as amended on 27/09/2020) «On the Civil Transactions Law of the United Arab Emirates State» [Электронный ресурс]. URL: https://elaws.moj.gov.ae/UAE-MOJ_LC-

En/00_CIVIL%20TRANSACTIONS%20AND%20PROCEDURES/UAE-LC-En_1985-12-15_00005_Kait.html (дата обращения: 22.04.2024).

19. Federal Law of UAE No. 18/1993 of 7 Sep 1993 (no longer in force) «Issuing the Commercial Transactions Law (The UAE Code of commercial practice)» [Электронный ресурс]. URL: https://www.moec.gov.ae/en/federal-law-no-18-of-1993-concerning-the-commercial-transactions-law (дата обращения: 20.04.2024).

20. Federal Law № 1 of 2006 On Electronic Commerce and Transactions [Электронный ресурс] // URL: https://tahseen.ae/media/2670/uae-2006-ecommerce-and-transactions-law-english.pdf (дата обращения: 05.02.2026).

21. Federal Law № 15 of 2020 on Consumer Protection [Электронный ресурс] // URL: https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1455/download (дата обращения: 05.02.2026).

22. Federal Decree-Law of UAE No. 50/2022 of 3 Oct 2022 «Issuing the Commercial Transactions Law (Commercial Code)» [Электронный ресурс]. URL: https://www.moec.gov.ae/documents/20121/0/DecreeLaw_50_2022_pdf.pdf (дата обращения: 20.04.2024).

23. Federal Decree-Law of UAE № 32 of 25 September 2023 on Finance Lease (the New Finance Lease Law) [Электронный ресурс]. URL: https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/2147/download (дата обращения: 21.04.2024).

24. Basic Law of Governance of Saudi Arabia (27th Sha'ban 1412 H (1 March 1992)). [Электронный ресурс]. URL: https://www.saudiembassy.net/basic-law-governance (дата обращения: 13.05.2024).

25. Law of Commercial Courts of Saudi Arabia (approved by Royal Decree No. M/93 du 15/08/1441H (April 8, 2020)). [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/20321 (дата обращения: 13.05.2024).

26. Royal Decree of Saudi Arabia No. (M/126) dated 10/7/1440 H. E-Commerce Law [Электронный ресурс] // URL:

https://www.lexismiddleeast.com/law/SaudiArabia/RoyalDecree_126_1440/en (дата обращения: 05.02.2026).

27. Ministerial Decision No. 200/1441 approving the Implementing Regulations of the E-Commerce Law [Электронный ресурс] // URL: https://www.lexismiddleeast.com/law/SaudiArabia/MinisterialDecision_200_1441/en (дата обращения: 05.02.2026)

28. Royal Decree of Saudi Arabia No. M/191 of 18/6/2023 «Civil Transactions Law». [Электронный ресурс]. URL: https://laws.moj.gov.sa/legislation/x5mmyRvSC8dun5XxLYxEeQ== (дата обращения: 02.05.2024).

29. The commercial transactions draft law of Saudi Arabia (نظام مشروع المعاملات التجارية) (in Arabic). [Электронный ресурс]. URL: https://istitlaa.ncc.gov.sa/ar/Trade/mci/CTL/Pages/default.aspx (дата обращения: 02.05.2024) (доступ к сайту из России ограничен, доступ через VPN).

30. Law of Commercial Agencies of Saudi Arabia (Royal Decree No. 11 July 22, 1962). [Электронный ресурс]. URL: https://mc.gov.sa/en/Regulations/Pages/details.aspx?lawId=4d8399da-0653-4727-bec9-a82200b3f908 (дата обращения: 13.05.2024).

31. Commercial Papers Law of Saudi Arabia (Royal Decree No. 37 February 25, 1964). [Электронный ресурс]. URL: https://mc.gov.sa/en/Regulations/Pages/details.aspx?lawId=902b46c8-5393-4226-86e2-a81e01030439 (дата обращения: 13.05.2024).

32. Law of Commercial Pledge of Saudi Arabia (Royal Decree No. M/86 April 24, 2018). [Электронный ресурс]. URL: https://mc.gov.sa/en/Regulations/Pages/details.aspx?lawId=6dff491d-f547-49fd-954f-a8c5009b927a (дата обращения: 13.05.2024).

33. E-Commerce Law of Saudi Arabia (Royal Decree No. M/126 July 10, 2019). [Электронный ресурс]. URL: https://mc.gov.sa/en/Regulations/Pages/details.aspx?lawId=aaa4d4cf-ca57-41ff-a3f9-aa8500a3512c (дата обращения: 13.05.2024).

34. Franchise Law of Saudi Arabia (Royal Decree No. M/22 October 8, 2019). [Электронный ресурс]. URL: https://mc.gov.sa/en/Regulations/Pages/details.aspx?lawId=39a94095-dfac-4bbd-9329-aae100869ac9 (дата обращения: 13.05.2024).

35. Public Warehousing Law of Saudi Arabia [Электронный ресурс]. URL: https://mc.gov.sa/en/Regulations/Pages/details.aspx?lawId=6c2ca70a-6650-4805-8d87-a8220101c87f (дата обращения: 13.05.2024).

36. Movable Property Security Law of Saudi Arabia (Royal Decree No. M/94 April 8, 2020). [Электронный ресурс]. URL: https://mc.gov.sa/en/Regulations/Pages/details.aspx?lawId=dfcc6743-2de8-4941-bfe1-ac6300d8ef56 (дата обращения: 13.05.2024).

37. Companies Law of Saudi Arabia (28 June 2023). [Электронный ресурс]. URL: https://mc.gov.sa/ar/Documents/SEN.pdf (дата обращения: 13.05.2024).

38. The Constitution of Qatar (April 29, 2003). [Электронный ресурс]. URL: https://www.gco.gov.qa/wp-content/uploads/2016/09/GCO-Constitution-English.pdf (дата обращения: 13.05.2024).

39. Civil And Commercial Procedure Law of Qatar (Law No. 13 of 1990). [Электронный ресурс]. URL: https://www.almeezan.qa/LawPage.aspx?id=2492&language=en (дата обращения: 13.05.2024).

40. Constitution of Yemen (May 16, 1991). [Электронный ресурс]. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Yemen_2015 (дата обращения: 13.05.2024).

Международные акты

41. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 1994. – № 14.

42. UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts (2016) [Электронный ресурс]. URL:

https://www.unidroit.org/english/principles/contracts/principles2016/principles2016-e.pdf (дата обращения: 14.01.2024)

43. Principles of European Contract Law – PECL [Электронный ресурс]. URL: https://www.trans-lex.org/400200/_/pecl/ (дата обращения: 14.02.2024)

44. Incoterms 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.tws.by/tws/references/supply-conditions/incoterms (дата обращения: 14.02.2024)

45. A-national rules as the applicable law in international commercial contracts with particular reference to the ICC Model Contracts [Электронный ресурс]. URL: https://iccwbo.be/shop/developing-neutral-legal-standards-for-international-contracts-free-ebook/ (дата обращения: 15.01.2024).

Материалы исламской правовой доктрины (фикх)

46. Al-Bukhari M. Sahih Bukhari. – Al-Saadawi Publications, 2009.

47. Ibn-e-Ashur. Ibn Ashur Treatise on Maqasid al-Shariah. – The International Institute of Islamic Thought (IIIT), 2006.

48. Ibn-Taymiyyah, Taqi-ud-Din. Majmu' al-Fatawa: Arabic (20 Vol Set). – Egypt: Dar al Wafa and Dar Ibn-Hazm, 2007.

49. Imam Sakhasi. Al-Mabsoot. – Darun Nashr, 2009.

50. At-Tirmidhi M. Sunan At-Tirmidhi. –Beirut: Dar ul Fikar. 2007.

51. Ibn-e-Majah M. Sunan Ibn-e-Majah. – Dar al-Da’wah, Istanbul. 2013.

52. Al-Ayni B. Umda-tul-Qari Sharh-e-Bukhari. –Beirut: Dar al-Kitab al-Arab, 2009.

53. Al-Kasani A. Badai al-Sanai fi Tarteeb al-Sharai. – Lenasia: Darun Nashr Islamic World, 2004.

54. Al-Hajjaj M. Sahih Muslim. – Islamic Book Service, 2011.

Материалы судебной практики

55. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 №16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2014. – №5.

56. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 2.

57. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.08.2023 № 9-КГ23-10-К1 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

58. Shamil Bank of Bahrain EC v Beximco and others [2004] EWCA Civ 19, English Court of Appeal [Electronic source]. URL: https://zulkiflihasan.files.wordpress.com/2008/11/microsoft-word-shamil-v-bemcico.pdf (accessed: 5.02.2024)

59. The Investment DAR Company K.S.C.C. v Blom Development Bank S.A.L (2009) [Электронный ресурс]. URL: https://vlex.co.uk/vid/the-investment-dar-company-794071981 (дата обращения: 5.02.2024)

Диссертации и авторефераты диссертаций

60. Андреева Л.В. Теоретические проблемы коммерческого права России: дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2004. – 536 с.

61. Беккин Р.И. Исламские финансовые институты и инструменты в мусульманских и немусульманских странах: особенности и перспективы развития: дис. … канд. экон. наук. – М., 2009. – 369 с.

62. Бондаренко Д.П. Правовое регулирование договора коммерческой концессии в российском праве: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2013. – 169 с.

63. Григорьев Т.Ю. Трансграничные дистрибьюторское соглашение и договор торгового представительства в российском и зарубежном праве: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2018. – 246 с.

64. Доронькина В.Ю. Имплементация дистрибьюторского договора в российское право: дис. … канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2016. – 166 с.

65. Ефимова Л. Г. Банковские сделки: актуальные проблемы: дис. … д-ра юрид. наук. – Москва, 2000. – 520 с.

66. Канашевский В. А. Внешнеэкономические сделки: основные регуляторы, их соотношение и взаимодействие: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2009. – 421 с.

67. Карпов Н.Н. Правовое регулирование поставки товаров в торговые сети: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2022. – 258 с.

68. Ломакина Е.В. Негосударственное регулирование международных комерческих отношений: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2015. – 183 с.

69. Стригунова Д.П. Эмерджентность системы правовых регуляторов международных коммерческих договоров в праве России, стран ЕАЭС и ЕС: дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2019. – 485 с.

70. Титова М.Н. Правовое регулирование отношений франчайзинга при осуществлении предпринимательской деятельности по законодательству Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2016. – 239 с.

71. Al-Gahtani S. Las transacciones internacionales de comercio e inversiones en los países del Golfo: entre la Sharia y la Lex mercatoria: tesis doctoral. – Madrid, 2017. – 528 p.

Монографии

72. Белых В. С. Договорное право Англии: сравнительно-правовое исследование. – Москва: Проспект, 2017. – 206 с.

73. Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. – Москва: Проспект, 2014. – 432 с.

74. Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование): монография: в 5 т. Т. I. – М.: Проспект, 2022. – 367 с.

75. Гордон В.М. Система советского торгового права: Обзор действующего законодательства по внутренней торговле. – Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1924. – 198 с.

76. Грин Д.Р. Британия. Краткая история английского народа. Том 1. – М.: МФЦП, 2010. – 720 с.

77. Гроций Г. Введение в голландскую юриспруденцию. – Киев: Центр навчальної літератури, 2019. – 466 с.

78. Егорова М.А. Коммерческие договоры / Рос. Акад. Гос. Службы при Президенте РФ. – М.: Волтерс Клувер, 2011. –394 с.

79. Еремин А.А. Франчайзинг и договор коммерческой концессии: теория и практика применения: монография. – М.: Юстицинформ, 2017. – 208 с.

80. Ефимова Л. Г. Банковские сделки: право и практика. – М.: НИМП, 2001. – 654 с.

81. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. – М., 2019. – 976 с.

82. Каминка А.И. Очерки торгового права. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. – 547 с.

83. Канашевский В.А. Внешнеэкономические сделки: материально-правовое и коллизионное регулирование. – М., 2008. – 211 с.

84. Кулагин М.И. Избранные труды по акционерному и торговому праву. – М.: Статут, 2004. – 363 с.

85. Покровский И. А. История римского права. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 447 с.

86. Право цифровой среды: монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. – М., 2022. – 896 с.

87. Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. – М., 2020. – 304 с.

88. Танага А.Н. Момент заключения договора в российском гражданском праве. – М.: Проспект, 2023. – 120 с.

89. Татаркина К. П. Форма сделок в гражданском праве России. – Томск: Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 2012. – 263 с.

90. Удинцев В.А. Избранные труды по торговому и гражданскому праву. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. – 360 с.

91. Цитович П. П. Очерк основных понятий торгового права. – М.: ЮрИнфоР, 2001. – 448 с.

92. Asad T. Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity. – Stanford University Press, 2003. – 285 p.

93. Ayub M. Understanding Islamic Finance. – Wiley Finance Series. John Wiley & Sons Ltd, 2007. – 544 p.

94. Ballantyne W.M. Commercial Law in the Arab Middle East: The Gulf States. – London: Springer, 1986. – 339 p.

95. Brown N.J. Constitutions in a nonconstitutional world. Arab basic laws and the prospects for accountable government. – New York: Suny Press, 2002. – 260 p.

96. Chapra M. The Islamic Vision of Development in the Light of the Maq id al-Shar ah. – Islamic Research and Training Institute (IRTI), Islamic Development Bank. 2008. – 57 p.

97. Ercanbrack J. The Transformation of Islamic Law in Global Financial Markets. – Cambridge University Press, 2015. – 397 p.

98. Foster N. Islamic Commercial Law: An Overview. – Barcelona: School of Law and School of Oriental and African Studies University of London, 2006. – 15 p.

99. Grath V.A. The Handbook of International Trade and Finance. – Londo: Kogan Page, 2008. – 198 p.

100. Hallaq W. The Origins and Evolution of Islamic Law. – Cambridge University Press, 2004. – 250 p.

101. Hourani A. Arabic Thought in the Liberal Age 1798-1939. – Cambridge University Press, 1983. – 406 p.

102. Islamic Commercial Law (Fiqh al-Muamalat). – Selangor: LexisNexis, 2009. – 143 p.

103. Kamali M.H. An Introduction to Shari’ah. – Oxford: One world Publications, 2008. – 342 p.

104. Khadduri M., Liebesny H. Law in the Middle East. Vol 1. – The Middle East Institute, 1955. – 395 p.

105. Kurdi A.A. The Islamic State. A Study Based on the Islamic Holy Constitution. –London: Mansell Publishing Limited, 1984. – 147 p.

106. Lew J.D. Contemporary Problems in International Arbitration. – Springer, 1986. – 417 p.

107. Mansoori M. T. Islamic Law of Contracts and Business Transaction. – Sharia Academy, Islamic International University Islamabad, 2004. – 357 p.

108. Powers D.S. Studies in Qur‟an and Hadīth: The Formation of the Law of Inheritance. – Berkeley, CA: University of California Press, 1986. – 278 p.

109. Trakic A., Haydar Ali Tajuddin, H. (eds) Islamic Law in Malaysia. – Singapore: Springer, 2021. – 151 p.

110. Zoair M., Mohamed A. Smart Sukuk Issuance Platforms based on Blockchain Technology to Finance Small and Medium Enterprises in the Kingdom of Saudi Arabia: Opportunities and Challenges. – Saudi Central Bank, 2022. – 65 p.

Учебная литература

111. Андреева Л. В. Коммерческое (торговое) право: учебник / Л. В. Андреева. – Москва: КноРус, 2024. – 250 с.

112. Белов В.А. Понятие и виды торговых договоров: курс лекций. Учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. – М.: Юрайт, 2023. – 502 с.

113. Белов В.А. Торговое (коммерческое) право: академический курс. Торговые договоры. – М.: Юрайт, 2024. – 1090 с.

114. Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права: Часть общая. Т. 1. – С.-Пб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. – 793 с.

115. Ерпылева Н.Ю. Международное частное право: учеб. – М., 2004. – 316 с.

116. Левушкин А. Н. Договоры в предпринимательской деятельности. Учебник. – М.: Проспект, 2023. – 400 с.

117. Коммерческое (торговое) право зарубежных стран: учебник и практикум для вузов / В. Ф. Попондопуло [и др.]; ответственные редакторы В. Ф. Попондопуло, О. А. Макарова. 4-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 562 с.

118. Коммерческое право: учебник для вузов / Е. А. Абросимова [и др.]; под общей редакцией Е. А. Абросимовой, В. А. Белова, Б. И. Пугинского. 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 606 с.

119. Коммерческое право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Юриспруденция» и «Коммерция (торговое дело)» / Н. Д. Эриашвили, М. Н. Илюшина, А. В. Барков; под ред. Н. Д. Эриашвили. 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. – 671 с.

120. Российское предпринимательское право: учебник / В. С. Белых, М. А. Бажина, В. М. Богданов [и др.]; отв. ред. В. С. Белых. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2022. – 766 с.

121. Учебник морского торгового законоведения / Сост.: проф. Е. В. Васьковский, присяж. повер. О. Я. Пергамент. – С-Пб.: Тип. А. Бенке, 1906. – 260 с.

122. Цитович П.П. Учебник торгового права. Выпуск первый / Орд. профессора Императорского Университета Св. Владимира П. Цитовича. Киев: Издание книгопродавца Н.Я. Оглоблина, 1891. – 295 с.

Публикации в периодических изданиях

123. Алексеева Д. Г., Михеева И. Е. «Партнерский банкинг: проблемы правового регулирования, защиты прав участников, перспективы внедрения»: обзор выступлений в рамках совместной научно-практической конференции Юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 12 (73). – С. 200-212.

124. Алексеева Д. Г., Михеева И. Е. Правовые проблемы имплементации исламского банкинга в России // Право и экономика. – 2017. – № 7. – С. 72-79.

125. Аль-Захрави М. А., Салимов М. Р. Методология Ибн аль-Хумама в книге «ат-Тахрир фи усуль аль-фикх» // Minbar. Islamic Studies. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 848–858.

126. Артемов Г.А. Сравнительный анализ договора коммерческой концессии и франчайзинга (франшизы) // Юрист. – 2024. – № 2. – С. 25-28.

127. Арчакова-Ужакова М.Б. Исламские финансовые инструменты как альтернативный способ привлечения инвестиций // Глобальные рынки и финансовый инжиринг. – 2017. – Т. 4. № 2. – С. 140-145.

128. Ахмедов Р. М., Эриашвили Н. Д., Иванова Ю. А. Некоторые особенности соотношения традиций мусульманского сообщества и современных цифровых технологий // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 4. – С. 35–38.

129. Барбоев И. Н. Актуальные проблемы в договоре поставки и ответственность за невыполнение условий договора / И. Н. Барбоев, О. В. Халматова // Достижения науки и образования. – 2024. – № 1(92). – С. 32-36.

130. Беккин Р. И., Алискеров М. С. Особенности исламского финансового сектора в России на современном этапе и перспективы его роста // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 4. – С. 60-64.

131. Белов В. А. «Торговая (коммерческая)» составляющая Гражданского кодекса Российской Федерации: основные компоненты // Законодательство. – 2021. – № 2. – С. 17-27.

132. Буркова Д. А. Роль средневековых университетов в рецепции римского права // Russian Journal of Economics and Law. – 2022. – №4. – С. 777-789.

133. Важенин С. Г., Сухих В. В. Доверие в торговых традициях исламских стран // ЭКО. – 2010. – № 7(433). – С. 136–147.

134. Василевская Л. Ю. Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // Хозяйство и право. – 2019. – № 5. – С. 3–14.

135. Власов А. А. Торговый кодекс как ключевой инструмент коммерческого регулирования / А. А. Власов, В. Н. Коваленко // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2014. – № 2(33). – С. 68-72.

136. Власова Н. В. Трансграничный дистрибьюторский договор в национальном законодательстве и международной коммерческой практике // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – Т. 19, № 3. – С. 78-89.

137. Гонгало Б. М., Новоселова Л. И. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права? // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 179–192.

138. Гукасян Г. Л. Проблемы управления экономической реформой в странах ССАГПЗ // Вестник МГИМО. – 2020. – №5. – С. 290-299.

139. Гутенева А. В. Возможности использования в отечественном правопорядке исламского коммерческого договора мудараба // Хозяйство и право. – 2025. – № 3(578). – С. 87-102.

140. Гутенева А. В. Система торговых (коммерческих) договоров в мусульманских странах: основные модели // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2025. – № 7(131). – С. 178-186.

141. Гутенева А.В. Эволюция исламского торгового права под влиянием международной торговой практики: к проблеме конвергенции правопорядков // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2024. – №8 (120). – С. 224-234.

142. Дарькина М.М. Проблемы переквалификации судом коммерческого договора с одного вида на другой // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № (7). – С. 153-160.

143. Джумагулов Д. Д. Заключение договора путем совершения конклюдентных действий в сети Интернет // Закон. – 2023. – № 5. – С. 167–176.

144. Джумагулов Д. Д. Проблемы согласования воли сторон при заключении договоров цифровой подписки // Закон. – 2025. – № 9. – С. 171–181.

145. Джумагулов Д. Д. Электронная форма соглашения: правовые проблемы идентификации лица, выразившего волю // Юридические исследования. – 2025. – № 7. – С. 89–106.

146. Иванов О. М. Регулирование партнерского финансирования: правовой эксперимент и его участники // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 1(101). – С. 60-69.

147. Идрисов Х. В. Договор исламской рассрочки (мурабаха): понятие, существенные условия и сравнительно-правовой анализ / Х. В. Идрисов, А. С. Тазбаев // Закон. – 2023. – № 10. – С. 157-165.

148. Исаева Е.А. Исламский банкинг: основные правила и принципы, перспективы развития в современных условиях // Финансовые рынки и банки. – 2023. – №6. – С. 140-146.

149. Карапетов А. Г. Комментарий к ст. 808 ГК РФ // [источник]. – С. 282.

150. Карлаш Д. С. Электронный документооборот: вопросы правового регулирования // Право и экономика. – 2019. – № 8. – С. 22–28.

151. Коваленко В. Торговый кодекс России - основа коммерческого права // Закон и право. – 2008. – № 12. – С. 109-110.

152. Комиссарова Е.Г., Кузнецова О.А. К вопросу о внутреннем строении современного частного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – № 42. – С. 644-663.

153. Кресс В. В. Цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровая валюта и криптовалюта: проблемы правового содержания и взаимодействия // Экономика. Право. Общество. – 2023. – Т. 8, № 4(36). – С. 66–71.

154. Кузнецова А. Н., Тенберга И. Купля-продажа и запрет неопределенности (гарар) в исламской традиции // Правоведение. – 2022. – № 2. – С. 162–192.

155. Курбатова Г. В. Виды договора поставки и его отличия от смежных гражданско-правовых договоров / Г. В. Курбатова, С. Н. Бакунин // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 3(178). – С. 148-149.

156. Левушкин А. Н., Алборов С. В. Правовая природа предпринимательских договоров и обязательств, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности // Lex Russica. 2021. №2 (171). С. 29-39.

157. Мажорина М. В. Lex mercatoria: средневековый миф или феномен глобализации? // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 4. – С. 4-19.

158. Мажорина М.В. Вненациональные нормы как применимое право к международным контрактам: оксиморон или новая реальность? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2016. – №12 (28). – С. 93-103.

159. Мареев Ю.Л. Договор коммерческой концессии: особенности предмета // Законность и правопорядок. – 2022. – № 3(35). – С. 31-37.

160. Медушевский Н. А., Громова А. С. Современные институты исламского права // Теории и проблемы политических исследований. – 2023. – Т. 12, № 5А-6А. – С. 89–100.

161. Мирмохаммади М. Исламский взгляд на международное коммерческое право (сравнительное исследование) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – №4. – С. 112-119.

162. Платонов С. В. К вопросу о концепции Торгового кодекса // Таможенное дело. – 2008. – № 2. – С. 28-29.

163. Попондопуло, В. Ф. Модельный Торговый кодекс (Закон о торговле) для государств-участников СНГ: концепция и структура / В. Ф. Попондопуло // Коммерческое право: актуальные проблемы и перспективы развития: сборник статей: к юбилею доктора юридических наук, профессора Бориса Ивановича Пугинского. – Москва: Статут, 2011. – С. 12-27.

164. Пугинский Б. И. Коммерческий договор в системе управления // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2019. – №3. – С. 92-102.

165. Рожкова М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. – 2020. – № 10. – С. 3–13.

166. Рузанова В.Д. Дуализм частного права как проявление дифференциации правового регулирования // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2017. – №2 (51). – С. 52-57.

167. Савельев А. И. Электронная коммерция в России без ЭЦП: иллюзия или реальность? // Вестник гражданского права. – 2013. – № 3. – С. 43–88.

168. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. – 3-е изд. – М. : Статут, 2020. – 920 с.

169. Сафина Т. А. Актуальность и значимость исследования процессов трансформации и цифровизации экономики в современном мире // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 6(157). – С. 228–229.

170. Стригунова Д. П. Понятие и признаки международного коммерческого договора // Вестник экономической безопасности. – 2015. – №4. – С. 89-95.

171. Стригунова Д. П. Проблемы юридической квалификации и правового регулирования международного дистрибьюторского договора // Право и экономика. – 2023. – № 4(422). – С. 5-9.

172. Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. – 2020. – № 6. – С. 8–29.

173. Токмаков Е.А. Исламский банкинг: понятие, факторы становления и предпосылки развития в России // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2023. – Том 15. № 3 (49). – С. 83-105.

174. Фетисов Н. И. Криптовалюты, цифровые финансовые активы и цифровой рубль: финансовые инструменты в условиях развития цифрового общества // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2024. – № 1-2. – С. 209–213.

175. Хабичев Р. Х. Квалификация дистрибьюторских договоров // Вестник Академии права и управления. – 2021. – № 1(62). – С. 113-117.

176. Чокаев Б. Исламские финансы: возможности для российской экономики // Вопросы экономики. – 2015. – № 6. – С. 106-127.

177. Шейхов М. Г. Место дистрибьюторского договора в системе гражданско-правовых договоров Российской Федерации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2022. – № 11. – С. 207-211.

178. Шелепина Е. А. Применение электронных документов в гражданских правоотношениях: условия и возможности // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 10. – С. 31–39.

179. Шишканов В.А. Проблемы кодификации российского предпринимательского права // Сибирский юридический вестник. –2004. –№4. – С. 36-42.

180. Шляпина В. А. Актуальные проблемы договора поставки товаров в системе договоров гражданского права / // Вестник науки. – 2022. – Т. 1, № 1(46). – С. 108-111.

181. Янкин Г.Н. Проблемы принятия торгового кодекса // Аллея науки. – 2017. – Т. 2, № 11. – С. 94-97.

182. Abozaid A. Combining Contracts Together: An Analysis from Maqasid Perspective // Journal of Islamic Economics. – 2022. – № 2. – P. 87-98.

183. Abuhimed F. Civil Transactions Law of Saudi Arabia. – AS&H Clifford Chance, 2024. – 5 p.

184. Aloufi A., Khan M. A., Hussain B. Legal Gaps, Islamic Ethics, and Digital Trust: Building a Regulatory Framework for Saudi E-Commerce Under Vision 2030 // Journal of Cultural Analysis and Social Change. – 2025. – Vol. 10, № 4. – P. 3860–3880.

185. Atiyah G. A., Manap N. A., Ibrahim A. I., Rahman A. Legitimacy of Smart Contracts from the Perspective of Islamic Law: A Case Study of Blockchain Transactions // Al-Istinbath: Jurnal Hukum Islam. – 2024. – Vol. 9, № 1. – P. 155–192.

186. Baker H.S. The Rise of the lex mercatoria and Its Absorption by the Common Law of England // Kentucky Law Journal. – 1917. – №4 (5). – P. 19-25.

187. Bedir M. Fikh to Law: Secularization through Curriculum // Islamic Law and Society. – 2004. – № 11. – P. 379-380.

188. Benseghir M., Zerara A., Bentria M. Consumer Protection in Digital Markets: A Comparative Legal Analysis of E-Commerce Regulation in the United Arab Emirates and Indonesia // Jurisdictie: Jurnal Hukum dan Syariah. – 2025. – Vol. 16, № 2. – P. 374–416.

189. Chuah J. Impact of Islamic Law on Commercial Sale Contracts – A Private International Law Dimension in Europe // European Journal of Commercial Contract Law. – 2010. – № 4. – P. 191-204.

190. Derigs U., Marzban S. Review and Analysis of Current Shari'ah-Compliant Equity Screening Practices // International Journal of Islamic and Middle Eastern Finance and Management. – 2008. – Vol. 1. № 4. – P. 285-303.

191. Dikko M. Documenting Contracts in Shari'ah: Rules and Implications in an Era of Advances in Technology // LexScriptio: A Journal of the Department of Jurisprudence and Islamic Law. – 2025. – Vol. 2, № 2. – P. 342–358.

192. Domboli J., Kashefi F. Doing Business in the Middle East: A Primer for U.S. Companies // Cornell International Law Journal. – 2005. – №38. – P. 31-40.

193. Domínguez E.L. The Interaction of Civil Law and Commercial Law // Louisiana Law Review. – 1982. – №5 (45). – P. 362-370.

194. Firouzkah Z., Montazeri Z., Faghani R. Examining the Legitimacy of Electronic Commerce in Islamic Jurisprudence // Comparative Studies in Jurisprudence, Law, and Politics. – 2026. – Vol. 8, № 1. – P. 1–12.

195. Foster M. Islamic Commercial Law: An Overview (I) // InDret. – 2006. – №4. – P. 7-17.

196. Gaston E., al-Dawsari N. Justice in transition in Yemen. A mapping of local justice functioning in ten governorates // PEACEWORKS. United States Institute of Peace (USIP). – 2014. – № 99. – 88 p.

197. Goldman R. La Lex Mercatoria dans les Contrats at l'arbitrage Internationaux: Realite et Perspectives // Journal du droit international. – 1979. – № 4. – P. 489-499.

198. Goode R. Usage and Its Reception in Transnational Commercial Law // International and Comparative Law Quarterly. – 1997. – №2. – P. 28-39.

199. Hallaq W. «Muslim Rage» and Islamic Law // Hastings Law Journalю – 2003. – № 54. – P. 1707-1719.

200. Hallaq W. Was the Gate of Ijtihad Closed? // International Journal of Middle East Studies. – 1984. – № 16. – P. 3-17.

201. Hassan H Contracts in Islamic Law: The Principles of Commutative Justice and Liberality //Journal of Islamic Studies. – 2002. – № 2. – P. 257-260.

202. Hassan H. Contracts in Islamic Law: The Principles of Commutative Justice and Liberality // Journal of Islamic Studies. – 2017. – № 13. – P. 260-270.

203. Hegazy W. Islamic Liability (Ḍamān) as Practiced by Islamic Financial Institutions // Wisconsin International Law Journal. – 2008. – Vol. 25, № 4. – P. 797–835.

204. Hijazi D., Omran M., Alzubi E., Aldmour R. Electronic Commercial Contracts in Saudi Arabia: Legal and Regulatory Challenges // International Journal of Innovative Science and Research Technology. – 2024. – Vol. 9, № 9. – P. 2214–2221.

205. Kamali M. H. The Principle of Original Permissibility (Ibahah) // Shariah and the Halal Industry. – New York, 2021. – P. 26–33.

206. Khan M. S. Islamic Interest-Free Banking. – IMF Staff Papers, 1986. – P. 1–27.

207. Khan N., Kchouri B., Yatoo N. A., Kräussl Z., Patel A., State R. Tokenization of sukuk: Ethereum case study // Global Finance Journal. – 2022. – Vol. 51. – Article 100539.

208. Libson G. On the Development of Custom as a Source of Law in Islamic Law // Islamic Law and Society. – 1997. – № 4. – P. 146-158.

209. Maddi M. Islamic Sharia Perspective and Legistlation of Trade and Procurement Comparing with the Conventional Rules. – IPPC, 2014. – 7 p.

210. Maknouzi M. Islamic commercial arbitration and private international law: mapping controversies and exploring pathways towards greater coordination // Humanities and Social Sciences Communications. – 2023. – № 523. – P. 627-637.

211. Mallat C. Commercial Law in the Middle East: Between Classical Transactions and Modern Business // American Journal of Comparative Law. – 2000. – № 48. – P. 81-141.

212. Mallat C. Commercial Law in the Middle East: Between Classical Transactions and Modern Business // American Journal of Comparative Law. – 2000. – № 48. – P. 94-104.

213. Mallat C. Commercial Law in the Middle East: Between Classical Transactions and Modern Business // The American Journal of Comparative Law. – 2000. – №1 (48). – P. 102-112.

214. McHugo J.The Legal Structure for Investment in Oman in the 1990s: A Case Study of an Arabian Gulf Oil Exporting Economya case Study of an Arabian Gulf Oil Exporting Economy // The International Lawyer. – 1990. – №3. – P. 113-123.

215. Musadad A., Baihaqi, Nasik K., Khazin A. M., Syaifudin M. The Role of The Taysir Manhaji Method in The Development of Islamic Economic Law in Indonesia Through DSN-MUI Fatwas // Journal of Islamic Economic Laws. – 2025. – Vol. VIII, № 1. – P. 130–154.

216. Naseer A., Tahir M., Haq Z. Mitigation (Takhfeef) and Facilitation (Tayseer): In the Context of Islamic Law: A Jurisprudential Study // Remittances Review. – 2024. – Vol. 9, № 3. – P. 529–538.

217. Pejovic C. Civil Law and Common Law: Two Different Paths Leading to the Same Goal // Poredbeno pomorsko pravo. – 2001. – №40. – P. 35-46.

218. Pekerti R. D., Hikmatyar M., Rizal D., Nurzaman I. Smart Sukuk on Blockchain Technology: A Systematic Literature Review // Advances in Economics, Business and Management Research. – 2024. – Vol. 288. – P. 434–439.

219. Register L.B. The Dual System of Civil and Commercial Law // University of Pennsylvania Law Review. – 1913. – №3. – P. 342-356.

220. Rizwan A., Qureshi S., Hashmi M. A. I. Smart Contracts and Shariah Compliance: A Legal Paradox? // Annual Methodological Archive Research Review. – 2025. – Vol. 3, № 12. – P. 369–379.

221. Salman Syed A., Hasan H. Towards a Maqasid al-Shariah based Development Index. IRTI Working Paper 1435-18. – Islamic Research and Training Institute (Kingdom of Saudi Arabia), 2014. – 24 p.

222. Savelyev A. Software-as-a-service – Legal nature: Shifting the existing paradigm of copyright law // Computer Law & Security Review. – 2014. – Vol. 30, № 5. – P. 560–568.

223. Schmitthoff C.M. International Business Law: A New Law Merchant // Current Law and Social Problems. – 1961. – Vol. 2. – P. 129-142.

224. Shah S., Rashid A. Governing Principals of Shari’ah: A Study of Islamic Business Transactions for Contemporary Practices // Al-Azhāar. Special Edition. – 2015. – № 1(2). – P. 158-170.

225. Siddiqi M. Nejatullah. Islamic Banking and Finance in Theory and Practice: A Survey of the State of the Art // Islamic Economic Studies. – 2006. – № 13(2). – P. 1-48.

226. Twibell T.S. Implementation of the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG) Under Shari‟a (Islamic Law): Will Article 78 of the CISG Be Enforced When the Forum is an Islamic State? // International Legal Perspectives. – 1997. – №3. – P. 16-25.

227. Uriawan W., Tarigan M. F., Zebua H. K., Andriansyah M. N., Sukarya M., Haikal M. R. E-commerce Transactions in Islam: Fiqh Muamalah on The Validity of Buying and Selling on Digital Platforms // arXiv. – 2025. – DOI: 10.48550/arXiv.2601.02384.

228. Usmani T. Principles of Shari'ah Governing Islamic Investment Funds // International Journal of Islamic Financial Services. – 1999. – Vol. 1. № 2. – P. 45-58.

229. Zarqa M. Islamization of Economics: The Concept and Methodology // Islamic Economies. – 2003. – №16. – P. 51-65.

230. عجاج الـعزيـز ع بد إبـ راهيم محمد مسعود، الـحمـيد ع بد الـ قادر ع بد أحمد .الـ بـ يع تـ حـ لـ يـ لـ ية فـ قهـ ية دراسة :الـ شرعـ ية وأحـكامه الإلـ كـ تروني [Электронная торговля и ее шариатские предписания: аналитическое исследование фикх] // الـ لـ يـ بـ ية الـمجـلة

الدراسات الأكاديمية المعاصرة [Ливийский журнал современных академических исследований]. – 2025. – Т. 3, № 2. – С. 1-10. – DOI: 10.65417/ljcas.v3i2.181.

Ресурсы сети Интернет

231. Биржевый паевый инвестиционный фонд «Халяльные инвестиции». Официальная фетва [Электронный ресурс] // ПАО «Сбербанк»: официальный сайт. URL: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/islamic-banking/pai_fond_invest_fetva.pdf (дата обращения: 20.10.2024).

232. Заключение ответственного комитета (Комитета Государственной Думы по финансовому рынку) на проект федерального закона № 746023-6 «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона "О банках и банковской деятельности"» [Электронный ресурс] // СОЗД. URL: http://sozd.duma.gov.ru/download/AB7C2C18-EEC9-4E36-892F-5DA59AA10A56 (дата обращения: 20.10.2024).

233. Законопроект № 746023-6 «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона "О банках и банковской деятельности" (о запрете кредитной организации заниматься производственной и страховой деятельностью)» [Электронный ресурс] // СОЗД. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/746023-6 (дата обращения: 20.10.2024).

234. Законопроект № 937165-6 « О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "О финансовой аренде (лизинге)" (в части уточнения порядка перехода права собственности на предмет лизинга)» [Электронный ресурс] // СОЗД. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/937165-6 (дата обращения: 20.10.2024).

235. Законопроект № 960422-6 «О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части инструментов традиционного (партнерского) банкинга)» [Электронный ресурс] // СОЗД. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/960422-6 (дата обращения: 20.10.2024).

236. Законопроект № 960451-6 «О внесении изменений в федеральный закон «О банках и банковской деятельности» (в части доверительного управления

имуществом). [Электронный ресурс]. // СОЗД. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/960451-6 (дата обращения: 20.10.2024).

237. Законопроект № 983065-6 «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об инвестиционном товариществе" (в части партнерского товарищества)» [Электронный ресурс] // СОЗД. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/983065-6 (дата обращения: 20.10.2024).

238. Законопроект № 987933-6 «О внесении дополнений в часть вторую Гражданского кодекса Российской Федерации (в части договора счета эскроу-инвестиционный)». [Электронный ресурс] // СОЗД. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/987933-6 (дата обращения: 20.10.2024).

239. Меморандум Банка России и AAOIFI [Электронный ресурс] // Банк России. 2024. URL: https://cbr.ru/press/event/?id=21125 (дата обращения: 05.02.2026).

240. Мусульманское население по странам. [Электронный ресурс]. URL: https://az.sputniknews.ru/20220404/musulmanskoe-naselenie-po-stranam-440701302.html (дата обращения: 20.10.2024).

241. Новак сообщил о росте поставок нефти из России в Индию в 2022 году в 22 раза // Интерфакс. 28 марта 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.interfax.ru/business/893204 (дата обращения: 15.05.2023).

242. Официальный отзыв Правительства Российской Федерации на проект федерального закона № 746023-6 «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона "О банках и банковской деятельности"» [Электронный ресурс] // СОЗД. URL: http://sozd.duma.gov.ru/download/467EB5B8-DBDE-4474-8B44-76FA36A0E332 (дата обращения: 20.10.2024).

243. Письмо АРБ Директору Департамента финансовой политики Министерства финансов РФ Барсукову С.В. «Об информационных материалах в части развития партнерского (исламского) банкинга в РФ» (№ А-01/1Э-01 от 11.01.2016) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Ассоциации российских банков. URL:

https://arb.ru/b2b/docs/pismo_arb_direktoru_departamenta_finansovoy_politiki_ministerstva_finansov_rf_ba-9980161/?sphrase_id=497771/ (дата обращения: 20.10.2024)

244. Представлена финальная версия ТЭО по исламскому банкингу в России [Электронный ресурс] // Islamic Finance Business. 7 декабря 2015 г. URL: http://islamic-finance.ru/news/2015-12-07-1559 (дата обращения: 20.10.2024).

245. Продукт «Аккредитив – Ограниченная мудараба». Официальная фетва. [Электронный ресурс] // ПАО «Сбербанк»: официальный сайт. URL: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/islamic-banking/prod_akkred_ogr_fetva.pdf (дата обращения: 20.10.2024).

246. Продукт «Ипотека Мурабаха». Официальная фетва. [Электронный ресурс] // ПАО «Сбербанк»: официальный сайт. URL: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/islamic-banking/ipoteka_fetva.pdf (дата обращения: 20.10.2024).

247. Россия и Саудовская Аравия хотят поднять товарооборот до $5 млрд // Коммерсантъ. 12 февраля 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5824873 (дата обращения: 11.05.2023).

248. Стратегия доверительного управления «Халяльные инвестиции». Официальная фетва [Электронный ресурс] // ПАО «Сбербанк»: официальный сайт. URL: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/islamic-banking/doverit_upr_fetva.pdf (дата обращения: 20.10.2024).

249. Тектонический сдвиг: как изменилась внешняя торговля России в 2022 году // РБК. 5 января 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/economics/05/01/2023/63a449789a79477778972b81 (дата обращения: 11.05.2023).

250. Типовая форма договора доверительного управления активами физического лица для стандартной стратегии «ЛАЛЭ» [Электронный ресурс] // Банк «Ак Барс»: официальный сайт. URL: https://akbars-capital.ru/trust-control/ (дата обращения: 20.10.2024).

251. Товарооборот между Россией и Ираном в 2022 году составил $4,6 млрд // Интерфакс. 23 января 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.interfax.ru/russia/881814 (дата обращения: 11.05.2023).

252. Товарооборот между РФ и ОАЭ в 2022 году вырос до $9 млрд // ТАСС. 20 февраля 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/ekonomika/17094049 (дата обращения: 11.05.2023).

253. Товарооборот между РФ и ОАЭ в 2022 году вырос до $9 млрд // ТАСС. 20 февраля 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/ekonomika/17094049 (дата обращения: 11.05.2023).

254. Товарооборот России с Катаром [Электронный ресурс]. URL: https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-katarom-v-2021-g/ (дата обращения: 11.05.2023).

255. Ali M. R., Amanullah M. The Purpose Of Saving Money In Islamic Law And Its Applications According To Ibn Nujaym Al-Hanafi: An Analytical Study: مقصد تحليلية دراسة :الحنفي نجيم ابن عند وتطبيقاته الإسلامية الشريعة في المال حفظ // Al-Qanatir: International Journal of Islamic Studies. 2025. Vol. 34, № 1. P. 181–204.

256. Al-Khalaileh L. Smart contracts in light of the provisions of Islamic jurisprudence and the civil law of Jordan / Al-Khalaileh L., Al-Billeh T., Al-Findi A.S., Al-Hailat O. // Corporate Law & Governance Review. 2025. Vol. 7, № 3. P. 180-189.

257. Civil transaction law of Saudi Arabia. Clifford Chance, 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cliffordchance.com/briefings/2024/02/civil-transaction-law-of-saudi-arabia.html (дата обращения: 13.05.2024).

258. Indonesian Islamic body forbids crypto as currency [Электронный ресурс] // Reuters. 2021. URL: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/indonesian-islamic-body-forbids-crypto-currency-2021-11-11/ (дата обращения: 05.02.2026).

259. Is Crypto Legal in Saudi Arabia? Regulations & Compliance [Электронный ресурс] // Lightspark. 2025. URL: https://www.lightspark.com/knowledge/is-crypto-legal-in-saudi-arabia (дата обращения: 05.02.2026).

260. Islamic Finance 2.0: Innovation, Tokenisation, and the Evolution of Sukuk Markets in the GCC [Электронный ресурс] // White & Case Insights. 2025. URL: https://www.whitecase.com/insight-alert/islamic-finance-20-innovation-tokenisation-evolution-sukuk-markets-gcc (дата обращения: 05.02.2026).

261. Rud M. UAE Crypto Regulation 2025: Complete Guide to VARA, ADGM, SCA, CBUAE Stablecoin Rules, Security Tokens, & On-Chain Real Estate [Электронный ресурс] // ComplyFactor. 2025. 13 сентября. URL: https://complyfactor.com/uae-crypto-regulation-2025-complete-guide-to-vara-adgm-sca-cbuae/ (дата обращения: 05.02.2026).

262. Shari'ah-Compliant Digital Assets and the Future of Ethical Crypto Investment: Ruya's Regulated Bitcoin Service Reshaping Islamic Finance in the UAE [Электронный ресурс] // AInvest. 2025. URL: https://www.ainvest.com/news/shari-ah-compliant-digital-assets-future-ethical-crypto-investment-ruya-regulated-bitcoin-service-reshaping-islamic-finance-uae-2512/ (дата обращения: 05.02.2026).

263. The Saudi Arabian Civil Transactions Law. ZAMAKHCHARY & CO. [Электронный ресурс]. URL: https://www.legal500.com/doing-business-in/focus-on-the-saudi-arabian-civil-transactions-law/ (дата обращения: 13.05.2024).